

Е. П. САВЕЛЬЕВ

КАЗАКИ

ИСТОРИЯ

Репринтное переиздание книги
Е. П. Савельева «Древняя история казачества»
выходившей в городе Новочеркасске в 1915 г.

Ответственные за выпуск:
Ю. В. Сергеев,
Н. П. Рендаков.

Художник Л. Д. Матвеев

Подписано в печать 13.08.91 г. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 1991
года — 10000 экз. Издание 1-е. Заказ № 5.
Цена договорная.

Издание акционерного предприятия «СПАС»
при Союзе Писателей Осетии и России. 362040.
Владикавказ, проспект Мира, 25.

Вмѣсто предисловія.

(Какъ нужно писать исторію).

Исторія казачества, въ томъ числѣ и Донского, еще мало разработана, а потому казацье населеніе въ массѣ своей о великихъ дѣлахъ предковъ своихъ знаетъ очень немного: о первоначальномъ же происхожденіи этого народа не имѣетъ ни малѣйшаго представленія. если не считать ни на чемъ неоснованныхъ легендъ, дошедшихъ до насъ изустнымъ преданіемъ, или записанныхъ и необдуманно принятыхъ за достовѣрные факты нѣкоторыми легковѣрными историками. Письменныхъ памятниковъ о древностяхъ казачества очень немного, да и тѣ разбросаны по разнымъ, мало изученнымъ, русскимъ и иностраннымъ архивамъ и бібліотекамъ: доступныя же изученію русскія лѣтописныя сказанія говорятъ о казачествѣ весьма сбивчиво, а въ большинствѣ случаевъ почти совсѣмъ о томъ замалчиваютъ. Донской архивъ, въ которомъ, надо полагать, было немало цѣннаго матеріала по данному вопросу, сгорѣлъ до-тла въ гор. Черкасскѣ въ 1744 году.

Читатель скажетъ, что это все давно забыгныя дѣла и вспоминать о нихъ нѣтъ никакого интереса и смысла. Но это далеко невѣрно. Исторія есть результатъ человѣческихъ опытовъ; опыты же мы можемъ забыть лишь тогда, когда мы въ нихъ болѣе не нуждаемся, между тѣмъ какъ мы еще и теперь на каждомъ шагу на-талкиваемся на такіе факты, которые намъ непонятны съ современной точки зрѣнія, но могутъ быть объяснены лишь исторіей. Къ нимъ мы можемъ отнести, съ одной стороны, проявленіе отличительной народной гордости, стремленіе къ властвованію, вѣроисповѣдной терпимости и національной обособленности, наряду съ непроевѣщенностью массъ; съ другой — часто до поразительности быстрый и устойчивый культурный ростъ народа съ прогрессивнымъ стремленіемъ къ владычеству надъ другими національностями не путемъ насилія и страха, а науки, искусствъ и вообще культурно-экономическаго превосходства надъ остальными.

Взвѣсить, оцѣнить, объяснить и освѣтить все это можетъ намъ лишь только исторія.

Историкъ долженъ быть безпристрастенъ, объективенъ и независимъ. Это самыя главные его достоинства. Безъ этихъ качествъ изъ-подъ пера его выйдетъ не правдивая исторія даннаго народа, въ научномъ смыслѣ, а пристрастный разсказъ о жизни одного, съ порицаніемъ или умаленіемъ историческаго значенія другого. Такая исторія для науки значенія имѣть не можетъ. Начинаящій историкъ долженъ это помнить. Скрывать, извѣщать и замалчивать гребущія порицанія дѣйствія историческихъ личностей—это значитъ затемнять ходъ жизни народа и его стремленіе къ будущему. Говорить во всеулышаніе, раскрывать злоупотребленія и бороться съ ними—дѣло науки, которая должна быть руководительницей въ нашей жизни. Благородные мыслители и историческіе дѣятели должны трудиться надъ развитіемъ человѣческой культуры и утвержденіемъ нравственныхъ воззрѣній въ обществѣ, которое въ этомъ случаѣ должно быть единомыслящимъ на пространствѣ всего культурнаго міра.

Ничто такъ рельефно не рисуетъ степени культурности пишущаго класса, а также умственнаго и нравственнаго состоянія самаго народа, какъ его историческая литература. Изъ всѣхъ предметовъ, въ которыхъ упражняется перо, эта часть самая трудная и можетъ называться настоящимъ мѣриломъ начитанности и учености писателя, его чувствъ и понятій. Въ этомъ трудѣ отражаются въ полномъ свѣтѣ и его собственныя познанія, и мнѣнія, и нравственный обликъ, и, наконецъ, искусство, приобретенное навыкомъ и упражненіемъ, побѣждать свои страсти, свою самонадѣянность, свои и чужіе предразсудки въ пользу истины и общаго блага.

Можетъ ли Донское казачество похвалиться по части исторической литературы?

Къ сожалѣнію, у насъ на Дону такой литературы слишкомъ мало, хотя уже достаточно собрано матеріала для исторіи этого войска.

Донскіе казаки, въ большинствѣ случаевъ, не знаютъ даже, кто были ихъ предки, откуда пришли и почему они называются казаками. Они знаютъ только, что дѣды ихъ и прадѣды издавна служили Россійскимъ Государямъ и за вѣрную службу получали отъ нихъ разныя льготы, привилегіи и жалованныя грамоты на владѣніе принадлежащими имъ нынѣ землями и угодьями. Вотъ и все. Вообще у насъ на Дону, не говоря уже о массѣ казачества, малограмотной и даже неграмотной, и въ интеллигентной средѣ исто-

рией интересуются мало и книги по историческим вопросам расходятся слабо. А вопросъ объ исторіи казачества поднимался нѣкоторыми истинно любящими свою родину не разъ, даже были попытки и къ составленію исторіи, но труды эти вообще страдали недостаточною разработанностью историческаго матеріала и неудачными заимствованіями и подражаніемъ другимъ историкамъ, мнѣнія и выводы которыхъ, иногда завѣдомо невѣрные, принимались какъ положительныя данныя и цѣлкомъ вносились въ эти труды. Поднимался вопросъ и о происхожденіи казачества, но дальше предположительныхъ выводовъ онъ не шелъ, а выводы эти были: „Донское казачество, по всей вѣроятности, происхожденія неблагороднаго,—оно образовалось изъ бѣглецовъ разныхъ областей Московскаго государства“ и т. д. (Карамзинъ); или „въ Придонскихъ степяхъ собирается (въ XV в.) вольница изъ русскихъ бѣглецовъ-разбойниковъ“... (Иловайскій).

Мѣстные историки упустили изъ вида, что исторія цѣлаго государства не есть исторія его окраинъ. У историковъ государства задачи были совсѣмъ другія, чѣмъ у историковъ, пишущихъ исторію какого-либо народа, вошедшаго въ составъ этого государства. Тамъ исторія окраинъ приносилась въ жертву центра, выдающіяся событія и стремленія окраинъ замалчивались или объяснялись съ точки зрѣнія центра, даже иногда порицались, какъ сепаратныя. Такъ напримѣръ, въ русской исторіи при покореніи царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ о казакахъ упоминается лишь вскользь, говорится мелькомъ, между тѣмъ какъ, по достовѣрнымъ историческимъ даннымъ, въ покореніи Казани ихъ участвовало отъ 6 до 7 тысячъ. Пусть это были казаки Рязанскіе и Мещерскіе, но достовѣрно и то, что тамъ была и донская конница. Казаки, какъ люди ратные, болѣе другихъ были знакомы съ употребленіемъ пороха и искусствомъ осады крѣпостей, а потому при подкопахъ и взрывѣ казанскихъ стѣнъ они играли первенствующую роль и первые ворвались въ проломы крѣпости. Такую же первенствующую роль они играли и при покореніи царства Астраханскаго. „Свѣдавъ о томъ, что царь Іоаннъ рѣшился покорить царство Астраханское, Донскіе казаки, пламенѣя доказать усердіе свое къ Государю, приговорили въ кругу своемъ вспомоцествовать ему. Почему знатная ихъ часть, подъ начальствомъ походныхъ атамановъ—Павлова и Ляпуна, пошли къ Переволокъ и, дождавшись тутъ царскихъ войскъ, шедшихъ Волгой

подъ предводительствомъ князя Вяземскаго, присоединились къ онѣмъ“, говоритъ російскій историкъ. И только. Лѣтописи же объ этомъ событіи говорятъ, что когда московскія войска еще продолжали плыть Волгою, а часть ихъ, высадившись на сушу, медленно подвигалась правымъ берегомъ рѣки къ Астрахани, казаки, составляя передовой отрядъ, подъ Чернымъ островомъ нанесли также пораженіе Ямгурчею, астраханскому царю, что тотъ бросилъ городъ и расположился станомъ въ 5-ти верстахъ ниже него. При вторичномъ пораженіи казаками онъ съ остатками своихъ войскъ ушелъ въ степи и, преслѣдуемый атаманомъ Павловымъ на разстояніи болѣе четырехсотъ верстъ, успѣлъ вскочить въ Азовъ только съ 20-ю всадниками. Князь Вяземскій занялъ Астрахань безъ боя.

Російскій историкъ честь покоренія Астрахани всецѣло приписываетъ царю Іоанну Грозному и его полководцу князю Вяземскому; историкъ же Донскаго казачества въ подобнаго рода событіяхъ, не умаляя дѣятельности и стремленій Російскихъ Монарховъ къ объединенію страны и покоренію ея враговъ, долженъ быть болѣе самостоятельнымъ и постараться о казакахъ сказать правдивую и подробную повѣсть, не подражая первымъ и заимствуя отъ нихъ только то, что, по провѣркѣ, дѣйствительно является истиннымъ.

Труды нашихъ Донскихъ историковъ обнаруживаютъ и еще одинъ общій недостатокъ—это отсутствіе критическихъ приѣмовъ историческихъ изслѣдованій, или слишкомъ одностороннее отношеніе къ такому труду.

Историческія творенія считались и считаются всегда результатомъ необыкновеннаго трудолюбія, терпѣнія, прилежныхъ изысканій, долгихъ соображеній, обширной учености и тщательно обработанной мысли. Тотъ, кто собирается писать исторію, долженъ посвятить многіе годы на собраніе всего того, что можетъ просвѣтить его умъ по избранному предмету; долженъ сличить всѣ тексты, сблизить всѣ отголоски одного и того же извѣстія, взвѣсить всѣ сопряженныя съ нимъ нравственныя и физическія обстоятельства; долженъ преслѣдовать его не только на родной землѣ, но и за предѣлами ея, до послѣдняго эха, прозвучавшаго въ бытописаніяхъ разныхъ народовъ; долженъ проникнуть во всѣ доступные источники, не пропустить ни одной строчки, не увидѣвъ ея собственными глазами и не взвѣсивъ собственнымъ безпристрастіемъ. Первая обязанность въ такомъ случаѣ—знать, гдѣ искать: вторая—умѣть находить. Для этого нужна безконечная начитанность,

любовь къ избранному предмету, а, главное, къ народу. исторію котораго собираешься писать*). Нужно родиться среди этого народа, долго жить съ нимъ, изучить его нравы и обычаи, языкъ, пѣсни, игры, повѣрья и историческія сказанія въ видѣ народнаго эпоса: нужно изучить антропологию народа и всё археологическія памятники данной мѣстности. Исторія безъ сравнительнаго языковѣдѣнія, антропологии и археологии будетъ не полна, сбивчива и не точна, а потому и не можетъ представить дѣйствительной картины жизни прошлаго. Лингвистика ищетъ родственность народовъ въ сродствѣ корней ихъ первоначальнаго языка: исторія культуры въ связи съ археологіей—въ общности культа; антропология же ищетъ родство народовъ въ общихъ чертахъ ихъ физическаго строенія, въ устройствѣ черепа и другихъ частей тѣла. Следовательно, для изученія исторіи даннаго народа, какъ напримѣръ, казачества, необходимо знать не только русскія лѣтописныя сказанія, но и исторію, антропологию, языки и археологию всѣхъ сосѣднихъ народовъ, какъ родственниковъ, такъ и принадлежащихъ къ другой расѣ, съ которыми древнее казачество сталкивалось и тѣмъ или инымъ способомъ получало вліяніе, заимствовало культуру и проч.

Однимъ словомъ, нѣтъ такого мелкаго историческаго вопроса, который не требовалъ бы подробнаго изученія и долговременнаго обзора со всѣхъ сторонъ.

Историкъ обязанъ знать все, что въ его время извѣстно наукѣ объ этомъ вопросѣ. Для него не должно служить преградой даже незначіе языковъ тѣхъ народовъ, съ которыми древнее казачество сталкивалось въ теченіе многихъ вѣковъ, а также сокрытыя въ нѣдрахъ кургановъ тайны, могущія свидѣтельствовать о былой жизни Дона.

Донскіе казаки, служившіе съ честью около четырехъ вѣковъ Московскому государству и своею доблестью и рыцарскою храбростью извѣстные всему міру, должны имѣть и знать свою исторію.

Они, во дни порабощенія Россіи, ея безсилія и неустойчивости, на южныхъ ея предѣлахъ, сами собою встали грозной стѣной и своимъ удалствомъ и упорной борьбой, длившейся цѣлые вѣка, изумили всѣ сосѣдніе народы. Отъ береговъ Дуная и Днѣпра, по степямъ Дона, Кубани, Терека, Нижней Волги, Урала и далѣе на Востокъ, по дебрямъ Сибири, до Амура и Камчатки, по межѣ ве-

*) Эти мысли высказывалъ еще Сениковский въ статьѣ „Казаки“ изъ 1831 году, хотя самъ и не воспользовался ими, произведя слово—„казакъ“ отъ казъ, гасъ—гусь, гусакъ.

ликой современной Россіи, казачьи общины первыя положили завѣтную черту, чрезъ которую не суждено было уже перешагнуть сосѣднимъ народамъ, и своимъ мужествомъ и кровію отстояли занятыя ими земли. Примѣръ въ жизни народовъ рѣдкій. (Вегель).

Казачество предложившее свою службу Московскому Царю въ половинѣ XVI вѣка въ борьбѣ съ ихъ общими врагами — турками, крымцами, астраханцами, ногаями и другой татарвой, было уже довольно значительной и сильной народной общиной. Слѣдовательно, служба казачества Москвѣ началась раньше, чѣмъ это принято думать.

Все это должно быть выяснено будущими донскими историками.

Отъ такихъ историковъ требуется безпристрастная оцѣнка дѣла казачества и его историческаго роста.

Для исторіи о началѣ казачества недостаточно знать мѣстные источники, а нужно хорошо изучить историковъ греческихъ, римскихъ, армянскихъ, арабскихъ, татарскихъ и турецкихъ, порыться въ консульскихъ донесеніяхъ XI—XV в.в., хранящихся въ архивѣ монастыря св. Марка въ Венеціи, основательно познакомиться съ археологіей Дона, береговъ Чернаго и Азовскаго морей и тогда уже сказать свое слово и сдѣлать заключеніе о томъ, кто были предки Донскихъ казаковъ XV и XVI в.в., а равно, кто были предки казаковъ мещерскихъ, рязанскихъ, сѣверскихъ (севрюковъ) и запорожскихъ.

Новочеркасскъ.
1915 г.

Е. П. Савельевъ.

Предки казачества.

Глава I.

Взглядъ историковъ на происхождение казаковъ.

Вызывать въ воспоминаніи минувшее есть своего рода способъ заглядывать въ будущее.

Многочисленный народъ, населяющій въ настоящее время берега Дона, Кубани, Терека, Урала, Нижней Волги, Иртыша, Амура, Усури и другія мѣста великой Россіи, какъ-то: Забайкалье и даже Камчатку и съ гордостью называющій себя въ теченіе многихъ вѣковъ „казаками“, едва ли можетъ правильно понимать носимое имъ имя, а тѣмъ болѣе объяснить его значеніе.

Въ русской исторической литературѣ хотя и были многократныя попытки къ объясненію этого слова, но онѣ, какъ увидимъ ниже, не привели ни къ какому положительному результату. Задача дѣйствительно нелегкая, тѣмъ болѣе, что названіе народа „казаки“ тѣсно связано съ вопросомъ о его происхожденіи.

Если мы станемъ на точку зрѣнія русскіихъ историковъ, объясняющихъ, хотя и бездоказательно, происхождение казачества отъ гулящихъ, бездомныхъ людей и бѣглыхъ преступниковъ изъ разныхъ областей Московскаго и Литовско-Польскаго государствъ, „искавшихъ дикой воли и добычи въ опустѣлыхъ улусахъ орды Батяя“ (Карамзинъ), то названіе „казакъ“ будетъ происхожденія сравнительно недавняго, явившееся на Руси не ранѣе XV вѣка и данное этимъ бѣглецамъ другими народами, какъ имя нарицательное, съ отождествленіемъ со словомъ „вольный, никому неподвластный, свободный“. (Отождествленіе это будетъ объяснено ниже). Но тогда явится на сцену совсѣмъ необъяснимый вопросъ, а именно: почему бѣглецы эти, скопившіеся на Днѣпрѣ и Дону и по низовьямъ Волги, стали сами себя въ XV и XVI в.в. именовать казаками, — названіемъ чуждымъ, для нихъ совсѣмъ непонятнымъ, и съ гордостью носить это имя въ теченіе четырехъ вѣковъ, совсѣмъ

отрицая какую-либо связь съ московскими и литовскими областями, кромя связи по религии.

Русскіе и всѣ славянскіе народы издавна называютъ германцевъ нѣмцами. французы аллеманами, англичане, какъ и древніе римляне—германцами. шведы и норвежцы—по своему и т. д.; сами же нѣмцы, считая эту кличку для себя обидной, называютъ себя дейтшъ, а страну свою Дейтшландъ¹⁾.

Арабы, русскіе и южныя славяне турокъ называютъ: турки, тюрки и турци, отъ арабскаго слова „туркуръ“, разбойникъ, слѣдовательно, прозвищемъ браннымъ, которое турки не любятъ; сами же себя они именуютъ османами (османли) отъ султана Османа и оттоманами.

Подобныхъ примѣровъ можно привести тысячи и всѣ они будутъ свидѣтельствовать, что каждый народъ носитъ съ гордостью только то имя, которое онъ самъ себѣ далъ, а не то, какимъ его называютъ другіе народы, часто даже въ насмѣшку или какъ бранное.

Освобожденные отъ рабства американскіе негры въ 1821 году основали на западномъ берегу Африки самостоятельную республику и назвалъ ее Либерія (отъ лат. слова liber—свободный); почему же русскіе и литовскіе бѣглецы, почувствовавъ въ южныхъ степяхъ вольную волю и свободу отъ гнета бояръ, не наименовали свою общину и себя однимъ изъ этихъ названій, а какимъ-то невѣдомымъ имъ словомъ „казакъ“, объяснить которое лингвисты до сего времени не могутъ, и все это происходитъ отъ того, что всѣ историки стоятъ на ложной дорогѣ въ вопросѣ о происхожденіи этого, какъ будто-бы вѣдимаго, но на самомъ

¹⁾ А. Вельманъ (Донъ, Москва, 1866 г.) слово „дейтшъ“ производитъ отъ славянскаго племени даковъ или дачанъ, жившихъ въ IV в. по среднему Дунаю, а потомъ постепенно поднявшихся изъ его верховья и въ VIII в. сѣшавшихся съ жившими тамъ германцами, обновивъ это полудикое племя и давъ имъ некоторую культуру, заимствованную отъ грековъ. Въ это же время у нѣмцевъ появилось и названіе ихъ укрябленыхъ мѣстъ—замковъ—*бургъ*, отъ греческаго „бургосъ“—башия.

Названіе нѣмецъ у насъ принято производить отъ слова нѣмой, т. е. не умѣющій говорить по-славянски, не-умецъ. Основаніемъ къ этому послужило древнее греческое названіе иностранцевъ *немосъ* (немос), отъ *на*—нѣтъ и *мосъ*—речь, т. е. неговорящій, бесцвѣсный, зачѣнное впоследствии словомъ варваръ. Это звали вѣрно „Нѣмецъ“ или „немецъ“ произошло отъ славянскихъ словъ „не“ и „имать“, т. е. неимѣющій, бездомный, грабщикъ другихъ и, главнымъ образомъ, славянъ. Объ этомъ грабительствѣ свѣдѣтельствуетъ и вся исторія Дейтшланда. Слѣдовательно, названіе народа „дейтшъ“ впервые появилось въ исторіи только въ VIII в. нашей эры.

Латинскія названія *германцы* (germanni) и *Германія* нѣмцамъ (кимвражъ и гетонажъ) искони не были извѣстны. Ихъ такъ называли римляне (Цезарь, Тацитъ, Страбонъ и др.) въ смыслѣ націи (natio), въ отличіе отъ племенъ (gentes), т. е. союзомъ, братовщиной (Тацитъ). И дѣйствительно, германцы, раздѣляясь на многія независимыя племена, во время войны всегда соединялись въ одинъ общій союзъ, въ одну духовно сплоченную массу, братовщину.

дѣтъ загадочнаго народа—казаковъ. Были ли когда въ исторіи примѣры, чтобы бѣжавшіе въ одиночку холопы и преступники за тысячи верстъ отъ своей родины, среди чуждаго и враждебнаго имъ народа могли основать особое государство, составить сильную демократическую, свободолюбивую и религиозно-идейную общину, цѣлый народъ, съ его своеобразнымъ правленіемъ, дѣ старшаго не было, а младшій равенъ всѣмъ, съ особыми воинскими приемами, съ особеннымъ говоромъ, другими нравами и обычаями, а главное—рыцарской идеей лечь костью за обиженныхъ и угнетенныхъ, за свои родныя земли и православную греческую вѣру, на удивленіе всему міру и на славу своимъ потомкамъ. Примѣръ въ исторіи рѣдкій, если не сказать—единственный. Исключительнымъ его называть нельзя, такъ какъ въ исторіи подобнаго рода исключеній не было и быть не можетъ.

Казаки отстояли для Россіи весь югъ, покорили Сибирь, проникли на Амуръ за 200 лѣтъ до его присоединенія (въ Албазинѣ), открыли Беринговъ проливъ за 100 лѣтъ до Беринга (казакъ Дежневъ) и даже проникли до острововъ Новой Сибири, въ Ледовитомъ океанѣ²⁾.

На покоренныхъ и отнятыхъ у татаръ и турокъ земляхъ они стали твердой ногой по Дону, Тереку, Кубани, Уралу, Ирғышу, Амуру, даже до Камчатки, сохраняя повсюду свои особенные, мало понятные историкамъ, нравы, обычаи и своеобразное воинское устройство. Сдѣлали ли что-либо подобное прославленные за ономъ алжирскіе пираты и итальянскіе бандиты, существовавшіе, какъ извѣстно, болѣе тысячи лѣтъ? Ничего подобнаго.

Казаки-некрасовцы, ушедшіе отъ гнѣва Петра Великаго, въ числѣ 600 семей, съ атаманомъ Игнатіемъ Некрасовымъ, сподвижникомъ Кондратія Булавина, въ 1708 году, на Кубань, а потомъ—въ Турцію, въ теченіе 200 лѣтъ неизмѣнно сохраняютъ древній общинно-казачій строй, старинный казачій говоръ, нравы и обычаи XVI в., выбираютъ, какъ и прежде, атамановъ и есауловъ и рѣшаютъ все свои общественныя дѣла казачьимъ кругомъ.

Могли ли такъ поступать потомки всякаго рода бѣглыхъ изъ разныхъ мѣстъ, случайнаго, какъ думаютъ нѣкоторые историки, сброда, неизмѣннаго общихъ традицій и не соединеннаго однимъ идейно-рыцарскимъ духомъ, если бы все это имъ не было переда-

²⁾ Близу Иркутка и теперь еще видна крѣпость—острогъ, построенная казаками, сподвижниками Ермака, въ 1622 г. изъ гигантскихъ стволовъ лиственницы.

но издревле отъ славныхъ предковъ. Мы думаемъ, что случайно или по невѣсть попавшіе въ степи бѣглецы скоро ассимилировались бы въ средѣ чуждаго имъ народа и въ теченіе вѣковъ утратили бы свою національность, такъ что отъ нихъ не оставалось бы и слѣда.

Не то мы видимъ въ средѣ казачества, разбросаннаго волею судебъ по вѣтвямъ окраинамъ обширной Россіи. Вездѣ мы видимъ одну общую казацкую идею, одинъ мощный казацкій духъ.

Западное средне-вѣковое рыцарство, прославившееся грабежами, насиліемъ и угнетеніемъ мирнаго земледѣльческаго люда, ничего общаго съ идеей казачества не имѣетъ. Казачество стояло за свою свободу, за права обиженныхъ и угнетенныхъ, за свои земли и за свою вѣру, никому не навязывая ее и насильно не обращая въ нее невѣрныхъ, между тѣмъ какъ въ западномъ рыцарствѣ цѣль была совсѣмъ другая, а именно—порабощеніе мирныхъ и беззащитныхъ гражданъ и распространеніе католицизма мечемъ среди славянъ и литовцевъ, т. е. цѣль отрицательная.

Казакъ прежнихъ вѣковъ, какъ это ни странно звучитъ для историковъ, не считали себя русскими, т. е. великороссами или москвичами: въ свою очередь и жители московскихъ областей да и само правительство смотрѣли на казаковъ, какъ на особую народность, хотя и родственную съ ними по вѣрѣ и языку³⁾. Вотъ почему сношенія верховнаго правительства съ казаками въ XVI и XVII в.в. проходили чрезъ посольскій приказъ, т. е. по-современному—чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, чрезъ которое вообще сносятся съ другими государствами. Казацкихъ пословъ или, какъ ихъ тогда называли, „станицы“ въ Москвѣ принимали съ такою же пышностью и торжественностью, какъ и иностранныя посольства: объ этомъ намъ подробно говоритъ русскій публицистъ XVII в., современникъ царя Алексѣя Михайловича, Григорій Котошихинъ.

Съ Петра Великаго, съ 1721 года, войско Донское перешло въ вѣдѣніе военной коллегіи. Съ этого времени, вмѣсто Царскихъ грамотъ, адресованныхъ „на Донъ, въ верхніе и южныя юрты, атаманомъ и казакомъ и всему великому войску Донскому“, и отписокъ казаковъ прямо къ Царю, на Дону стали получаться приказы коллегіи и указы Сената.

³⁾ Даже позднѣйшіе историки, А. Филимоновъ въ „Очеркахъ Дона“ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и В. Ф. Соловьевъ въ своей брошюрѣ „Особенности говора Донскихъ казаковъ“ въ 1900 г. писали, что казаки, не смотря на то, что стоятъ за Русь, что поля ихъ оберегаютъ ея окранны и что все имѣютъ рвеніе постоять за Царя, сами себя не считаютъ русскими; что если любому казаку предложить вопросъ: „развѣ ты не русскій?“ Онъ всегда съ гордостью отвѣтитъ: „нѣтъ, я казакъ!“ (Филимоновъ и Соловьевъ не были казаками).

Если же смотрѣть на казаковъ, какъ на исконныхъ обитателей береговъ Азовскаго и Чернаго морей, Дона и Нижняго Днѣпра, о чемъ мы будемъ говорить въ слѣдующихъ главахъ, то происхождение имени „казакъ“ объясняется очень легко и значеніе этого слова было понятно какъ для самихъ древнихъ казаковъ, такъ и для сосѣднихъ съ ними народовъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ этому объясненію, которое тѣсно связано съ вопросомъ о происхожденіи казачества, мы здѣсь приведемъ мнѣнія по этому предмету нѣкоторыхъ историковъ, а мнѣнія эти, какъ увидятъ читатели, иногда доходятъ до крайней нелѣпости, если не сказать—до смѣшного.

Фишеръ, въ своей Сибирской Исторіи, изданной нашей Академіей Наукъ въ 1774 году, слово „казакъ“ относитъ къ языку татарскому. „Оно означаетъ, по его мнѣнію, такого человѣка, у котораго нѣтъ семьи, или который не имѣетъ постоянного жилища. Названіе это первоначально приписывалось собственно казачьей ордѣ, т. е. ордынскимъ казакамъ, жившимъ въ началѣ XVI в. по Нижней Волгѣ, нынѣ киргизъ-кайсаки, которые своими набѣгами и набѣдами славились передъ прочими народами. Названіе „казакъ“, продолжаетъ Фишеръ, отъ татаръ перешло къ русскимъ и полякамъ⁴⁾.

По мнѣнію Сталенберга, слово „казакъ“ означаетъ вольный, живущій на границѣ и всегда готовый служить за деньги.

Но ни Фишеръ, ни Сталенбергъ не указываютъ, отъ какихъ именно татарскихъ корней они производятъ это слово. Въ современныхъ же нарѣчіяхъ татарскаго языка слова „казакъ“ нѣтъ: слѣдовательно, оно не татарское, а заимствованное ими отъ другого народа и отождествлено по характеру и исторической жизни казачества съ понятіемъ—вольный, никому неподвластный, служа-

⁴⁾ У киргизовъ есть особый родъ, который исключительно носитъ названіе „казакъ“, подобно тому, какъ есть другіе роды „кипчаки“, „чайманъ“ и др. Эти киргизы называютъ себя не „кайсаки“, какъ многие пишутъ; а „кхазаки“. Это потомки смугло-татарианнаго и смѣшаннаго съ другими восточными народностями древнихъ казаковъ. Среди нихъ часто попадаются лица съ чисто ариетскимъ красивымъ профилемъ и веселымъ взглядомъ. Въ языкѣ киргизъ—казаковъ встрѣчается много очень характерныхъ словъ и выраженій, свойственныхъ народу Донскихъ казаковъ прежнихъ вѣковъ, какъ то: кублюкъ—кубелекъ (зеленой матеріи изъ шелковой матеріи яркихъ цвѣтовъ на Дону), чекмень—кафтанъ, казанъ—котелъ, тумакъ—шапка съ верхомъ, шальбары—шаровары, киръ, мерить, башка, таганъ, чуганъ, серьга, чулги—чулки, кунъ—выкупъ, чеканъ—оружіе, тала—талинки, камышъ—камышъ, чунка—свиная, карга, беркутъ, драфа, сазанъ, уранъ—ура, арбузъ—арбузъ, каушъ—дыня, тыква, бахта, канжаръ—князь, чуничка, халабал и др.

Многіе лингвисты склонны думать, что эти и многія другія слова заимствованы русскими и въ частности казаками отъ татаръ и киргизовъ. Это неправо. Славянский языкъ настолько богатъ словами, что, какъ увидимъ ниже, не нуждался въ этомъ заимствованіи и многія тысячи своихъ названій называлъ всѣмъ сосѣднимъ народамъ востока и запада. Сталенбергъ и Рубрукъ не отличаютъ киргизовъ татарскаго историка Абуль-Газа отъ киргизъ-кайсаковъ и называютъ послѣднихъ керезы или черкесы—казаки, африѣ—черкасскіе казаки, что, какъ увидимъ ниже, очень правдоподобно.

щій за деньги и другими проявленіями военного быта пограничныхъ стражниковъ, подобныхъ древнимъ нашимъ предкамъ.

Болтинъ въ примѣчаніи къ исторіи Леклерка, въ 1788 году писалъ, что „въ отдаленныя времена на югѣ Россіи жили татарскіи, сарматскіи и славянскіи племена; что отъ нихъ отдѣлились разныя толпы въ степи, разбойничали тамъ или питались звѣроловствомъ. Татары называли ихъ казаками, т. е. сбродомъ. Люди эти, увеличившись, стали извѣстны въ нашей исторіи подъ именемъ пѣловцевъ, существовавшихъ до нашествія татаръ“.

Вл. Броневскій, въ своей „Исторіи Донского войска“, составленной, какъ извѣстно, по чужимъ рукописямъ и изданной въ СПБ. въ 1834 г., каковой трудъ серьезнаго историческаго значенія не имѣетъ и при томъ репутація этого автора сильно пострадала отъ критическихъ статей извѣстнаго Донского историка В. Д. Сухорукова (Донск. Вѣст. 1867 г. №№ 27—29), ничто же сумняшея, высказался о казакахъ такъ, что будто бы царь Иванъ Васильевичъ, видя размноженіе по Руси бродягъ и разбойниковъ, приказалъ, выражаясь просто, отворить южныя заставы государства и турнуть ихъ вонъ изъ отечества на Довь.

В. Д. Сухоруковъ въ составленномъ имъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, при участіи другихъ авторовъ, „Историческомъ описаніи земли войска Донского“, говорить, что „слово казакъ извѣстно было въ Россіи гораздо раньше этого времени: оно, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на языкѣ монгольскомъ означало пограничнаго стража и вообще военного человѣка; но, разсматривая наши лѣтописи тогдашняго времени, видимъ, что казаками назывались и такіе люди, кои не только вовсе не составляли стражи, но даже разоряли Украину. По смыслу словъ, въ лѣтописяхъ и современныхъ актахъ встрѣчающихся: „На полѣ ходятъ баловники-казаки... живутъ своимъ казачьимъ обычаемъ“ и т. д., нельзя не согласиться, что имя „казакъ“ пригнѣлось однозначительно разбойнику, но въ отношеніи ремесла оно не было столько поноснымъ и преступнымъ, какъ разбойникъ, ибо этотъ родъ жизни и поведеніе были въ духѣ тогдашняго времени. Такимъ образомъ думать надобно, что слово „казакъ“ означало отважнаго наѣздника, живущаго набѣгами и войною, не привязаннаго къ землѣ и домовитости“⁵⁾.

Извѣстный нашъ журналистъ, критикъ, беллетристъ и историкъ Н. А. Полевой говоритъ: „Кажется нѣтъ уже сомнѣнія, что

⁵⁾ 2-е изданіе Области войска Довск. Статистическаго комитета 1908 г.

имя казаковъ есть азіатское названіе легкаго коннаго воина. Тутъ не нужно прибѣгать ни въ Косогомъ и Казахіи Константина Багрянороднаго (X в. по Р. Х.), ни къ козѣ, ни къ козѣ, ни къ козянкѣ, отъ чего выводили имя казаковъ Гербиніи, Пясецкіе, Зиморовичи и др. Въ Азіи доннынъ цѣлая орда турецкая называется казаками (киргизъ-кайсаки). Татары и русскіе принимали въ XV в. имя казака въ смыслѣ бездомнаго, странствующаго удалца-воина. Такъ разумѣлъ и Іоаннъ III въ отвѣтъ хану Зинебеку въ 1477 году. Но то, чѣмъ порицали казаковъ непріатели, составляло ихъ славу, и имя казаковъ осталось именемъ собственнымъ цѣлаго народа, ибо они гордились имъ. Нѣкоторое число сихъ народовъ, избѣгшее меча монголовъ и не хотѣвшее соединиться съ ними, сдѣлались „казаками“.

Баронъ Брамбеусъ (О. И. Сенковскій), знатокъ восточныхъ языковъ, въ 1834 г. (т. VI „Казаки“) писалъ: „Мы не думаемъ, чтобы можно было разсуждать о происхожденіи слова „казакъ“ безъ пособія ориентализма и его исторической критики.. Слово „казакъ“ есть собственное имя народа, который мы нынѣ называемъ киргизами. Кажется, что это поколѣніе, издревле известное въ Азіи отвагою, хищничествомъ и ловкостью всадниковъ, съ давняго времени придало имя свое отрядамъ легкой конницы, употребляемой восточными властелинами для разныхъ воинскихъ назначеній, подобно тому, какъ народное имя швейцарцевъ превратилось въ Европѣ въ наименованіе известнаго рода служителей. То вѣрно, что у монголовъ, завладѣвшихъ Россіей, оно означало, кромѣ киргизовъ, еще вооруженныхъ всадниковъ, не приписанныхъ ни къ какому улусу, не составлявшихъ собственности никакого хана, ни бека, бѣжавшихъ отъ своихъ кочевыхъ владѣльцевъ, коротко сказать — „вольныхъ воиновъ“ изъ разныхъ поколѣній, соединившихся въ легучіе отряды. Слова „казакъ“ и „вольный“ были, какъ бы однокоренныя и потому, первое изъ нихъ, соединяющее въ себѣ при томъ понятіе о войнѣ, такъ нравилось бѣглецамъ изъ Россіи и Литвы, поселившимся на Днѣпрѣ и на Дону. Вотъ все, что при нынѣшнемъ состояніи ориентальной исторической критики можно сказать съ нѣкоторою достовѣрностію о происхожденіи слова „казакъ“; оно, повидимому, ничего не имѣетъ общаго съ именемъ Касоговъ. Не должно, однакожъ, думать, чтобы понятіе „казачества“ не было известно на стѣрѣ гораздо раньше слова казакъ. Оно, кажется, очень древнее и въ нѣкоторомъ отношеніи мо-

жетъ быть названо кореннымъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ, проявившихся въ разные времена подъ разными именами. Здѣсь мы позволимъ себѣ одно сближеніе. Хотя слово „казакъ“ есть собственное имя огромнаго народа, но оно очень давно сдѣлалось уже нарицательнымъ и, при томъ, имѣетъ правильное производство отъ извѣстнаго корня. Какъ нарицательное, въ восточно-турецкихъ языкахъ оно означаетъ—безпріютный, скитающійся, никому неподвластный, вольный. Баберъ часто употребляетъ въ своемъ джигатайскомъ нарѣчій слова „казаклыкъ, казакламакъ“ въ этомъ смыслѣ. Какъ производное, оно происходитъ отъ „казъ“—гусь и значить гусакъ—„свободный, какъ дикій гусь“, говорятъ турки.

Название черкесовъ, которые сами себя именуютъ „адигами“, происходятъ отъ персидскаго слова „серкешъ“, испорченнаго грубыми устами горцевъ, и тоже значить—„неподвластный, бунтующій, вольный“⁶⁾.

Новгородцы, еще до нашествія монголовъ, славились своею „вольницей“. Присовокупите къ тому венгеро-славянское: гуса, гусарь—„свободный всадникъ, бродяга, разбойникъ“, происшедшее отъ слова гусъ (гусь), съ его производными—„гусарити“, т. е. разбойничать на морѣ, „гусарица“—разбойничья лодка и т. д., и вы получите четыре однозначашія названія, четыре разные перевода одной и той же идеи. Вотъ почему донскіе и малороссійскіе казаки назывались попеременно то черкасами, то казаками, вольницей, то даже, какъ напр., новосербскіе ихъ сосѣди и нерѣдко товарищи,—гусарамі⁷⁾.

Остатки ордынскихъ казаковъ, не присоединившіеся къ киргизамъ—своимъ соплеменникамъ, образовавшимъ новое ханство, могли быть первымъ ядромъ, около котораго копилась русскіе бѣглецы. Скоро это ядро могло исчезнуть отъ безженства, преобладавшаго въ скопищѣ, и русское поколѣніе, безпрестанно умножавшееся новыми пришельцами, остаться хозяиномъ союза. Такимъ образомъ, говорить въ заключеніе Сенковскій, первоначальное соединеніе двухъ разнородныхъ племенъ нисколько не мѣшаетъ нынѣшнимъ донцамъ быть сынами славянскихъ предковъ“.

Устряловъ въ своей „Русской исторіи“ говоритъ, что донцы составляютъ чудную смѣсь разноплеменныхъ народовъ: что языкъ

⁶⁾ Черкешъ или серкешъ въ буквальный переводъ означаетъ „головорѣзъ“.

Дат.

⁷⁾ По-словацки гусь-самецъ называется гусеръ, по-сербски—гусаръ, по-чешски—hauser, husak, по-польски—genior, по-древне-этрусски—гасъ, по-осетински—галь.

них состоитъ изъ разныхъ элементовъ: что въ чертахъ ихъ лица есть нѣчто азіатское и что казаки гордятся своимъ происхожденіемъ отъ черкесовъ и даже сами называютъ себя черкесами)⁸⁾.

Д. И. Иловайскій въ „Исторіи Рязанскаго княжества“ (Москва, 1884 г. стр. 203) пришелъ къ заключенію, что „въ XV в. съ одной стороны образуется въ Рязанскомъ княжествѣ особый классъ служилыхъ людей изъ передовой украинской стражи, а съ другой въ Придонскихъ степяхъ собирается вольница изъ русскихъ бѣглецовъ—разбойниковъ“.

То же самое о донскихъ казакахъ говоритъ и Костомаровъ, признавая ихъ не болѣе, какъ бѣглецами, а не какой-либо партией, стремившейся сдѣлать измѣненіе или переворотъ въ обществѣ. (Русская Исторія, гл. XXI, Ермакъ Тимофеевичъ). Какъ тотъ, такъ и другой не дѣлаютъ серьезной попытки къ объясненію этого загадочнаго для нихъ слова „казакъ“. Впрочемъ, Иловайскій въ своихъ „Розысканіяхъ о началѣ Руси“ (1882 г. Москва, стр. 242), цитируя соображенія проф. Бруна, помѣщенныя въ Записк. Од. Общ. Ист. и Др., т. XII, приходитъ къ заключенію, что названіе „казаки“, вопреки всѣмъ попыткамъ объяснить его изъ татарскихъ языковъ, есть, вѣроятно, то же, что казары, съ его вариантами: „казахи“ у Константина Багрянороднаго (X. в.) и касоги въ нашей лѣтописи“.

М. О. Кояловичъ, извѣстный изслѣдователь по исторіи Западной Руси (ум. 1891 г.), высказалъ вообще о казакахъ, что это испорченныя силы русскаго народа, питомцы неестественно натянутой русской жизни временъ Іоанновъ III и IV, негодные (?) люди, испорченные „злыми началами управленія“⁹⁾.

Мнѣнія историковъ Забѣлина, Соловьева и Ключевскаго о происхожденіи казачества я приведу послѣ, а также попутно укажу и на взгляды по этому вопросу историковъ малороссійскихъ и донскихъ.

Исторіографъ Карамзинъ, мнѣніе котораго я нарочито привожу послѣ другихъ, какъ болѣе полное, говоритъ (т. V гл. IV), что „лѣтописи временъ Василія Темнаго, въ 1444 г., упоминаютъ о казакахъ рязанскихъ, какъ особенно легкомъ войскѣ... Казаки были не въ одной Украинѣ, гдѣ имя ихъ сдѣлалось извѣстнымъ

⁸⁾ Казаки называли себя „черкасами“ а не черкесами. Это ошибка историка.

⁹⁾ Напротивъ, въ степи могли бѣжать только съ сильными и свободными духомъ люди, а не негодные и испорченные управленіемъ. Послѣдніе остаются на своихъ местахъ и съ покорностью переносятъ гнетъ и униженія. Видъ ист. американскія земли основаны бѣглецами, бѣжавшими отъ гнета метрополій.

въ исторіи около 1517 г.: но, вѣроятно, что оно древнѣе Батыева нашествія и принадлежало торкамъ и берендѣямъ, которые обитали на берегахъ Днѣпра, ниже Кіева. Тамъ находимъ и первое жилище малороссійскихъ казаковъ. Торки и берендѣи назывались черкасами, а также казаками¹⁰⁾. Вспомнимъ касоговъ, обитавшихъ, по нашимъ лѣтописямъ, между Каспійскимъ и Чернымъ морями, вспомнимъ и страну Казахію, полагаемую греческимъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ сихъ же мѣстахъ: прибавимъ, что осетинцы и нынѣ именуяють черкесовъ казаками. Столько обстоятельствъ, вмѣстѣ взятыхъ, заставляютъ думать, что торки и берендѣи, назывались черкасами, назывались и казаками: что нѣкоторые изъ нихъ, не хотѣвъ покориться ни монголамъ, ни Литвѣ, жили, какъ вольные люди, на островахъ Днѣпра, огражденныхъ скалами, непроходимымъ тростникомъ и болотами, принимали къ себѣ многихъ россіянъ, бѣжавшихъ отъ угнетенія, смѣшивались съ ними и, подъ именемъ казаковъ, составили одинъ народъ, который сдѣлался совершенно русскимъ, тѣмъ легче, что предки ихъ съ X. в. обитали въ области Кіевской и уже были почти русскими... Въ исторіи слѣдующихъ временъ увидимъ казаковъ ордынскихъ, азовскихъ, ногайскихъ и другихъ; сіе имя означало тогда вольницу, набѣдниковъ, удалцовъ, но не разбойниковъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, ссылаясь на лексиконъ турецкій: оно, безъ сомнѣнія, не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и вѣру, добровольно такъ назывались".

Далѣе (т. VIII, гл. IV) Карамзинъ собственно о донскихъ казакахъ говоритъ: „но важнѣйшимъ страшилищемъ для варваровъ и защитою для Россіи между Азовскимъ и Каспійскимъ морями сдѣлалась новая воинственная республика, составленная изъ людей, говорящихъ нашимъ языкомъ, исповѣдующихъ нашу вѣру, а въ лицѣ своемъ представляющихъ смѣсь европейскихъ съ азіатскими чертами, людей неумолимыхъ въ ратномъ дѣлѣ, „природныхъ конниковъ и набѣдниковъ“, иногда упрямыхъ, своевольныхъ, хищныхъ, но подвигами усердія и доблести изгладившихъ вины свои — то были донскіе казаки, выступившіе тогда (въ половинѣ XVI в.) на театр исторіи“.

Карамзинъ прямо не называетъ этихъ „природныхъ конниковъ и набѣдниковъ“ россійскими бѣглецами, а лишь говоритъ,

¹⁰⁾ О томъ, что черные клобуки назывались черкасами, говорятъ Воскресенскій и Кіевскій лѣтописецъ: „Пі ехони свою дружину поиде, пойма съ собою Вячеслава полкъ вѣсь и вси черные клобуки, еже зовутся черкасы.“

что „они считались таковыми“. т. е. кѣмъ-то, по ходячему мнѣнію, не основанному ни на какихъ серьезныхъ историческихъ данныхъ, а это обстоятельство имѣетъ много шансовъ къ болѣе вѣскому утверженію его перваго положенія о томъ, что казачество на южной окраинѣ нынѣшней Россіи было извѣстно ранѣ Батыева нашествія, что оно выступило въ X в. на театрѣ исторіи то подъ именемъ торковъ и берендѣевъ, то черкасовъ и просто казаховъ или казаковъ.

Этотъ взглядъ Карамзина съ нашей точки зрѣнія надо считать болѣе правильнымъ.

Въ слѣдующихъ главахъ мы постараемся доказать, съ приведеніемъ подробныхъ историческихъ данныхъ, что казачество, какъ лихіе конники, съ копьями и саблями—на сушѣ и отважные мореходцы—на морѣ, представляя передовой оплотъ великаго славяно-русскаго племени, было извѣстно, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, въ глубокой древности, за много вѣковъ до Рожд. Христова: что оно обитало почти въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимаетъ и нынѣ: что оно въ XII в. до Р. Х. на 30 корабляхъ съ береговъ Дона, Днѣпра и Днѣстра ходило на защиту Трои, потомъ часть его проникло въ Италію, подъ именемъ гетовъ-русовъ, а впоследствии основало Римъ: что, начиная съ VI в. до Р. Хр. и до XIII в. по Р. Хр., оно наводило страхъ на персовъ и мидянъ, на грековъ и арабовъ; боролось съ татарскими ордами и, въ концѣ-концовъ, осталось побѣдителемъ надъ всѣми своими многочисленными врагами, на славу великихъ свободолюбивыхъ предковъ и въ назиданіе грядущему, несокрушимо и гордому потомству.

Глава II.

Краткій обзоръ современныхъ народовъ Сѣвернаго Кавказа.

Всѣ народы Европы, принадлежащіе къ такъ называемому кавказскому племени, произошли отъ одного общаго первобытнаго племени—арійцевъ, т. е. было то время, когда, по выраженію Макса Мюллера, предка арійцевъ, какъ то: индусовъ, персовъ, грековъ, римлянъ, славянъ, кельтовъ, германцевъ и др. жили подъ одною кровлей, составляя одну семью, родъ¹¹⁾. Уже на порогѣ

¹¹⁾ Слова: аръ, эръ, пръ на всѣхъ древнихъ языкахъ арійскаго корня означаютъ понятіе „мужъ“. Отсюда древне-русское „бояръ“ (бояръ)—боевой мужъ и санскритское агуа (аріа)—благородный. Персы называютъ себя „ирами“, осетины „пронъ“, а страну свою—„пранп-станомъ“. Древнее ассиро-вавилонское и персидское саръ (наше царь), санскритское саръ и сарапе—господинъ, французское серъ и англійское сиръ пѣютъ одинъ и тотъ же общій корень аръ, эръ и пръ.

исторіи между отдельными отраслями арийскаго племени было довольно значительное различіе какъ въ образѣ ихъ жизни, въ нравахъ и обычаяхъ, такъ и въ религиозныхъ воззрѣніяхъ и только сравнительное языковѣдніе позднѣйшихъ временъ могло установить ихъ первоначальное единство. На помощь къ этому явилась археологія и сравнительная антропологія. Лингвистика ищетъ родственность народовъ въ сродствѣ корней ихъ первоначальнаго языка, исторія культуры въ связи съ археологіей—въ общности культуры, антропологія же ищетъ родство народовъ въ общихъ чертахъ ихъ физическаго строенія, въ устройствѣ черепа и другихъ частей тѣла. Одни изъ народовъ, благодаря климатическимъ, географическимъ, топографическимъ и другимъ условіямъ мѣстности, сохранили въ достаточной степени свой древнѣйшій типъ и особенности языка, другіе же, въ виду неблагоприятныхъ историческихъ событій, давно уже утратили не только свою политическую самостоятельность, но и народную индивидуальность, поднавъ зліяніе болѣе численнаго и сильнаго врага и принявъ его языкъ, вѣру и обычаи, и только сравнительная антропологія указываетъ намъ на тѣ или другія физическія особенности такихъ погибшихъ народовъ, выдѣляющія ихъ изъ общей массы, какъ еденицъ, искусственно присоединенныхъ къ чужому организму. Примѣромъ тому могутъ служить давно исчезнувшіе, политически, народы передней Азіи, какъ-то: шумеро-аккадійцы долины Тигра и Евфрата, за ними ассиро-вавилоняне (хаддеи), финикіяне, фригійцы, бактріане, лидійцы и друг.

Изъ всѣхъ частей свѣта Европа наиболѣе представляла благоприятныя условія для смѣщенія расъ и племенъ. Съ древнѣйшихъ временъ на это вліяли не только мѣстныя передвиженія народовъ и междуусобныя войны, но и переселеніе ихъ съ востока на западъ, какъ-то: болгарь, угровъ, печенѣговъ, половцевъ, татарь и оттомановъ. Это послѣднее обстоятельство вызвало непрерывныя войны, развило торговлю Европы съ Азіей, внесло въ жизнь народовъ запада много обычаевъ и взглядовъ, унаслѣдованныхъ азіатскими народами отъ своихъ предковъ, создало помѣсь языковъ и произвело такой хаосъ въ этнологическихъ основахъ европейцевъ, что многочисленныя историческія и лингвистическія изслѣдованія не могли дать никакихъ объясненій, и лишь благодаря усѣхамъ этнографіи, археологіи и антропологіи передъ нами открылось далекое прошлое человѣка съ его вѣрованіями, взглядами, привычками и міровоззрѣніями.

Съ древнѣйшихъ временъ племя Гомеръ (гомо-ерь, пръ, аръ) и Аскеназъ (ас-кен-азъ)—въ народной таблицѣ Моисеевой, потомки Иапета Гезюда, мифъ о Прометей и преданіе о переселеніи Девкалиона, сына Прометея, съ Кавказа въ Тессалию—у грековъ связываютъ Кавказъ съ исторіей Европы¹²)

Самое слово Кавказъ (отъ кау—село, поселеніе, по-осетински, и азъ) означаетъ жилище или поселеніе „азовъ“, древнихъ предковъ арийцевъ. Страна, лежащая между низовьями Дона, восточными берегами Азовскаго и Чернаго морей и Кавказскимъ хребтомъ, у древнихъ народовъ называлась землею „азовъ“, asia terra, т. е. священная земля. Это родина и первобытное мѣстопробываніе боговъ и героевъ всѣхъ арийскихъ народовъ. Кавказскій перешеекъ съ высокой горной цѣпью, перерѣзанный глубокими плодородными долинами и расположенный на границѣ двухъ частей свѣта, такъ рѣзко отличающихся и по характеру растительности, и по устройству поверхности, съ юга плоская возвышенность, а съ сѣвера равнина, съ доисторическихъ временъ представлялъ изъ себя какъ бы спасательный островъ для всѣхъ обитавшихъ близъ него народовъ или случайно принесенныхъ какимъ-либо теченіемъ изъ глубины востока и запада, потерпѣвшихъ здѣсь кораблекрушеніе и за немногими остатками погибшихъ исторически.

Кромѣ этихъ случайно заброшенныхъ или укрывшихся отъ преслѣдованія болѣе сильнѣйшаго врага въ неприступныя дебри горъ народовъ, Кавказъ долженъ быть имѣть и своихъ первобытныхъ жителей. Народы эти поселились тамъ, надо полагать, весьма рано, раньше, чѣмъ населена была Европа, бывшая болѣею частью, какъ это доказываютъ геологическія изысканія, долгое время, въ третичный періодъ, подъ водой и въ четвертичный или ледниковую эпоху подъ льдомъ.

Хотя слѣды доисторическаго челоуька, болѣею частью найденные въ западной Европѣ, Бельгіи, Франціи, Австріи и южной Германіи, относятся къ послѣдней промежуточной, между-ледниковой, эпохѣ, а болѣе ясныя къ послѣ-ледниковой, но это показываетъ только то, что въ этомъ отношеніи западная Европа изслѣдована лучше, Кавказъ же съ своими пещерами, дольменами и циклопическими постройками, которыя мнѣ самому приходилось

¹² Слово „азъ“ или „асъ“, аса, ази, азаи—священное для всѣхъ арийцевъ; оно означаетъ бога, госюдина, царя или народнаго героя. Перкунгъ-азъ у литовцевъ и азы у древнихъ скандинавовъ почитались, какъ божества, Асирваздакъ—даю или желаю добра, госюдинъ, по-санскритски. Здѣсь слова „асъ“ и „асиръ“ (саранъ) означаютъ понятие—владыко, госюдинъ.

видеть въ области Осетин, по сѣвернымъ склонамъ горъ. почти совсѣмъ не изслѣдованъ, между тѣмъ какъ многочисленные слѣды здѣсь доисторическаго человѣка на каждомъ шагѣ являются очевидными. На Кавказѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, послѣ каменнаго существовалъ также и бронзовый вѣкъ, о чемъ сдѣлалъ свой докладъ знатокъ археологическаго профессоръ Д. Н. Анучинъ на IX археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ въ 1893 г., причѣмъ онъ указалъ на вліяніе этой культуры и на область Дона. Открытая въ 1869 г. въ Осетин, близъ аула Кабанъ, древняя могила, изслѣдованная Филимоновымъ, Антоновичемъ, Вирховымъ и другими, даетъ ясныя указанія на связь бронзовой культуры Кавказа съ многими странами Европы. Позднѣйшія изслѣдованія могилъ этихъ древнихъ обитателей Европы, извѣстныхъ подъ названіемъ Неандертской расы, привели къ заключенію, что раса эта населяла все пространство европейскаго юга отъ береговъ Дона до Атлантическаго океана и перемѣстилась въ Америку, которая нѣкогда (въ третичный періодъ) была соединена сухимъ путемъ съ Европой. Въ юго-западной Европѣ Неандертская раса, помнившая пещернаго медвѣдя и мамонта, вымерла раньше, на Руси же она еще долго держалась и стала извѣстна впоследствии (у Геродота) подъ именемъ Киммеріанъ. Но это не были арийцы, такъ какъ изслѣдованія череповъ Неандертскаго человѣка и найденнаго у насъ въ Россіи близъ села Гамарни (Канѣвскаго уѣзда) ясно показали, что древніе обитатели Европы относились къ длинноголовымъ (долихоцефаламъ) и пережили каменный періодъ¹³⁾. Черепа эти длинны и узки, надпереносье сильно выдается, выступы бровяныхъ дугъ толсты, темя по срединѣ приподнято и округлено, лобъ отлогъ, затылокъ выпуклый, зубы всѣ, но стертые до десенъ, нижняя челюсть низка, мускульныя прикрѣпленія сильны¹⁴⁾.

Не будемъ говорить о томъ, гдѣ именно человѣчество впервые познакомилось съ обработкой металловъ, мѣди, бронзы, а потомъ и желѣза, такъ какъ этотъ вопросъ въ наукѣ является спорнымъ, но несомнѣнно лишь то, что обитатели Кавказа съ прилегающими къ нему мѣстностями, въ томъ числѣ Ираномъ и Месопотаміей, очень рано научились обрабатывать металлы; отсюда искусство это постепенно распространилось на югъ и востокъ Азіи и на западъ въ Европу. Носителями этой культуры по передней Азіи были

¹³⁾ Неандертскій черепъ найденъ въ пещерѣ Н-ой долины въ 1857 г.

¹⁴⁾ Труды III Археолог. съѣзда въ Киевѣ 1874 г. Извѣстія Имп. Общ. любителей естествознанія, антроп. и этнограф. Москва 1880 г. т. XXXV, ч. I-а.

древніе воинственные ассирійцы, а по Европѣ арійскія племена, населившія богатую металлами область между Чернымъ, Азовскимъ и Каспійскимъ морями, западными склонами Ирана, равниной Месопотаміи, Таврскими горами и гористой Каппадокіей. Область эта въ древности считалась колыбелью металлургіи, благодаря богатымъ залежкамъ желѣзной руды, доставлявшей прекрасное желѣзо и сталь¹⁵⁾.

Къ этимъ древнимъ обитателямъ Кавказскаго перешейка въ теченіе вѣковъ постепенно двигались новыя народныя массы съ южныхъ и сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря, изъ-за Урала, съ сѣверныхъ береговъ Понта и другихъ мѣстъ. Всѣ эти дороги вели къ подошвѣ Кавказскаго хребта, гдѣ проходившіе народы, испытавъ различныя судьбины, постоянно встрѣчались.

Такимъ образомъ на столь незначительномъ пространствѣ, какъ Кавказскій перешеекъ, между туземными народами въ дебряхъ горъ вмѣстилось множество послѣдующихъ племенъ, путемъ мирнымъ или враждебнымъ, цѣлыми массами, поколѣніями, отраслями и колоніями. Уже отъ древнихъ цивилизованныхъ народовъ не укрылась эта особенность Кавказа, такъ напр., царь Понтійскій Митридатъ говорилъ на 20 языкахъ кавказскихъ горныхъ племенъ, которыхъ онъ старался привлечь на свою сторону въ борьбѣ съ Римомъ, а римляне для своихъ торговыхъ сношеній съ Диоскуриасомъ (гдѣ нынѣ Сухумъ) нуждались въ 70 переводчикахъ, а по-Плинію даже въ 130.

Въ настоящее время между горными племенами Кавказа можно указать на семь совершенно самостоятельныхъ коренныхъ языковъ, раздѣляющихся на 80 различныхъ отраслей и нарѣчій; народы же, говорящіе ими, распадаются на безчисленные племена и маленькіе народцы, имѣющіе каждый свои нравы, обычаи и наклонности, а также отличающіеся одинъ отъ другого чертами лица, тѣлеснымъ развитіемъ и религіей, представляющей смѣсь язычества, христіанства и мусульманства.

Народы Кавказа -- арійской расы, а именно, три группы: восточную -- лезгино-чеченскую, западную -- черкесско-абхазскую и среднюю -- осетинскую, въ настоящее время нужно разсматривать какъ только немногіе остатки отъ той многочисленной и сильной семьи арійцевъ, населившихъ когда-то сѣверные склоны Кавказ-

¹⁵⁾ По преданію, древнихъ грековъ научили добывать и обрабатывать желѣзо „лалибы“, арійское племя, жившее на берегахъ Понта. Имяемъ этого народа греки и называли сталь.

скихъ горъ до береговъ Дона и Волги и отъ береговъ Азовскаго и Чернаго морей до Каспійскаго и потерявшихъ въ теченіе многихъ столѣтій метисацію съ восточными тюркско-монгольскими племенами, арабами и евреями, проникшими сюда изъ древне-персидской монархіи въ VIII и VII в.в. до Р. Хр., а съ запада—съ греками и римлянами, а ранѣе того съ доисторическими племенами Европы, извѣстными у древне-греческихъ историковъ подъ именемъ Киммерійцевъ. Чистый арійскій антропологическій типъ теперь можно встрѣтить только въ горныхъ малодоступныхъ областяхъ Кавказа. Общія черты этого типа слѣдующія: короткій, стройный станъ, широкій въ плечахъ и тонкій у талии; высокія, прямыя, вытянутыя въ голеняхъ ноги, круглая голова съ высокимъ прямымъ лбомъ, тонкимъ прямымъ или съ горбинной носомъ, малымъ, круглымъ, подобраннымъ подбороткомъ, свѣтлыми или темно-русыми волосами, голубыми, чаще карими глазами и бѣлымъ чистымъ, румянымъ лицомъ, въ особенности бросающимся въ глаза у молодого поколѣнія. Какъ на особенности переходнаго типа (метисовъ) можно указать на черные, иногда съ красниной, жесткіе волосы на усахъ и бородѣ, выпуклый лобъ, выдающийся затылокъ (колпачкомъ), горбатый, орлиный, или ястребиный, носъ, а въ Дагестанѣ и Осетіи часто семитическій¹⁶).

По изслѣдованіямъ К. Курдова, (Антропология лезгинъ, 1902 г.) болѣе чистый типъ лезгинъ сохранился въ Самурскомъ округѣ Дагестана,—мѣстности, изрѣзанной глубокими и дикими ущельями и защищенной съ юга Кавказскимъ хребтомъ.

Лезгины, древніе Аланы-Лезги, самый многочисленный и храбрый народъ на всемъ Кавказѣ; они говорятъ, собственно самурскіе, легкимъ звучнымъ языкомъ арійскаго корня, но благодаря вліянію, начиная съ VIII в. по Р. Хр., арабской культуры, давшей имъ свою письменность и религію, а также давленію сосѣднихъ тюркско-татарскихъ племенъ, много утратили изъ своей первоначальной національности и теперь представляютъ поразительную, трудно доступную для изслѣдованія смѣсь съ арабами, аварами, кумыками, тарками, евреями и друг.

Сосѣдями лезгинъ, на западъ, по сѣверному склону Кавказ-

¹⁶ Дагестанъ—гора шаховъ, по словамъ арабскихъ писателей. И теперь въ этой мѣстности, что ни гора, ущелье, то отдѣльный языкъ, нарѣчіе, говоръ, мало понятный сосѣдямъ. Среди этихъ народовъ издревле живутъ отдѣльными аулами евреи, занимающіе скотоводствомъ, земледѣліемъ и торговлей: евреи эти заимствовали отъ древнихъ персовъ ихъ языкъ, а отъ мѣстныхъ жителей нравы и обычаи, оставивъ ивританскіи религіи праотцевъ.

скаго хребта, живутъ чеченцы, получившіе названіе это отъ русскихъ, собственно отъ своего большого аула „Чачанъ“ или „Чечень“. Сами чеченцы свою народность называютъ Нахчи или Нахчоо, что значить люди изъ страны Нахъ или Ноахъ, т. е. Ноевой, такъ какъ, по народнымъ сказаніямъ, они пришли около IV в. по Р. Хр. въ настоящее свое мѣстожителство, чрезъ Обхазію, изъ мѣстности Нахчи-Ванъ, съ подножія Арарата (Эриванской губерніи), и тѣснимые кабардинцами, укрылись въ горахъ, по верхнему теченію Аксаа, правому притоку Терека, гдѣ и теперь еще есть старый аулъ Аксай, въ Большой Чечнѣ, построенный нѣкогда, по преданію жителей аула Герзель, Аксай-ханомъ¹⁷⁾

По филологическимъ изысканіямъ барона Услара, въ чеченскомъ языкѣ есть нѣкоторое сходство съ лезгинскимъ, въ антропологическомъ же отношеніи чеченцы—народъ смѣшаннаго типа. Въ чеченскомъ языкѣ встрѣчается довольно много словъ съ корнемъ „гун“, какъ напримѣръ, въ названіяхъ рѣкъ, горъ, ауловъ и урочищъ: Гуни, Гуной, Гуенъ, Гуниобъ, Аргунъ и друг.

Солнце у нихъ называется Дзла-Молхъ (Молохъ). Мать солнца—Аза.

Изъ всѣхъ народовъ Кавказа наиболѣе всего ученыхъ занимали осетины, живущіе по горамъ и сѣвернымъ предгорьямъ Кавказскаго хребта, отъ Военно-грузинской дороги на западъ. Много было написано трактатовъ, разныхъ изслѣдованій, гипотезъ объ этомъ загадочномъ народѣ, объ его далекомъ прошломъ, языкѣ, вѣрованіяхъ, нравахъ и обычаяхъ, но къ несчастью, мало основанныхъ на научныхъ данныхъ. Несомнѣнно лишь то, что языкъ осетинъ, по изслѣдованію извѣстнаго нѣмецкаго лингвиста и санскритолога Макса Фридриха Мюллера, относится къ одному изъ индоевропейскихъ нарѣчій иранской вѣтви, занимающей среднее положеніе между армянскимъ и персидскимъ, но ближе къ языкамъ древнихъ пельви и парси, сохраняя въ то же время свои нѣкоторыя первобытныя особенности. Какъ это обстоятельство, такъ и наблюденія въ области сравнительнаго языковѣдѣнія, скажу отъ себя—даже поверхностныя, дали поводъ нашему московскому профессору В. Ф. Миллеру причислить осетинъ чуть ли не къ современной германской расѣ, даже къ нѣмцамъ. Одно забываютъ наши

¹⁷⁾ Кабардинцы или Кабары, по Константину Багрянородному, (X в. по Р. Хр.) были одно изъ казарскихъ племенъ; часть этого племени, послѣ междоусобной войны, ушла къ Уграмъ и соединившись съ ними, представляла изъ нихъ войскъ самую храбрую оборонную конницу. Впоследствии конница эта стала называться хусары или гусары, т. е. казары.

ученые изслѣдователи, впрочемъ, большею частью изъ нѣмцевъ, что языкъ не есть еще показатель принадлежности даннаго народа къ той или другой расѣ. Примѣромъ къ тому много на-лицо. Всѣ литовско-славянскія племена, населявшія до X. в. по Р. Хр. зѣмль берега Балтійскаго моря и среднія и нижнія теченія р.р. Нѣмана, Вислы, Эльбы и Рейна, какъ-то: Прусы, Венеды, Поморяне, Оботриты, Полабы и друг. въ настоящее время, какъ онѣмеченные, говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ, но это нисколько не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы ихъ и въ антропологическомъ и другихъ отношеніяхъ также можно было причислить къ германцамъ. Языкъ, нравы и обычай, съ потерей политической самостоятельности народа, могутъ быть поглочены болѣе сильной культурой завоевателей, антропологическій же типъ можетъ удержаться на цѣлыя тысячелѣтія и въ особенности скажется въ атавизмѣ молодого поколѣнія. Дѣти нѣмцевъ-пруссаконъ поразительно похоже на дѣтей малороссовъ нашихъ Харьковской, Черниговской, Полтавской, Волынской и другихъ губерній, не говоря уже о дѣтяхъ польскаго и бѣлорусскаго крестьянства. Далѣе, по изслѣдованіямъ Шантра, Эркерта и нашего антрополога И. И. Пантюхова, армане съ антропологической точки зрѣнія въ большинствѣ случаевъ крайніе брахицефалы, т. е. короткоголовые и въ этомъ случаѣ во многомъ сходны съ сиро-халдеями и кавказскими горскими евреями. Англійскій ученый Бертингъ считаетъ ихъ людьми одного типа съ евреями допалестинскаго періода. Профессоръ Анучинъ говоритъ, что армяне—племя не арійское, а скорѣе арианизированное (по языку).

Докторъ И. И. Пантюховъ, воспользовавшись случаемъ, когда Тифлисъ былъ наводненъ бѣжавшими изъ Турціи армянами, въ концѣ прошлаго столѣтія, подвергъ многихъ изъ нихъ антропологическому измѣренію, при чемъ нашелъ, что огромная часть изъ нихъ, по своему физическому складу, оказалась чистокровными курдами. Среди армянъ очень много даже ассимилированныхъ цыганъ. А между тѣмъ армяне говорятъ на одномъ изъ арійскихъ языковъ и въ этомъ только отношеніи причисляются къ индоевропейскому племени.

Да. Названіе вещей мѣняется въ исторіи народовъ, но подъ новыми словами живутъ старыя факты, трудно измѣняемые. (В. Величко).

Въ языкѣ осетинъ довольно много корней славянскихъ, гер-

манскихъ, древне-персидскихъ, греческихъ и латинскихъ, т. е. общеарійскихъ. Но причислять ихъ только за это къ одной изъ нѣмецкихъ народностей довольно рискованно и даже смѣшно. Не трудно догадаться, что все это вышло изъ-за того, что всѣ наши ученые въ области сравнительнаго языковѣдѣнія были изъ нѣмцевъ, которые и старались все, что только есть хорошаго у какого-либо изъ народовъ, въ особенности входящихъ въ составъ Россіи, приписывать своей расѣ, своему вліянію, своей культурѣ, отнимая это у другихъ.

Осетинскій языкъ имѣетъ много діалектовъ: главные изъ нихъ: тагаурскій, куртатинскій, дигорскій, валаджирскій, джавскій и друг. Дигорець съ трудомъ понимаетъ тагаурца и валаджирца. Тагаурское нарѣчіе считается болѣе чистымъ, т. е. оно болѣе другихъ пріятнѣй для слуха европейца и можетъ легче другихъ быть усвоено, между тѣмъ какъ остальные изобилуютъ неопредѣленными гласными, большею частью протяжными, не легко запоминаемыми, твердыми шипящими, гортанными и горловыми, такъ непріятно дѣйствующими на слухъ цивилизованныхъ націй. Кромѣ индоевропейскихъ, въ осетинскомъ языкѣ немало есть словъ туранскихъ и семитскихъ, въ особенности въ собственныхъ именахъ. Въ общемъ замѣчено, что во всѣхъ горныхъ ущельяхъ буква С произносится какъ Ш. ДЗ и Ц какъ Ч, т. е. чѣмъ глубже въ горы, тѣмъ произношеніе тверже и наоборотъ.

Рѣка по-осетински называется „донъ“, отчего всѣ рѣки Осетин имѣютъ слѣдующія названія: Гизельдонъ, Садонъ, Нардонъ, Закидонъ, Сонгутдонъ, Мамисондонъ, Ардонъ, Лаядонъ, Фіагдонъ, Пацадонъ, Ксандонъ, Урухдонъ и друг.¹⁸⁾ Названія рѣкъ и вообще воды „донъ, тонъ, данъ, танъ, тунъ, дунъ“ очень древнія, встрѣчающіяся на порогѣ исторіи арійскихъ народовъ по всей Европѣ и западной Азіи и удержавшіяся до настоящаго времени только въ одномъ языкѣ осетинъ. Варданъ—кипящій, пѣнящійся данъ, Кубань—по-Птолею (II в. по Р. Хр.); Танъ. Танаисъ (Танай, Данай)—Донъ: Данаръ, данъ съ порогами—Днѣпръ; Данастръ—данъ-стрый, быстрый, струйный—Днѣстръ; латинскій Данубій, нѣмецкій Донау, осетинскій Дунеі-донъ, т. е. всемірная рѣка, Дунай¹⁹⁾. Дуна—Двина, Роданъ—Рона, Эриданъ—Рейнъ или какая-то другая сѣверная рѣка, скорѣе Нѣманъ, на берегахъ котораго добывался

¹⁸⁾ Днѣстръ по-осетински—Донъ-стриръ, большая рѣка. Днѣпръ—Донъ-бире (юды много), полноводная рѣка.

¹⁹⁾ Страбонъ говоритъ, что древнѣе грекамъ извѣстно было только нижнее теченіе Дуная подъ именемъ Пестера или Пестра.

янтарь. Радусъ или Эриданусъ—По. въ Итали. Яксартъ—нынѣшняя рѣка Аму-Дарья. въ древности также называлась Танаисъ. иногда Раа, какъ и наша Волга—Ра, Ара, Арасъ²⁰). Рѣка Висла носила названіе Танаквисль. Танаисль, или просто Исла. Неманъ въ болѣе древнюю эпоху назывался Рудонъ, а въ позднѣйшую Росъ. Поросье, собственно нижнее его теченіе. Устья рѣкъ носили общее названіе „донье“, „тонье“ или „тоня“, удержавшееся до сего времени во многихъ мѣстахъ славянскихъ земель, какъ напр., у насъ и у сербовъ²¹). Древніе города, расположенные по берегамъ рѣкъ—„дановъ“ носили названія: нѣмецкій Данцигъ, польскій—Гдацкъ, при устьяхъ Вислы; Сингиданъ или Чингиданъ, Новіодунъ, Лунгдунъ (Лейденъ), Лондонъ²²), Каргодунъ или Кракодунъ—Краковъ. Танія или Данія—мѣстность, изрѣзанная рѣками (данами), проливами. Датчане или Даны у поляковъ называются дунчики. У англосаксовъ даны или таны были привилегированнымъ сословіемъ, подобнымъ нашимъ боярамъ; объ этомъ сословіи мы будемъ говорить ниже. Древнія божества съ окончаніемъ донъ, тонъ и тунъ: Посейдонъ и Нептунъ—боги воды, моря, и Плутонъ—богъ ада, подземнаго огня (Вулканъ), у грековъ и римлянъ; Годанъ или Оданъ—богъ воды у германцевъ, у славянъ Воданъ; Донъ-беттеръ—богъ воды у осетинъ, какъ Ю-беттеръ (Юпитеръ) у древнихъ лидійцевъ—царь небесный и Юмалъ—богъ добра; отсюда Ю-данъ—богъ дождя, небесной воды²³). Однимъ словомъ, названіе воды или рѣкъ „донъ“ было извѣстно тому доисторическому народу, отъ котораго Eridanus, знаменитая мифическая „рѣка борьбы“, получила свое названіе. Названіе рѣкъ съ прибавленіемъ „донъ“ встрѣчается въ языкахъ санскритскомъ и семитическихъ, какъ-то: аравійскомъ, финикійскомъ и другихъ, напримѣръ: Иорданъ, съ притокомъ Данъ; въ Египтѣ Танисъ или Таникумъ—одинъ изъ правыхъ рукововъ Нила; Сардонъ или Сирдонъ, Ладонъ, Гесперидонъ и т. д. Въ малой Азіи часть историческихъ рѣкъ также имѣла окончанія „донъ“²⁴). Но все это нисколько не подтверждаетъ гипотезы нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ о томъ, что будто бы когда-то существовала какаа то осетинская цивилизація, простиравшаяся на все пространство Европы, западной Азіи и сѣ-

²⁰) Птоломей (II в.) и Аммианъ Марцеллинъ (IV в.). По-молдовски Волга также называется Ра.

²¹) Донье, низовье, дуо. Dünep—низовья Редна.

²²) Р. Теаза или Таица, на которой расположенъ г. Лондонъ, въ древности называлась Лони-донъ, т. е. широкій докъ.

²³) Юмалъ—Богъ у остонцевъ.

²⁴) Плиний, V, 29.

верной Африки. Это только доказывает историческую связь арийцев съ Кавказомъ, какъ и присутствіе во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ слова „азн, аза, азен и азъ“, означающаго бога, господина, вождя или народнаго героя, Арийская раса, а какой именно народъ—объ этомъ мы будемъ говорить ниже. господствовала на всемъ указанномъ пространствѣ и свои этимологическія особенности языка въ болѣе первобытной формѣ удержала только въ одномъ изъ своихъ представителей. въ осетинскомъ народѣ, укрывшемся отъ чужеземнаго вліянія въ дерби Кавказа. По мнѣнію нѣкоторыхъ лингвистовъ, при помощи осетинской этимологіи можно объяснить многія непонятныя слова, встрѣчающіяся въ арийскихъ языкахъ всѣхъ странъ. Но это мнѣніе преувеличено, такъ какъ осетинская этимологія не такъ ужъ богата, чтобы ею могли пользоваться европейскіе языковѣды для объясненія нѣкоторыхъ малопонятныхъ или вѣками утратившихъ смыслъ индоевропейскихъ корней: въ отношеніи же названій предметовъ семейно-домашняго обихода выводъ этотъ въ нѣкоторой степени вѣренъ. Но сходство этихъ названій скорѣе всего имѣетъ съ языками древне-персидскимъ, древне-славянскимъ, русскимъ и литовскимъ, но никакъ ужъ не съ нѣмецкимъ, какъ объ этомъ трактовалъ въ своихъ осетинскихъ этюдахъ въ 1881—1887 г.г. московскій профессоръ В. Ф. Миллеръ. Этотъ языковѣдъ въ осетинскомъ языкѣ нашелъ до 600 корней, будто бы имѣющихъ большое сходство съ разными нѣмецкими нарѣчіями, чѣмъ немало смутилъ другихъ русскихъ ученыхъ и вселилъ увѣренность въ осетинскомъ народѣ о родственности его съ германцами. Одно забылъ этотъ почтенный ученый, что нѣмецкій языкъ сравнительно недавняго происхожденія. Древніе германцы, по изслѣдованію извѣстнаго нѣмецкаго географа и историка Кледена, занимались лишь войною и охотой, презирали городскую жизнь, любили лѣнливый покой, мало имѣли понятія о торговлѣ, ремеслѣ и промышленности и до римлянъ даже не знали употребленія денегъ. Слѣдовательно, это были дикія варварскія племена, одѣвавшіяся въ звѣриныя шкуры, занимавшіяся лишь войной и грабежами сосѣдей и не оставившія послѣ себя, ни памятниковъ искусства, ни письменности, а также и слѣдовъ языка, на которомъ они говорили. Недавно въ Тевтобургскомъ лѣсу, въ Вестфалии, во время работъ землекопы наткнулись въ толстомъ слоѣ торфа на удивительно сохранившійся трупъ древне-германскаго воина.

Хирургъ, докторъ Гротіанъ, и многіе археологи, явившіеся на

мѣсто находки, признали по одеждѣ и оружію. въ найденномъ трупѣ одного изъ древнихъ тевтоновъ, такъ хорошо описанныхъ Тацитомъ. Тѣло необыкновенно хорошо сохранилось. Только кожа слегка почернѣла и мѣстами сморщилась, зубы же остались удивительно бѣлыми, а волосы, очень длинные, сохранили красивый рыжеватый цвѣтъ. Черты лица довольно крупны и рѣзки.

Съ виду германцу лѣтъ тридцать, а ростъ его равняется 1,85 метра. Онъ былъ покрытъ толстымъ плащемъ изъ темно-коричневой шерсти, съ вытканными на немъ рисунками. На ногахъ были кожанная сандалии, чудесно сохранившіяся, длиной 33 сант. (около половины аршина). Вотъ образецъ германца со всей его цивилизаціей.

Нынѣшній нѣмецкій языкъ имѣеть много общаго съ языками голландскимъ, датскимъ и шведскимъ и отличается отъ нихъ лишь выговоромъ. вмѣстѣ съ христіанствомъ и вообще римской культурой въ него вошли слова и даже цѣлыя фразы языка латинскаго, какъ развитаго и литературнаго, названія религіозныхъ обрядовъ, образа правленія, законодательные термины, а также наименованія разнаго рода учреждений и проч. Но самое главное это то, что въ языкъ нѣмецкій вошло много словъ литовскихъ и славянскихъ, исковерканныхъ и переработанныхъ на свой ладъ въ теченіе вѣковъ до неузнаваемости. Только современные безпристрастные лингвисты могутъ разобраться въ этомъ. Нѣкоторые нѣмецкіе ученые послѣдняго времени откровенно сознаются, что для объясненія значенія многихъ будто бы древне-германскихъ корней имъ приходится изучать древне-славянскій языкъ въ его многочисленныхъ говорахъ и нарѣчіяхъ. Дѣло въ слѣдующемъ: сосѣдями германцевъ на сѣверѣ и востокѣ были многочисленные племена славянъ и литовцевъ (Прусовъ). Изъ славянскихъ племенъ извѣстны: Бодричи—на границѣ съ Даніей, Лютичи, — въ нынѣшнемъ Бранденбургѣ (Бранномъ борѣ). Венды. Поморяне—по берегамъ Балтійскаго моря, въ Помераніи, къ востоку стѣ устьевъ Одера; Гаволяне, Лужици, Сербы Полабскіе (по Эльбѣ), Силезцы, Великополяне и друг. Словомъ, отъ р. Рейна, славянской Рины, до Вислы всѣ земли были населены славянами. Тацитъ въ 60 г. по Р. Хр. говоритъ, что германцы не знаютъ еще городовъ: славяне же строятъ прочные деревянные дома и укрѣпленные города для обороны отъ неприятелей. Въ славянскихъ земляхъ, говоритъ Кледенъ, торговля и ремесла процвѣтали до такой степени, что миссіонеры не могли ина-

че выразить своего удивленія, какъ сравненіемъ Поморья съ обѣтованной землей, У Вендовъ тоже процвѣтало скотоводство и земледѣліе, такъ что въ открытыхъ поляхъ находились всякихъ родовъ овощи и т. п. Оттуда вывозились соленыя и копченныя сельди, медъ, воскъ, ленъ, полотна, пенька, хмѣль, бревна, доски, смола, поташъ, сукна, мѣха, кожи, сало и копченое свиное мясо. до котораго и тогда уже были лакомы германцы. Славяне даже имѣли свою особую письменность, о чемъ будемъ говорить ниже. Начиная съ X в., германцы, объединенные Карломъ Великимъ въ сильную монархію, наступательно двинулись на востокъ, покоряя и истребляя одно за другимъ многомилліонныя славянскія племена и подъ тяжелымъ гнетомъ своимъ шагъ за шагомъ убили ихъ народность и ихъ языкъ. Вся нынѣшняя германская низменность есть сплошное славянское кладбище.

Вслѣдъ за славянами потеряло свою народность и свой языкъ подъ тѣмъ же гнетомъ и литовское племя Прусы, обитавшіе между устьями Вислы и Нѣмана, въ Поросьѣ. Славяне защищали свои родныя земли отчаянно и съ героизмомъ, но искусственно разединенные и разобщенные хитрымъ и дерзкимъ врагомъ, дѣйствовавшимъ гдѣ силой, гдѣ интригой и подкупомъ, легли костями среди своихъ полей и лѣсовъ и подъ развалинами своихъ селъ и городовъ. Мицкевичъ въ „Конрадъ Валенродъ“ говоритъ, что нашествіе нѣмцевъ было для славянъ хуже чумы, или другого какаго-либо мора, такъ какъ при этихъ бѣдствіяхъ гибли только нѣкоторые города и села; при нашествіи же нѣмцевъ гибло все:

Гдѣ-жъ сила нѣмцемъ проходила,

Тамъ цѣлый край уже могила.

Слова эти глубоко вѣрны, ибо они рисуютъ намъ германизмъ, какъ могилу славянскихъ народностей.

Древніе германцы, какъ сказано выше, жили въ лѣсныхъ шалашахъ и юртахъ и занимались лишь войной и охотой, мало имѣли понятій о торговлѣ, ремеслахъ и промышленности, а также объ архитектурѣ: не знали и письменности; слѣдовательно, не могли имѣть въ своемъ языкѣ тѣхъ названій, которыя необходимы для выраженія понятій о предметахъ, качествахъ и дѣйствіяхъ народамъ осѣдлымъ и болѣе культурнымъ. Все это германцы въ теченіе вѣкомъ должны были поневолѣ заимствовать отъ культурныхъ сосѣдей и, главнымъ образомъ, отъ славянъ и римлянъ.

Славянскія названія мѣстностей, селъ и городовъ германцы

передѣлали, по созвучію, на свой ладъ: Бранн-боръ, въ странѣ Лютичей, въ Бранденбургъ, Микулинъ-боръ въ Мекленбургъ, Гам-боръ въ Гамбургъ, Поморье въ Померанію. Стрѣловъ въ Стрелицѣ, Луницу въ Лаузацъ, Будисикъ въ Бауенъ, Липсъ въ Лейпцигъ. Руселаву въ Руслу, Пруслковъ въ Прайсенъ, Вельборъ въ Вилленбергъ, Выстругъ въ Истербургъ, Острогъ въ Остерроде. Кролевецъ въ Кенигсбергъ, Колобрегъ въ Кольбергъ, р. Лабу въ Эльбу, Рину въ Рейнъ.

Нѣмцы уродуютъ не только чужія слова, но и свои собственныя; тамъ, гдѣ д, онъ произноситъ т, гдѣ т, тамъ д, гдѣ г, тамъ к; гдѣ к, тамъ г; гдѣ б, тамъ п и наоборотъ. Заставьте нѣмца произнести пить, онъ скажетъ бить; велите сказать быть, онъ скажетъ пить. Славянскій плугъ они передѣлали въ флюгъ.

Глаголь „пахать“—въ флюгенъ—*pflügen*; полкъ—въ фолькъ: холмъ, скалу, островъ—въ гольмъ—*Holm*; соху—въ *Zoche* и т. п. Кто желаетъ убѣдиться, сколько славяно-русскихъ корней въ нѣмецкомъ языкѣ, пусть возьметъ сравнительный словарь этихъ языковъ и вспомнитъ при этомъ исторію того и другого народа. Безпристрастный изслѣдователь укажетъ намъ, славяне ли заимствовали слова у нѣмцевъ или нѣмцы у славянъ.

Германцы не знали также горнаго дѣла: въ саксонскомъ горномъ календарѣ, изданномъ въ 1783 г., сказано, что славяне первые тамъ начали разработывать руду и имъ принадлежали всѣ первые горные рудники. Всѣ техническія горныя названія сохранились тамъ по сіе время и названія эти вендо-славянскія, выдаваемые нѣмцами за древне-германскія²⁵).

Послѣ всего этого спрашивается, какого же языка корни профессоръ Миллеръ нашелъ въ языкѣ осетинскомъ? При сравненіи, даже поверхностномъ, словаря осетинскаго съ славяно-литовскимъ, латинскимъ, древне-персидскимъ и санскритскимъ ясно бросается въ глаза, что многіе корни этого языка по своему значенію общи языкамъ индо-европейскимъ и болѣе всего сходны съ персидскимъ, языка парси, и древнерусскими, такъ, напримѣръ: газъ—гусь, саръ—голова (царь), мадь—мать, дуаръ—дверь, аикъ—яйцо, карнъ—кураца, азъ—годъ, хоръ—хлѣбъ (корь—корка), мангъ—обманъ, таркъ—торгъ, зимегъ—зима, мечь—мечь, геди—гадкій, растъ—прямой, хорзъ—хорошій, ней—нѣтъ, стинъ—стоять и т. п.

²⁵ Славянское названіе „нѣмецъ“, венгерское „*metet*“ (выноска 1-я) означаетъ „немецъ“, отъ слав. глагола „не имать“, неизмѣющій, бездомникъ. Графъ отъ *greifen*—грабить. (Вспомнить исторію появленія графовъ). *Naben*—хвѣсть, какъ и латинское *capio*—беру; хватаю.

Глава III.

Черкесія и ея прошлое.

Къ западу отъ Осетіи, по сѣвернымъ склонамъ Кавказскаго хребта, живутъ черкесы: кличка эта дана имъ въ прежнія времена азіатскими народами за ихъ дерзкія разбойническія нападены на морѣ и означаетъ въ буквальной переводѣ „головорѣзы“ (по-персидски серкешъ—головорѣзь). Обыкновенно, черкесами называютъ всѣ племена горцевъ, населяющихъ восточный берегъ Чернаго моря отъ устьевъ Кубани до предѣловъ Абхазіи, но такое обобщеніе не совсѣмъ вѣрно, потому что эти племена отличаются другъ отъ друга какъ по своему происхожденію, такъ и по языку. Собственно къ черкесамъ относятся одни только „адигейцы“, самое красивое племя изъ кавказскихъ горцевъ. (Адиге-островъ, на всѣхъ языкахъ Кавказа). Адигейцы раздѣляются на многія племена, изъ которыхъ натухайцы и шапсуги въ половинѣ прошлаго столѣтія занимали ближайшія къ нашимъ границамъ земли отъ Анапы до р. Варданъ.

Эти два племени, сходныя по происхожденію, говорятъ однимъ языкомъ, съ небольшимъ различіемъ въ нарѣчій, и составляютъ населеніе въ 150 тыс. душъ. Адигейцы имѣютъ свою азбуку и даже грамматику.

Изъ другихъ черкесскихъ племенъ въ прошломъ вѣкѣ были извѣстны: тюкайцы, темиргойцы, безсленѣвцы, хегайковцы, абадзехи, бжедухи, гизе, мохошевцы, убыхи, кемгуй, кабардинцы и др., всего около 527.000 человекъ²⁶⁾. Число черкесовъ значительно уменьшилось вслѣдствіе массовыхъ выселеній въ Турцію послѣ Крымской войны: дальнѣйшія выселенія послѣ войны 1877—78 г.г. и въ 1889—90 г.г. низвели число ихъ до 152 тыс. Шапсуги и убыхи выселились всѣ, абадзехи и бжедухи наполовину. Они поселились въ Азіатской Турціи около озера Ванъ, близъ Ерзерума и Трапезунда и теперь представляютъ въ Турціи иррегулярную кавалерію, извѣстную подъ названіемъ „баши-бузуковъ“, тоже—головорѣзовъ. Въ прежніе вѣла нѣкоторыя племена черкесовъ, жившихъ на подгорныхъ равнинахъ, подчинялись крымскимъ ханамъ, но шапсуги и кабардинцы вели въ продолженіе 200 лѣтъ такую ожесточенную войну съ крымцами, что цѣлыя племена ихъ были истреблены до одного человека, напримѣръ, племя хегайковцевъ.

²⁶⁾ Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Дубровинъ. 1835 г.

Въ концѣ XVIII вѣка силою судьбы на Кавказѣ, на р. Кубани, появляется новый, сильный и оригинальный народъ и именно въ то время, когда стала разгораться борьба Россіи съ горскими племенами. Это были запорожскіе казаки, переселившіеся туда изъ Добруджи и другихъ мѣстъ и ставшіе лицомъ къ лицу съ дикими и воинственными сосѣдями. Расположившись на привольныхъ кубанскихъ берегахъ, Черноморское войско нашло на отведенныхъ ему мѣстахъ остатки сильныхъ черкесскихъ племень, воевавшихъ съ ногайцами, а иногда и вмѣстѣ съ ними вносившихъ опустошеніе и мечъ за Донъ, вглубь русскихъ земель.

Запорожцы въ первые годы своего пребыванія на новыхъ мѣстахъ жили съ черкесскими племенами мирно, взаимно изучая и интересуясь другъ другомъ, а потомъ завели даже дружбу и куначество. Видимо, новые сосѣди цѣнили другъ въ другъ удалъ, отвагу и рыцарскій духъ. Затѣмъ, съ развитіемъ борьбы Россіи съ черкесскими племенами, запорожцы приняли въ ней дѣятельное участіе, покрывъ вновь славой свое древнее рыцарское имя.

Сохранилось преданіе, записанное В. А. Потто, что всю мѣстность и всё разливы близъ устьевъ Кубани занимало нѣкогда хегатское племя, ближайшее къ владѣніямъ крымскихъ татаръ, а къ юго-востоку отъ нихъ обитали жанинцы — сильный и страшный для сосѣдей народъ, выставявшій до 10 тысячъ превосходныхъ всадниковъ.

Жанинское племя было нѣкогда на Кавказѣ сильнымъ и могущественнымъ, рѣзко отличавшимся отъ другихъ черкесскихъ племень своею отвагою, гордостью, духомъ независимости и пламеннымъ характеромъ. Жанинцы исповѣдывали чуть ли не съ первыхъ вѣковъ нашей эры христіанскую вѣру и говорили на славянскомъ языкѣ. Собственно это были не черкесы, а кубанскіе „черкасы“, древнее и сильное славянское племя, черкасское казачество, о которомъ будемъ говорить ниже. Хегатцы и жанинцы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ съ отчаяннымъ упорствомъ отстаивали свою вѣру и независимость; часть ихъ раньше, въ X, XI и XII в.в., переселилась на Днѣпръ, а остальные въ концѣ-концовъ погибли въ неравной борьбѣ съ врагами: остатки ихъ въ семидесятихъ годахъ XVIII в. были истреблены чумою. Запорожцы на ихъ мѣстѣ нашли лишь нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, разбросанныхъ по Кара-Кубанскому острову. О христіанствѣ древнихъ кубанскихъ черкасовъ свидѣлствуютъ сохранившіяся до нынѣ многочисленныя развалины храмовъ.

чтимыхъ. какъ святыни, не только нынѣшними черкесами—христианами, но даже и магометанами: объ этомъ также говоритъ баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ. въ своихъ „Запискахъ о Московитскихъ дѣлахъ“, составленныхъ въ 1517—1526 годахъ. Этотъ выдающийся ученый писалъ, что „около болотъ Меотиды и Понта (Азовскаго и Чернаго морей), при рѣкѣ Кубани, впадающей въ болота, живетъ народъ Афгазы (Абхазы). Въ этомъ мѣстѣ вплоть до р. Мерузы, вливающейся въ Понтъ, находятся горы, по которымъ живутъ черкесы или цики (сиги или чиги Страбона). Въ надеждѣ на неприступность горъ, они не повинуются ни туркамъ, ни татарамъ. Однако русскіе свидѣтельствуютъ, что они христиане, живутъ по своимъ законамъ, согласуются съ греками въ вѣрѣ и обрядахъ и совершаютъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, который у нихъ въ употребленіи. Это самые дерзкіе морскіе разбойники, ибо по рѣкамъ, текущимъ съ ихъ горъ, они спускаются на судахъ въ море и грабятъ всѣхъ, кого могутъ, въ особенности ~~плывущихъ~~ изъ Кафы въ Константинополь“. (Стр. 159 и 160).

На картѣ Московіи, составленной по Герберштейну²⁷⁾, въ углѣ между Азовскимъ моремъ и Кавказскимъ хребтомъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ протекаетъ р. Кубань, отмѣчено среднимъ шрифтомъ CIRCASI POPULI. т. е. черкасскіе народы, а къ сѣверо-востоку, на меридіанѣ Крестоваго перевала, приблизительно тамъ, гдѣ нынѣ Пятигорье, отмѣчено мелкимъ шрифтомъ; черкасы пятигорскіе. Выше черкасовъ, тамъ, гдѣ нынѣ сѣверная часть Кубанской области и Ставропольская губернія, крупнымъ шрифтомъ отмѣчено: TARTARIA. Татарія, а по нижнему теченію Волги, по обѣимъ сторонамъ,—ногайскіе татары.

Кубанскіе черкесы, вѣрнѣе, черкасы, продолжали быть христианами и во второй половинѣ XVI вѣка, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Карамзинъ въ V главѣ, т. VIII, своей „Исторіи Государства Россійскаго“ говоритъ: „Кромѣ Ногаевъ, послушныхъ князю Исламу, вѣрному союзнику Россіи, и донскихъ казаковъ, царь имѣлъ на югѣ усердныхъ слугъ въ князьяхъ черкесскихъ: они требовали отъ насъ полководца, чтобы воевать Тавриду, и церковныхъ пастырей, чтобы просвѣтить всю ихъ землю ученіемъ евангельскимъ. То и другое желаніе было немедленно исполнено: Государь послалъ къ нимъ бодрого Вишневедскаго и многихъ священниковъ, которые въ дебряхъ и на скатахъ горъ

²⁷⁾ Базельское изданіе „Записокъ“ 1556 г.

Кавказскихъ, основавъ церкви, обновили тамъ древнее христіанство". Ученый миссіонеръ времени царя Алексѣя Михайловича, родомъ кроатъ, посѣтившій Россію и пробывшій въ ссылкѣ въ Тобольскѣ около 15 лѣтъ, въ оставленныхъ имъ запискахъ ясно говоритъ, что черкесы—славянскаго племени и исповѣдуютъ христіанскую вѣру. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно привести еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1865 году нашъ отрядъ, пробывшій въ дѣйствиномъ лѣсу просѣку между Туапсе и Шахѣ, въ урочищѣ Ханъ-Кучій, раньше населенномъ истребленнымъ черкасскимъ племенемъ христіанъ ханучей, нашелъ на одномъ изъ старыхъ гигантскихъ дубовъ вырѣзанную древне-славянскими буквами надпись слѣдующаго содержанія: „Здѣсь потеряна православная вѣра. Сынъ мой, возвратись въ Русь, ибо ты отродѣ русское“.

Современные этнографы обыкновенно относятъ черкесовъ къ тюркско-татарскому племени. Но это не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ среди массы населенія попадаются на каждомъ шагѣ не только отдѣльныя лица, но даже цѣлыя аулы съ чисто арійскими профилями, овалами лицъ и выраженіемъ глазъ, усмѣшкой и ухватками, до поразительности схожими съ казачьими, особенно казакъ терскихъ. Темнорусые волосы на головѣ, свѣтлые съ красной на усахъ, высокій лобъ, прямой, немного съ горбиной носъ, подобранный подбородокъ и сѣрые или свѣтлокаріе глаза дополняютъ это сходство, но иллюзія тотчасъ пропадаетъ, когда заговоришь съ ними по-русски: они ни слова не понимаютъ. Въ особенности достойны изученія въ этомъ отношеніи жители аула Кармъ, расположеннаго къ сѣверо-западу отъ Эльбруса. Масса лицъ встрѣчается и съ тюркско-татарскими типами, но въ большинствѣ черкесское населеніе, какъ бы оно разнообразно ни было, имѣетъ свой особенный обликъ, свойственный всѣмъ горскимъ народамъ Кавказа: угрюмое, почти злое выраженіе лица и черныхъ глазъ, сухой и гибкій станъ, съ тонкой таліей и широкими плечами, горбатый, часто семитическій носъ, высокія голени съ небольшою стройной ступней.

Селенія черкесовъ обыкновенно расположены въ живописныхъ мѣстностяхъ, но разбросаны безъ всякаго порядка и скрыты за деревьями, увитыми виноградными лозами такъ, что издали трудно бываетъ ихъ замѣтить. Жилища ихъ—это древніе запорожскіе курені: продолговатый четырехугольникъ изъ плетни, обмазаннаго

глиной. съ очагомъ посрединѣ и съ навѣсомъ (причолкомъ) у входной двери. Надъ очагомъ къ соломенной крышѣ подвѣшена высокая плетеная изъ хвороста и обмазанная глиной труба. Внутри по стѣнамъ развѣшено дорогое оружіе. Вокругъ печи придѣланы полки или подвѣшенъ шкафъ для посуды. Широкія, низкія кровати, покрытыя войлокомъ или коврами, и небольшіе круглые столы, разставленные въ разныхъ мѣстахъ комнаты, довершаютъ ея украшеніе.

Для объясненія всего вышесказаннаго, обратимся къ древней исторіи этой интересной страны, которую осетины и до сихъ поръ называютъ казакіей, и ея загадочнаго народа, извѣстнаго у греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ подъ многими разными названіями. Страна эта обнимала все пространство, простиравшееся по восточнымъ берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, отъ нижняго теченія Дона до предгорій Кавказа.

Еще задолго до появленія въ этихъ мѣстахъ грековъ, финикіяне, имѣвшіе уже сильный торговый флотъ, плавали по Черному морю и заходили до той дальней восточной „земли“, куда ихъ, какъ и позднѣе грековъ, привлекала молва о золотыхъ россыпяхъ и о богатствѣ далекихъ баснословныхъ странъ.

Въ этихъ странствованіяхъ финикійцы изъ Чернаго моря заходили въ Азовское, въ р. Донъ и по р. Манычу, которая въ то отдаленное время была многоводна и служила проливомъ между Азовскимъ и Каспійскимъ морями,—проникали въ р.р. Волгу и Уралъ, куда изъ странъ Приуральскихъ дѣйствительно могло доставляться золото. О пребываніи на берегахъ Маныча финикійцевъ свидѣлствуютъ найденные лѣтъ сорокъ тому назадъ въ берегахъ большого манычскаго озера Гудилы остатки древняго финикійскаго корабля, построеннаго изъ очень крѣпкаго дерева съ мѣдными гвоздями. Устье р. Дона въ то время было гораздо выше нынѣшняго и, быть можетъ, Манычскій проливъ вливался прямо въ древнюю Меотиду, т. е. Азовское море²⁸). Кромѣ золота, купцы вывозили изъ этихъ мѣстъ и другіе металлы, рыбу, какой нѣтъ въ другихъ моряхъ и рѣкахъ, какъ напр., красную, медъ, воскъ, пушной товаръ и хлѣбъ.

Древніе писатели говорятъ также о плаваніяхъ по Черному морю карійцевъ, бывшихъ то союзниками, то соперниками финикійцевъ.

²⁸) Географическое развитіе дельты р. Дона въ связи съ ея заселеніемъ. В. В. Богачевъ

Развившееся впоследствии мореходство у греков заставило финикийцев уступить свои рынки этим последним и прекратить свои экспедиции в эти страны.

Съ VII и VI в.в. до Р. Хр. греческія торговыя колоніи, милетскія, уже появляются по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, какъ напр., Синопъ (на южномъ берегу Чернаго моря), Фазисъ, Диоскурій (на восточномъ), Пантикапея, Нимфея, Θεοδοσία и Ольвія (на сѣверномъ). Дорическія колоніи: Гераклія Понтійская, Херсонесъ Таврическій и др. Іонійскія: Фанагорія на Таманскомъ полуостровѣ. Пантикапея, какъ расположенная при Керченскомъ проливѣ (Босфоръ Киммерійскій), близъ нынѣшняго города Керчи, держала въ своихъ рукахъ всю рыбную и хлѣбную торговлю восточной половины Скиевъ; р. Танаисъ (Донъ) и Волга представляли удобный путь для привоза продуктовъ дальнихъ, сѣверныхъ и восточныхъ странъ.

Таманскій полуостровъ представлялъ группу острововъ между рукавами Гипаниса (Кубани): здѣсь находились города: Фанагорія, Кепы, Гермонасса, Киммеріонъ, Ахиллеонъ, Апатуронъ и др. Нѣсколько южнѣе, къ берегу Понта (Чернаго моря), лежала „гавань синдовъ“ (индовъ) и Горгинпія. Древнѣйшіе обитатели Босфора были Киммеріане, полудикое первобытное племя. О господствѣ ихъ прямо говорятъ Геродотъ и Страбонъ. Ихъ вытѣснили скиевы²⁹⁾.

Восточные берега Азовскаго моря до Кавказскихъ горъ въ V в. до Р. Хр. занимали племена сарматовъ или савроматовъ. Греки, строя свои города на земляхъ этихъ народовъ, становились первоначально въ зависимость отъ нихъ или платили имъ дань за занимаемую землю. Съ одной стороны имъ приходилось бороться съ этими племенами, съ другой, благодаря неизбежному смѣшенію съ греками, племена эти перенимали греческій языкъ и культуру и превращались такимъ образомъ въ полугрековъ; такъ, напримеръ, Гелланикъ называетъ эти народы миксэллинами.

Основаніе Пантикапеи относятъ къ 511 г. до Р. Хр., т. е. къ промежутку между походомъ Дарія на скиевъ и разрушеніемъ Милита персами. Въ V в. она уже стояла во главѣ союза босфорскихъ греческихъ городовъ, носившаго общее названіе Босфора. Въ 438 г. до Р. Хр. одинъ изъ туземныхъ князьковъ, именемъ Спартакъ, соединилъ подъ своею властью оба берега Босфора и положилъ такимъ образомъ начало Босфорскому царству, просу-

²⁹⁾ Русскія древности въ памятникахъ искусства. II. Толстой и Н. Кондаковъ, Вып. 1 СПб. 1889 г.

ществовавшему до конца II в. до Р. Хр., а потом пришедшему въ упадокъ и покоренному Митридатомъ—царемъ понтійскимъ³⁰⁾.

Въ тотъ же періодъ времени, т. е. около VI и V в.в. до Р. Хр., босфорскими греками въ устьяхъ Дона (Танаиса) былъ основанъ новый городъ подъ названіемъ Танаиды. Эта греческая колонія, выдвинутая далеко на сѣверо-востокъ, глубже всѣхъ прочихъ колоній, во времена Геродота (V в. до Р. Хр.) не считалась уже новымъ городомъ и имѣла значеніе въ торговлѣ Греціи по вывозу невольниковъ, рыбы, выдѣланныхъ мѣховъ, сыромятныхъ кожъ и хлѣба. Черезъ нее ввозились предметы греческой культуры, какъ-то: сукна и другія ткани, вина, оружіе, посуда, разныя металлическія издѣлія и мелкіе товары.

Около Рождества Христова Танаида достигла цвѣтущаго состоянія и сдѣлалась самымъ оживленнымъ пунктомъ для торговыхъ сношеній грековъ съ восточными народами. Векоръ она была разрушена до основанія понтійскимъ царемъ Пелемономъ, ставленникомъ Рима, завидовавшимъ ей процвѣтанію, такъ что во времена Плинія (I в. по Р. Хр.) городъ этотъ уже не существовалъ.

По археологическимъ изысканіямъ позднѣйшаго времени, а также раскопкамъ хранителя музея Императора Александра III А. А. Миллера, произведеннымъ въ 1908—1910 г.г., въ достаточной степени установлено, что древняя Танаида (первая) была расположена близъ нынѣшней Елизаветовской станицы. Городъ этотъ находился на островѣ, незатопляемомъ въ половодье, окруженномъ водой, съ сѣвера—рукавомъ Дона, проходившимъ по ерику Дугину (теперь—Камышовое болото), съ востока и юга—Дономъ и полузаглохшимъ нынѣ ерикомъ Казачьимъ, а съ запада—моремъ, которое въ то время, надо полагать, простиралось выше нынѣшняго своего мѣстоположенія.

Найденный А. А. Миллеромъ при раскопкахъ въ указанномъ мѣстѣ матеріалъ, по стилю золотыхъ вещей, керамики, по клеймамъ на глиняныхъ амфорахъ, относится къ V—III в. до Р. Хр. и долженъ быть раздѣленъ на двѣ категоріи: 1) предметы греческой техники, служившіе мѣстнымъ туземнымъ жителямъ при торжественныхъ случаяхъ народной жизни, и 2) предметы туземнаго производства, употреблявшіеся въ повседневной жизни. Первые найдены въ могилахъ, вторые—при раскопкахъ городища и, особенно, жилищъ. Могилы устроены по одному образцу: онѣ пред-

³⁰⁾ Страбонъ VIII, 4, 4.

ставляютъ собою прямоугольныя или квадратныя ямы, глубиной около одного метра, со стѣнками, обложенными толстымъ слоемъ мѣстнаго камыша.

Скелеты расположены, большею частью, головой на западъ, при этомъ въ ногахъ всегда находятся амфоры и другіе глиняные сосуды и кости лошадей; ожерелья, шейные обручи (гривны) и оружіе обыкновенно лежатъ на своихъ мѣстахъ. Въ виду чрезвычайной сырости почвы, бронзовыя и желѣзныя издѣлія совершенно уничтожены ржавчиной. Внешняя форма могилъ почти всегда курганы полушаровидной формы, обложенные вокругъ кольцомъ — оградой изъ камней.

Изъ этихъ погребеній можно вывести заключеніе, что въ древней Танаидѣ жили богатые скны — славяне и греческіе купцы, сносившіеся съ Греціей, а большею частью съ Пантикапеей, выходцами которой Танаисъ и былъ основанъ³¹⁾.

Самое городище расположено посрединѣ курганнаго могильника. Оно очень обширно и состоитъ изъ двухъ частей, окруженныхъ валами. При этомъ внутренній валъ значительно больше наружнаго. Верхній слой почвы состоитъ почти цѣликомъ изъ мусора, черепковъ, пепла, угля, черепицы, остатковъ пищи (кости рыбъ, барановъ, птицъ и лошадей), каменныхъ грузилъ отъ сѣтей, остатковъ построекъ изъ необтесаннаго камня-дикаря, скрѣпленныхъ глиной и крытыхъ камышемъ или черепицей, и стекляннаго шлака. Последний фактъ указываетъ на практиковавшееся здѣсь производство стекла.

Городище все изрыто кладоискателями почти за двѣ тысячи лѣтъ до насъ. На окраинѣ его курганный некрополь (кладбище). Можно установить и мѣсто акрополя (крѣпости).

Ниже г. Танаиды, въ ста стадіяхъ отъ него, т. е. около 17—20 верстъ, Страбонъ указываетъ населенный разными племенами островъ Алопекію. По изслѣдованіямъ геолога В. В. Богачева, островъ этотъ могъ находиться близъ нынѣшняго села Кагальника. Черезъ сто лѣтъ послѣ разрушенія Танаиды, въ устьяхъ Дона возрождается новый городъ и уже не на прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ, повидимому, рѣка тамъ къ тому времени сильно обмелѣла или отошла по другому руслу, а на правомъ берегу Мертваго Дона, близъ нынѣшняго хутора Недвиговскаго Елизаветовской станицы. Мѣстность эта сильно изрыта: раскопками открыто два

³¹⁾ О погребальникѣ обмечаятъ извѣстическіе славяне. Исслѣдованіе А. Котляревскаго. Москва, 1868 г.

курганныхъ некрополя: найдены остатки валовъ, фундаменты капитальныхъ зданій, а также многіе предметы и надписи на камняхъ и монетахъ, ясно свидѣтельствующіе о существованіи здѣсь торговаго города съ смѣшаннымъ населеніемъ, управлявшагося архонтами²²⁾ и имѣвшаго сношеніе съ Босфоромъ. Гавань этого города, носившаго названіе Танаиды 2-й, была доступна для морскихъ судовъ. Въ IV в. по Р. Хр. онъ былъ разрушенъ гуннами, такъ что къ концу этого вѣка о немъ уже не упоминаетъ ни одинъ изъ византійскихъ писателей. Степи, прилегающія къ Меотидѣ, представляли обширныя пастбища для скота кочевыхъ народовъ, которые, по словамъ Страбона (VII, 3. 17), „жили въ различныхъ мѣстахъ, смотря по тому, какое изъ нихъ въ данное время обладаетъ хорошими пастбищами—зимою на болотахъ около Меотиды, лѣтомъ на равнинахъ“. Кромѣ скотоводства, мѣстные жители занимались въ обширныхъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ, въ особенности на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря. Страбонъ также говоритъ о разведеніи въ босфорскомъ царствѣ и винограда, гдѣ его на зиму, по причинѣ холодовъ, закапывали въ землю; но плоды этой лозы были мелки (II, I. 16 и VII, 3. 18). О процвѣтаніи земледѣлія въ древнѣйшія времена на равнинахъ нижняго Дона и въ особенности Кубани указываетъ существовавшее въ то время поклоненіе въ этихъ мѣстахъ богинѣ земли, именуемой „Апія, Опія и Опсъ“, отсюда распространенное названіе этой богини „Европія“ или „Деметерь“ (Dea Mater), которой, по словамъ Геродота, гиперборейскія или сѣверныя дѣвы приносили въ жертву пучки пшеничныхъ колосьевъ, какъ первые плоды своихъ полей. На это указываютъ также найденныя въ курганныхъ раскопкахъ на Таманскомъ полуостровѣ изображенія на разныхъ предметахъ, бляхахъ, ожерельяхъ, стѣнахъ могильниковъ и проч., хлѣбныхъ колосьевъ, цвѣтовъ мака, домашнихъ и дикихъ животныхъ, плодовыхъ деревьевъ, сошниковъ и проч., а позднѣе—виноградныхъ гроздьевъ.

Во время Геродота и его современника Гиппократъ, т. е. въ V в. до Р. Хр., на югѣ нынѣшней Россіи и въ Приазовьѣ климатъ былъ гораздо суровѣе, чѣмъ теперь. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ, говоритъ Геродотъ (IV, 28), тамъ стоялъ нестерпимый холодъ, а пролитая въ это время на землю вода не дѣлала грязи. развѣ разведешь огонь. Азовское море и Керченскій проливъ, да-

---

²²⁾ Старѣйшими.

же часть Понта, какъ говоритъ Помпоній Мела, замерзали такъ, что живущіе тамъ свободно переѣзжали черезъ проливъ съ одного берега на другой на телѣгахъ съ тяжестью. Въ остальные четыре мѣсяца также стояли холода и шли непрерывные дожди. Гиппократъ: „съ сѣвера постоянно дули холодные вѣтры, южные же доходили рѣдко и то слабые. Густой туманъ окутываль днемъ равнины: люди жили въ сырости, вдыхая сырой туманъ... такъ что тамъ постоянно былъ холодъ, лѣтняя же жара всего нѣсколько дней и то не сильная... Жители зимой и лѣтомъ употребляли одну и ту же пищу и носили одну и ту же одежду. Воду пили изъ снѣга и льда; тѣлесныхъ упражненій никакихъ не имѣли. По этимъ причинамъ сложеніе у нихъ толсто и дородно, суставы мокры и безсилны, а желудки очень отягощены мокротами, особенно нижній. Да и невозможно, чтобы тѣло нѣсколько просыхало въ такомъ краѣ, по однимъ уже свойствамъ природы и временъ года... Женщины одутловатаго сложенія“... Геродотъ: „лица у жителей отъ холода бѣлыя и веснушковатыя... Тѣло безволосое. Волосы бѣлокурые, глаза голубые“. Ко времени Рожд. Христ. климатъ въ Приазовьѣ, повидимому, сталъ еще суровѣе. Діадоръ Сицилійскій (Ш, 34) говоритъ, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго мороза замерзаютъ тамъ величайшія рѣки, и по льду переходятъ войска и нагруженные телѣги: замерзаетъ и вино и другія жидкости, такъ что ихъ откалываютъ ножами и, что всего удивительнѣй, оконечности людей отпадаютъ, черетертыя одеждой, глаза помрачаются, огонь не даетъ защиты и бронзовыя статуи лопаются. Овидій (I в по Р. Хр.) въ своихъ „Понтійскихъ письмахъ“ (I, 3. 34) говоритъ: „Что хуже скинскаго мороза? лежу я, покинутый на пескахъ края земли, гдѣ все засыпано постоянно снѣгомъ. Поля не родятъ здѣсь ни яблокъ, ни сладкихъ гроздей, ни зеленѣютъ ивы на берегу, ни дубы на горѣ. Нельзя и море похвалить больше земли: постоянно подъ яростью вѣтра вздымаются волны, которыхъ не освѣщаетъ солнце (50—54). Лежитъ снѣгъ и не сгоняетъ его ни дождь, ни солнце, борей дѣлаетъ его твердымъ и вѣчнымъ. Такъ что пока не сошелъ еще прежній, идетъ уже новый и во многихъ мѣстахъ остается двухлѣтній снѣгъ... Безъ бочекъ стоятъ вина, сохранившія форму сосудовъ: пьютъ вино не черпая, а давая кусками“ и т. д.

Страбонъ также приводитъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о скинскомъ холодѣ: „лошади малы, скотъ великъ, лопаются бронзовыя

гидрин, а ихъ содержимое замерзаетъ... Рыбы, замерзшія во льду, вырубаются такъ называемой гангамою³³⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что описанные южанами-греками страхи о холодѣ преувеличены, но астрономическія и геологическія данныя дѣйствительно подтверждаютъ, что въ то время въ нашемъ сѣверномъ полушаріи было холоднѣе, чѣмъ въ средніе вѣка: что самый теплый годъ у насъ былъ 1262 и что съ этого времени наше полушаріе вновь постепенно замерзаетъ и высыхаетъ. Это наглядно подтверждается слѣдующими доводами: во времена Страбона, т. е. въ 1 в. до Р. Хр. виноградъ произрасталъ только на Босфорѣ, въ средніе же вѣка культура его распространилась по сѣверной Германіи, Бельгій и даже Англій. Теперь въ тѣхъ мѣстахъ о виноградникахъ уже нѣтъ и помину. Даже въ сѣверной Франціи и средней Германіи онъ не вызрѣваетъ и разведеніе его постепенно отодвигается къ югу.

Донъ, по Страбону, впадалъ въ Азовское море двумя устьями, отстоявшими одно отъ другого на 50 стадій, около 8—10 в.³⁴⁾ Діонисій (1 в. до Р. Хр.) въ своемъ землеописаніи говоритъ: „посреди безпредѣльнаго лѣса впадаетъ Танаисъ (Донъ) въ уголь Меотиды (Азовскаго моря), отдѣляя Европу отъ Азіи: къ западу Европа, къ востоку Азія“.

Въ этихъ мѣстахъ въ древности водилось множество всякаго рода дикихъ животныхъ, даже барсы. Изъ домашнихъ наибольшимъ уваженіемъ пользовались лошади и землешаецъ—волъ. По преданію скивовъ, записанному Геродотомъ (IV, 5—7), плугъ, ярмо, сѣкира и чаша, сдѣланные изъ золота, упали съ неба и достались во владѣніе младшему изъ трехъ сыновей родоначальника ихъ Таргитая, именовавшихся Аксаями,—Кол-Аксаю. Предметы эти у нихъ считались священными. По Курцію (VII, 8, 8) скивы на требованіе о покорности отвѣтили Александру Македонскому: „намъ даны были дары, если ты хочешь знать скивскій народъ: ярмо для воловъ, плугъ, копье, стрѣла и чаша. Ихъ употребляемъ мы съ друзьями и противъ враговъ. Мы даемъ друзьямъ плоды,

³³⁾ У казаковъ и теперь въ употребленіи есть орудіе, вродѣ большого долота съ рукоятью, для рубки льда, называемое „семенемъ“, а для вытаскиванія крыжъ изъ полыньи и рыбы—„ганчей“.

³⁴⁾ По изслѣдованіямъ геолога В. В. Богачева, дельта Дона выдвигается на 3/4 верст. въ столѣтіе. За 191½ вѣковъ она выдвинулась въ море приблизительно на 15 в. Слѣдовательно, противъ нынѣшней Елизаветовской станицы, гдѣ былъ древній г. Танаисъ, ширина дельты дѣйствительно была около 8—10 вер. и море подходило къ самому городу.

добытые работой воловъ. изъ чаши вмѣстѣ съ ними совершаемъ возлияніе богамъ, враговъ поражаемъ вблизи коньемъ, вдали стрѣлюю!“

Трогъ Помпей, писатель I в. до Р. Х., пользовавшійся, кромѣ Геродота, какими-то несохранившимися документами, говоритъ: „скинскій народъ всегда считается древнѣйшимъ, хотя долго былъ споръ о древности рода между скивами и египтянами (Iustinus II. I).

Глава IV.

Кто были скивы-сарматы?

За изученіе и критическій разборъ древне-русскихъ лѣтописей, какъ это ни странно и не больно для самолюбія русскихъ людей, взялись впервые иностранцы и особенно нѣмцы. Все выдающееся въ исторіи Руси ими нарочито или замалчивалось, или искажалось; все характеристическое русское они старались присвоить своей расѣ и даже нерѣдко покушались отнять у насъ не только славу, величіе, могущество, богатство, промышленность, торговлю и всѣ добрыя качества сердца, но и племенное имя,—имя русовъ, извѣстное изстари, какъ славянское.

Во главѣ такихъ критиковъ славяно-русскихъ лѣтописей стоитъ Августъ Людвигъ Шлецеръ, случайно попавшій (въ 1761 г.) въ Россію (по приглашенію придворнаго историографа Г. Ф. Миллера), а потомъ ставшій членомъ нашей академіи наукъ.

Въ своемъ трудѣ „Несторъ. Русскія лѣтописи“, изданномъ на нѣмецкомъ языкѣ и переведенномъ Языковымъ на русскій 1809—1819 г.г., Шлецеръ, переставляя и выбрасывая произвольно слова (Изъ Ипатьевского списка), сдѣлалъ выводъ, что варяги—народъ германскаго племени, жившій по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, и что Руссы принадлежатъ къ этому же племени и могутъ означать шведовъ. Выводы Шлецера усиленно стали повторять его соотечественники, а потомъ и наши историки, не разбираясь въ томъ, что продаютъ славу своей родины и ея великое прошлое. Эта инертность и нежеланіе разобраться въ многочисленныхъ источникахъ, прямо говорящихъ о славянствѣ древнихъ Русовъ, поразительны. Впрочемъ, мы привыкли перенимать все цѣликомъ отъ запада и во всемъ ему вѣрить, въ особенности нѣмцамъ.

Изъ позднѣйшихъ нашихъ историковъ одинъ только Иловай-

скій возсталъ противъ шлецеріанства. т. е. германскаго происхожденія Руссовъ, въ своемъ трудѣ „Розысканія о началѣ Руси“ 1882 г., но все-таки цѣликомъ отнесъ варяговъ къ норманамъ, что, какъ мы увидимъ ниже, не слѣдовало бы дѣлать.

Матеріалы, служившіе для созиданія древнѣйшей славяно-русской исторіи, много вѣковъ лежали подъ спудомъ, не разобранные, не разсмотрѣнные и не пропущенные сквозь горнило здоровой и безпристрастной критики подобно тому, какъ Геркуланъ и Помпея скрывались около двухъ тысячелѣтій подъ пепломъ. Между тѣмъ исторія славянской Руси такъ богата фактами, что вездѣ находятся ея слѣды, вплетенные въ бытъ вѣсѣхъ европейскихъ народовъ, при строгомъ разборѣ которыхъ Русь сама собою выдвинется впередъ и покажетъ всѣ развѣтвленія этого величайшаго въ мірѣ племени.

Хотя путь къ тому, по обширности своей, довольно трудный, но уже нѣсколько знакомый: по немъ пускались и вели ожесточенную борьбу съ скандинавоманіей Ломоносовъ, Катыничъ, Венелинъ, Шаффарикъ, Савельевъ-Ростиславичъ, Морошкинъ, Надеждинъ, Боричевскій, Чертковъ, Вельтманъ, Лукашевичъ и многіе другіе и, скажемъ съ благодарностью, не безъ успѣха. Въ особенности потрудился надъ этимъ вопросомъ во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія Егоръ Классенъ, а до него изслѣдователь славяно-русскихъ древнихъ археологическихъ памятниковъ Фаддѣй Волланскій. Трудность въ изученіи этихъ памятниковъ заключается въ томъ, что изслѣдователю необходимо знать всѣ главнѣйшія славянскія нарѣчія и происшедшія въ теченіе вѣковъ перемѣны въ нихъ отъ внутренняго развитія слова и отъ сосѣдняго вліянія; также необходимо знакомство съ характеромъ, нравами, обычаями, домашнимъ бытомъ и внутреннимъ движеніемъ славянскаго міра.

Мы знаемъ, что исторія не должна быть пристрастной къ данному народу, но не дозволимъ и мало ослѣдомленнымъ иностранцамъ, какъ напримѣръ, шлецеріанцамъ, обращать русскую исторію въ сатиру.

Можетъ быть русскіе послѣдователи Шлецера, не разбирая сущности дѣла, по одному влеченію къ этому, по ихъ словамъ, величайшему критику, вступятся за своего кумира, но чтобы напередъ охладить жаръ этой партіи, выводящей, посредствомъ невозможныхъ натяжекъ, огромнѣйшее племя Руссовъ, занимавшее нѣкогда половину Европы, изъ крошечнаго скандинавскаго народ-

ца, напомнимъ имъ, что ихъ „великій критикъ и филологъ“ производить чисто славянское слово „дѣва“ отъ германскаго „Tiefe“ (сука). Одною такого факта достаточно, чтобы понять Шлецера безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій его доводовъ. Но чтобы опровергнуть это грубое лжеученіе, что будто Россія развила свои силы отъ вліянія на нее скандинавовъ и что самое имя свое она получила отъ нихъ же, мы представимъ здѣсь матеріалы, которыхъ, какъ говорится, тля не тлитъ и ржа не разрушаетъ.

Эти матеріалы состоятъ изъ племенныхъ названій, разсѣянныхъ по всѣмъ исторіямъ и нынѣ очищенныхъ критикой отъ переклада ихъ на языки греческій, римскій, татарскій, нѣмецкій и скандинавскій и доведенныхъ ею до своего прототипа: также названія городовъ, живыхъ урочищъ, городища, могилы, клады, насыпи, развалины, монеты, медали, кумиры, оружіе, сохранившіеся мѣстами остатки славянскаго языка, нравы, обычаи, повѣрья, порядковъ веденія войны, а главное—остатки древнѣйшей славяно-русской письменности. Эти памятники ясно свидѣтельствуютъ, что предки наши, славяно-руссы, какъ народъ, существовали ранѣе грековъ и римлянъ и оставили послѣ себя слѣды, указывающіе о ихъ существованіи, а также о своемъ искусствѣ и посвѣщеніи.

Греки и римляне давали многимъ славянскимъ племенамъ свои, произвольно составленныя прозвища, относя ихъ то къ мѣстности, то къ наружности, то къ суровости въ войнахъ, то къ занятіямъ и образу ихъ жизни. Отъ этого въ древней исторіи накопились сотни лишнихъ именъ, ничего въ этнографическомъ отношеніи не означающихъ; но кой-гдѣ выплываютъ и настоящія имена тѣхъ племенъ. На нихъ-то, главнымъ образомъ, мы и остановимся.

Древнѣйшихъ обитателей восточной Европы, береговъ Азовскаго и Чернаго морей, части Малой Азіи и степей Закаспійскихъ, греки называли общимъ именемъ *скивовъ* и дѣлили ихъ на нѣсколько племенъ³⁵⁾. Изъ этихъ племенъ наиболее извѣстны: саки, парфяне, давы, массагеты, варки или урки и гирки—гиркамцы, скололы и сарматы. Давы (Dahves, греческ. *Δαοι*, лат. *Dahae*) были однимъ изъ главныхъ скивскихъ народовъ Передней Азіи и береговъ Каспійскаго моря (Страб. II, 508, 511. Плин. Ест. Ист. 6. 19, 33 и 37). Въ VI в. до Рожд. Христ. даги были подъ властью персовъ. Въ это время нѣкоторыя племена даговъ покинули свою страну и поселились по соеѣдству съ Арменіей. Другая часть

³⁵⁾ Геродотъ. I—IV и VI. Ксент. I, 8. XI, 1. Стр. VII и XI. Павл. Ест. Ист. и др.

этого народа переселилась въ Самарію (Ездра. 4. 9). Это произошло, надо полагать послѣ того, какъ родичи ихъ скиѣ съ береговъ Чернаго моря проникли въ Вавилонію, Сирію и Палестину, образовавъ тамъ свои поселенія, изъ которыхъ азіатскимъ грекамъ былъ извѣстенъ городъ Скиѣополисъ, на мѣстѣ еврейскаго Веесіана. Третья часть даговъ около V в. до Р. X. перешла на берега Азовскаго моря, а потомъ утвердилась во Фракіи, образовавъ тамъ народъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ *даковъ* или *даціанъ*, двинувшійся впоследствии (въ VIII в.) въ верховья Дуная.

Слѣдовательно, названіе „скиѣ“ не было родовымъ именемъ этого народа, въ чемъ сознается и самъ Геродотъ, говоря: „общее названіе всѣхъ скиѣвъ, по имени царя ихъ,—Сколоты; скиѣами называли ихъ эллины“. Персы называли этотъ народъ саками.

Барельефы на колоннахъ дворца въ Персиполѣ и на скалѣ въ Багистанѣ (Манифестъ Дарія Гистаспа), на которыхъ саки изображены въ характерныхъ скиѣскихъ одеждахъ, съ надписью подѣ ними: „это сакъ“, и теперь свидѣтельствуютъ, что персы скиѣвъ называли этимъ именемъ. Сосѣдями европейскихъ скиѣвъ, по словамъ Геродота, были сарматы или савроматы—*Σαυρομάται*, *Συρομάται*, *Συρομάται* и *Sauromatai*, жившіе по лѣвой сторонѣ нижняго Дона до Кавказа, къ востоку отъ береговъ Азовскаго моря, и говорившіе на одномъ изъ скиѣскихъ нарѣчій. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Геродотъ (IV, 117) и Овидій. Послѣдній говоритъ, что научившись говорить по-гетски и по-сарматски, онъ могъ слушать рѣчь старика варвара, т. е. скиѣа³⁶).

Позднѣйшіе, послѣ Геродота, историки, какъ-то: Страбонъ (I в.), Птомедей (II в. по Р. X.) и др. къ сарматскимъ племенамъ относятъ Яциговъ, Аланъ и Роксоланъ (рос-аланъ). Яциговъ или Адзиговъ раздѣляютъ на три касты: на королевскихъ, сидѣвшихъ у Чернаго моря, а потомъ у Дуная, на хлѣбопашцевъ—у Азовскаго моря и на Яциговъ меченосцевъ (по греческому выговору „метанасте“³⁷).

Названіе „сарматы“, какъ и „скиѣ“, не было собственнымъ

³⁶ Овидій. Понт. Посл. III, 2, 39.

³⁷ Греческое названіе этого народа историки переводятъ какъ Яеиги, Яциги, Азиги, Языги и Зыхи, Зихи, Зиги, а иногда и Сиги, даже Циги, Цинги и Цихи. Это не совсѣмъ вѣрно. Въ греческихъ подлинникахъ послѣ начальной буквы А стоитъ дзета, произносимая какъ ДЗ. Правильное произношеніе этого названія по-русски будетъ съ начальной А—Азиги или Ациги, каковыми въ именѣ и теперь себя называютъ нѣкоторые черкесы, испорченные подѣ турецкимъ вліяніемъ: азиге, азиге в адиге. Безъ начальной А—Дзиги или Циги. Азюские Яциги двинулись на западъ вмѣстѣ съ роксоланами. Часть ихъ, оставшаяся въ Венгріи, и до сего времени существуетъ подѣ именами

именемъ этого народа, а дано было понтійскими греками. часто сталкивавшимися съ жителями названныхъ мѣстностей только по дѣламъ торговли. на народныхъ торжищахъ, и. надо полагать, не со всею массою, а только съ извѣстною корпораціей промышленниковъ и торговцевъ. привозившихъ на эти торжища произведенія и издѣлія своей и сосѣднихъ странъ. Какъ въ древности, такъ и теперь на этихъ торжищахъ, или ярмаркахъ, извѣстнаго рода торговцы—промышленники располагаются въ отдѣльныхъ мѣстахъ, по предметамъ торговли. какъ, напримѣръ: мѣховщики, кожевники, сыромятники, сапожники, желѣзники, рыбаки, медовщики, бредники и др. Сыромятныя кожи и мѣха были главными предметами вывоза изъ Скиѣи и Сарматіи. Греки ихъ поставляли во всѣ южно-европейскія страны. Изъ такихъ кожъ выдѣлывались конская сбруя, воинскіе щиты и проч. Слѣдовательно, прозвище „сарматы“ или „савроматы“ и „суроматы“ произошло отъ „сыромяты“, т. е. сыромятники, выдѣлыватели сыромятныхъ кожъ⁸⁸).

Диодоръ Сицилійскій говоритъ, что сарматы вышли изъ Мидіи. Ихъ переселили на Донъ скиѣи. Но почему же греки ихъ не называли мидійцами, а сарматами или савроматами? Венелинъ искалъ въ греческомъ языкѣ корень этого слова и производилъ слово „сармать“ отъ ящероглазый. Другіе слово это производили отъ персидскихъ „саръ“—господинъ, голова и „мада“—женщина, отъ господства будто-бы у этого народа женщинъ. Проф. Страсбург. ун. Ф. Г. Бергманъ (1860) слово „сарматы“ переводитъ „люди сѣвера, отъ Shauro—сѣверъ и mates—люди (мидійское mat и древнее mant), Но по отношенію къ какому же народу они были сѣверянами.—трудно сказать. По древнему писанію они жили у истоковъ Инда, затѣмъ южнѣ Мидіи, а во времена Геродота въ нынѣшнемъ Задоньѣ. Какъ они назывались въ древности, мы не знаемъ, но только намъ извѣстно, что этимъ именемъ ихъ называлъ Геродотъ въ V в. до Р. X., а за нимъ стали повторять эти

яцаговъ и русяковъ. Мѣсто между Пестомъ и Гевесомъ и теперь называется Ицагъ. Тамъ вырытъ зѣтъ 60 назадъ золотой кубокъ съ древне-славянскою надписью:

Былъ жупанъ теш луге:
Тойгв бу Тауль жупанъ,
Тагрозигцигъ таней.

Въ переводѣ на русскій языкъ:

Былъ жупанъ тше луга:
То былъ Тауль—жупанъ,
Тагрозигциговъ утавшія (укрывшіи).

Но Шомелеву въ томъ мѣстѣ действительно сидѣли Тагры и, какъ видно изъ приведенной надписи, яциги, которыхъ Тауль—жупанъ (гетманъ, князь) укрывалъ въ горахъ отъ полчищъ Траяна, грозившаго славянскія племена по этому пути.

⁸⁸) Классенъ. Матеріалы для исторіи славяно-руссовъ. Выпускъ II. 1854 г.

названія и всё греческіе историки. Слѣдовательно, приведенныя мнѣнія являются ошибочными. Первоначальныя сношенія грековъ съ скинами были на путяхъ торговли. Извѣстно, что на ярмаркахъ спрашиваютъ купцовъ и промышленниковъ по товару, а не по странѣ, въ которой они живутъ, и не по цвѣту и быстротѣ ихъ глазъ. Греки спрашивали, пріѣхали ли кожевники (сыромятники), дунтайники, малахайники, рыбаки и др. Скины, какъ скотоводы, въ большемъ количествѣ производили сыромятныя кожи и продавали ихъ грекамъ. Этотъ товаръ составлялъ одну изъ главнѣйшихъ вѣтвей торговли. Вотъ почему греки и римляне, несмотря на постоянныя войны съ сарматами, всегда оказывали имъ предпочтеніе предъ другими сосѣдними народами и старались переселить ихъ въ свои владѣнія; даже плѣнныхъ не продавали въ рабство, а пристраивали къ излюбленному ихъ ремеслу. Если принять это въ основаніе, то намъ будетъ ясно, почему древніе историки писали скины-сарматы, венецы-сарматы, алане-сарматы и проч. Фракійцы также имѣли сыромятниковъ, которыхъ греки называли *Zugmadae*. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи и теперь называютъ сыромятниковъ — сырмате и кожемяте. Греки не выговариваютъ звука Ы и потому писали сармата, сурмата и саурмата — *Saurmatai*.

„Сколоты“ также слово славяно-русское. Въ великорусскомъ нарѣчій названіе „сколоты“ означало хлопотуны, сколотинъ — хлопотунъ, отъ глагола колотить, сколачивать, выколачивать. Такъ называли купцовъ, торгашей, шибаетъ. Впрочемъ, въ Россіи есть нѣсколько рѣчекъ съ подобнымъ же названіемъ, какъ-то: Сколотка (Хар. губ.), Колота (Варш. губ.), Колоча (Смолен. губ.), Колокша (Яросл. губ.) и др. Жители южной Россіи, какъ думаетъ Класенъ, названы Геродотомъ „сколотами“ со словъ только одного правителя племени, съ которымъ онъ лично бесѣдовалъ. Рѣчь, по всей вѣроятности, шла о русскихъ купцахъ-хлопотунахъ, людяхъ суетливыхъ, требовавшихъ себѣ скидки или прибавки, какъ это дѣлается и теперь. Геродотъ и правители этого племени называлъ именемъ Сколотъ. Но мнѣніе это едва ли вѣрно. Вѣдь не всё же европейскіе скинскіе народы, жившіе на пространствѣ отъ Каспійскаго моря до Дуная и далѣе на сѣверъ на 20 дней пути, считая день по 200 стадій (около 640,000 кв. в.), были купцами и шибателями, чтобы ихъ Геродотъ назвалъ этимъ случайнымъ именемъ. Поищемъ другое объясненіе этому слову. Хотя, несомнѣнно, всё ниже приведенныя названія будутъ нарицательныя.

Въ доказательство этого назовемъ нѣсколько случайныхъ имель, данныхъ греками и римлянами народамъ нынѣшней Южной Россіи и происшедшихъ отъ занятія жителей и отъ предметовъ ихъ торговли, а также и отъ носимой ими одежды и обуви.

Алане—скотоводы, пастухи, отъ „аланъ“—пастбище, въ Тверской, Новгородской, Смоленской и др. губ. Зипани, сипани—зипунники—Zirani, Sipani. Какатцы, отъ какаты—башмаки изъ бересты—Zaccati. Кисыни, отъ кисы—оленьи сапоги—Kissini. Курпинники, отъ курпинъ—лапти изъ охlopевъ—Carpiani. Курпы—носящiе или торгующiе башмаками съ пряжками—Cargi. Лунтайники—носящiе сапоги изъ оленьей шкуры—Lantani. Малахайники—Malachitâ. Меланхлены, носящiе черные плащи—Melanchlâni. Нарыняне, отъ няры—валеные сапоги, Neuri. Nerinani. Струсни, носящiе башмаки съ ушками—Sturni, Strusi. Харпайники, носящiе сѣрые кафтаны—Cargagi. Чепани, носящiе казакины, жупаны—Cepini. Шабуря, носящiе балахоны изъ толстаго холста—Sabiri. Одноглазые—Аримасии—Кривичи. Будины, отъ малороссійскаго „будина“—хоромина, живущіе въ деревянныхъ домахъ,—Budini. Конюхи—Coniochos и Heniochi—узодержатели. Вольняне, вольные—Valoini. Vulini, Vulni. Поганые—Pagani и т. д.³⁹).

Такихъ мнимыхъ народовъ съ испорченными въ устахъ грековъ и римлянъ названіями можно привести сотни.

Даже позднѣе собственныя имена славянъ и ихъ городовъ греки, римляне, а потомъ и германцы передѣляли до неузнаваемости; такъ, напримѣръ: Святославъ—Свендсефлавъ. Ярославъ—Iarysleif, Игорь—Ingor, Володаръ—Baldur, Ратиборъ—Radbiart, Новгородъ—Nemogarda и Nowago, Рыбинскъ—Kibinska, Кизляръ—Kitzlar, Устюжна—Ustezna, Козловъ—Kolzlof, Рязекъ—Rask, Кіевъ—Kuiada и Kioabu (Конст. Багр.); Муромъ—Murow, Вышгородъ—Wusegarda, Мета—Mstva, Смоленскъ—Milinisk, Очаковъ—Axiake, Хорваты—Chrodati, гості—Gosi; Ахтырка—Aqathyrska, Бѣль-богъ—Biäbog, сѣкира—Saqaris, Угличъ—Aulisch и т. п.

Нѣкоторыя названія городовъ и мѣстечекъ греки (Константинь Багрянородный и др.) до того исковеркали, что даже самъ Шлецеръ не рѣшился ихъ объяснить и надъ многими поставилъ вопросительные знаки, а между тѣмъ города эти были расположены гдѣ-то близъ Кіева, Смоленска и Новгорода.

³⁹) Во многихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ и среди донскихъ крестьянъ, часто въ употребленіи слово „вольна“—вольность, неподчиненіе властямъ, бунтъ. Вольнать—высвободиться, на дѣтскомъ языкѣ—арать.

Вотъ сколько мимо разнородныхъ племенъ населяло нынѣшнія славянскія земли. Если къ этому еще прибавить случайныя названія этихъ племенъ, происшедшія отъ мѣста ихъ жительства, какъ-то: загорцевъ, подгорцевъ, нагорцевъ, порѣчанъ, зарѣчанъ, брежанъ, поморянъ, залѣсянъ, древлянъ, озерянъ, украинцевъ и т. п., каковыя названія греки выдавали за собственные; то нѣтъ никакой возможности, безъ строгой критики, добраться до истины.

Итакъ, греки, а за ними и римляне жителей нынѣшней Южной Россіи и Передней Азіи называли общимъ именемъ скиновъ: скины, скиты, скуты, скюты, сциты, скиоъ и скютъ (чуть и чудь), отъ первоначальной формы этого названія, извѣстнаго со временемъ Гомера (Odiss. 14, 34), *Σκίτος* и *Σκίτος*, означавшаго у адриатическихъ грековъ кожу (*cutis*), а у понтійскихъ сыромать или сыроматнюю воловью (скотскую) кожу—щитъ, латин. *scutum*, такъ какъ это орудіе защиты выдѣлывалось изъ этихъ кожъ. Греки не имѣли въ своемъ языкѣ звука *ц* и выговаривали его какъ *ск*, а потому и писали вмѣсто „щиты“, т. е. щитоносцы, скиты и скины, римляне же вмѣсто *ц* писали *сц* и выговаривали сциты и т. д. Слѣдовательно, греки и римляне всѣ славяно-скинскія племена называли *щитоносцами*, щитниками, такъ какъ это боевое орудіе, по свидѣтельству многихъ древнихъ писателей, было изобрѣтено именно скинами. Это подтверждается и персидскими барельефами времени Дарія, на которыхъ скины изображены со щитами, а персидскіе воины безъ нихъ. Сарматы или сыроматы и скины есть синонимы одного и того же первоначальнаго имени, но только на разныхъ нарѣчіяхъ: вотъ почему многіе древніе историки часто писали скины-сарматы, сарматы скинскаго племени и т. д.

Названіе одного изъ скинскихъ племенъ *сколоты* также означаетъ *щитоносцы* или *щитники*, отъ персидскаго *кала*, хазарскаго *кель*, наше *скала*, (простонародное *скель*), готское *skildus*, литов. *skyda*, англосаксонское *scyld*, норм. *skiödr*, шведск. *sköld*—щитъ, защита. У скиновъ, какъ и ихъ потомковъ—славянъ, щитъ былъ символомъ защиты власти. Вотъ почему Геродотъ и утверждаетъ, что „*сколоты*“ было названіе царское и что скины, сознававшіе свое превосходство, носили названіе „царскіе скины“. Сколоты жили на берегу Чернаго моря и въ Крыму. У нихъ состояли данниками приморскія греческія колоніи, между которыми была и Ольвія (Ф. Г. Бергманъ. Скины. Halle. 1860 г. Въ переводѣ В. А. Канскаго).

Всѣ приведенныя имена скинскаго народа суть нарицательныя.

Родовое же имя всѣхъ славянскихъ племень есть „россы“, встрѣчаемое съ древнѣйшихъ временъ на всемъ пространствѣ восточной Европы отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Каспійскаго до Средней Азии, даже до Египта. Имя это встрѣчается и въ полномъ и въ сокращенномъ видахъ: Россы, Роззы, Руззы, Ресы, Расъ, Аорсы, Рси, Рса, Рша, Расы, Роша, Разы, Разены, Роксы и т. д.⁴⁰⁾ Въ соединеніи съ другими названіями: Агторози, Хазироззи, Себ-бироzi, Аланорси, Роксолане, Порси, Парси, Геты-Руссы, Уни-Ро-зи, Уди-Рози, Удины-Рози, Саввей-Рози и т. д.⁴¹⁾ Мѣста и рѣки, занимаемыя Россами: р. Рса или Раса (въ древней Троѣ); Рса— р. Араксъ, по-арабски Эль-Расъ, по-монгольски Орсай и Рахса, по-гречески Раса и Оросъ; Яксартъ или Сыръ-Дарья, по-древнему— Раса; Волга также называлась Расой и Рсою: р. Руса или Порусье, въ Новгород. губ.; р. Росъ, впадающая въ Днѣпръ; р. Руса въ Моравіи; р. Руса, правый рукавъ Нѣмана; Черное море—Русское море. Донъ также, какъ и Волга, арабами назывался Русской рѣкой.

Греки и римляне называли славянъ: Ставани, Стлавани, Сво-вени, Слави, Славини, Склавини. Склавы и т. д. Во всѣхъ этихъ названіяхъ господствующей буквой является „а“. Слѣдовательно, названіе народа „славяне“ есть нарицательное и произошло отъ „славы“. Вѣчныя войны славянъ съ римлянами, старавшимися покорить ихъ земли, перенесли названіе „склавы“ на военно-плѣнныхъ рабовъ, отчего эти послѣдніе въ Римѣ и стали вообще называться этимъ именемъ. Но это нисколько не препятствуетъ производить имя славянъ отъ слова „слава“. Славяне никогда не заимствовали свои собственные имена у чужихъ народовъ, какъ напримѣръ, германцы: Ратвальдъ—Родовладъ, Рагнвальдъ—Рого-владъ или Роговльдъ; Велимиръ—Волимиръ, Цвентибольдъ—Свято-полкъ и многія другія, а имѣли свои и самыя лучшія производили отъ славы и чести, вообще отъ выдающихся качествъ, напримѣръ: Бретиславъ, Болеславъ, Буреславъ, Богуславъ, Владиславъ, Вре-тиславъ, Всеславъ, Вѣнцеславъ, Вѣчеславъ, Вратиславъ, Гремиславъ, Доброславъ, Буеславъ, Разиславъ, Любославъ, Мстиславъ, Мечеславъ, Мірославъ, Примиславъ, Ростиславъ, Святославъ, Буе-славъ, Сулиславъ, Собеславъ, Судиславъ, Добромысль, Славомысль,

⁴⁰⁾ О сѣверномъ князѣ Рона или Роса говоритъ прор. Иезекиль, гл. 38 ст 2 и 3 и гл. 39 ст. 1. О нашествіи съ сѣвера Скиновъ, народа древняго и сильнаго, говоритъ прор. Иеремія въ гл. IV, ст. 5—29 и гл. V ст. 15—17.

⁴¹⁾ Византійскій ученый X в. Свидасъ и нѣкоторые другіе пишутъ „Скуевъ о Росѣ“, т. е. Скиевъ или Россы. Улатовскій (III в. до Р. Х.) утверждаетъ, что страна и народъ Росъ называли были скинами отъ другихъ народовъ.

Славолюбъ, Славомірѣ, Униславѣ, Ярославѣ, Преславѣ, Заславѣ. Честиборѣ и многія другія. Геродотъ слово „славяне“ переводилъ по-гречески: алазоны и авхеты—прославленные.

Древняя Мизія и Македонія, какъ мы увидимъ ниже, были населены славянами. Пелаго-фракійскія племена были славяне (исслѣдованія Черткова⁴²).

По паденіи Македонскаго царства часть македонцевъ около 320 г. до Р. Х. переселилась къ Балтійскому морю: народъ этотъ тамъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Бодричей, сохранившій до самаго паденія своего гербъ Александра Македонскаго, изображавшій буцефала и грифа. Бодричи говорили на славянскомъ языкѣ и отъ натиска германцевъ переселились на Ильмень и Ловать, гдѣ и основали Новгородъ и Псковъ около 216 г. до Р. Х. (Птоломей). Славяне во всѣ вѣка съ гордостью называли себя этимъ именемъ. Мы славяне, т. е. любящіе славу, говорили они. Родовое же названіе этого народа, какъ сказано выше, было Руссы или Россы, т. е. поклонники росы, воды.

Слѣдовательно, ни скиѣны—сколоты, ни сарматы, какъ отдѣльные народы, не существовали. Названія эти были даны случайно славянамъ—Россамъ отъ носимыхъ ими кожаныхъ щитовъ 24 вѣка тому назадъ грекамъ, а потомъ, повторяемая въ теченіе многихъ вѣковъ историками и географами, они наконецъ, совсѣмъ исчезли изъ употребленія, какъ лишнія.

Читающіе эти строки спросятъ, какими же наивными, по словамъ автора, были великіе Геродотъ, Страбонъ и другіе греческіе и римскіе историки, что такъ опрометчиво окрестили великій славяно-русскій народъ несвойственными ему, случайными именами.

Да, дѣйствительно, въ этомъ случаѣ они были наивны, какъ наивны бываютъ иностранцы и теперь, когда рѣчь пойдетъ о славяно-русской народности. Кто желаетъ хоть поверхностно ознакомиться съ нѣкоторыми нѣмецкими учебниками по исторіи и географіи Россіи XVIII и прошлаго столѣтій, тотъ съ удивленіемъ найдетъ въ нихъ, что подъ словомъ „мужикъ.—Muschiks—нѣмцы понимали крѣпостного, подъ начальникомъ—главу бунтовщиковъ, подъ словомъ работа—барщину; Козьма Мининъ у нихъ русскій бунтовщикъ пультъ—отдѣленіе казаковъ, баба-яга—богиня войны у руссовъ; въ Россіи, по словамъ нѣмцевъ того времени, имѣются три поро-

⁴² По Гейгеру и Грнжу, у Фракійцевъ рожь называлась брицей (briza). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи рожь и теперь называется брицей: на Дону брицей называютъ траву—парей гребенчатый, изъ породы злаковыхъ.

ды лошадей: конь, лошадь и кляча: или: въ Россіи нагрѣвають воздухъ разложеніемъ огня на улицахъ и проч. Что это? наивность, невѣжество или просто издѣвательство надъ русскими? Въ коммерческой географіи Христіани (XVIII в.)—въ западной Двинской провинці помѣщенъ г. Архангельскъ. Восточныя провинціи: Поле, Мордва, Устюгъ, Вядски, Пейорски, Обдорски и др. Дербентъ лежитъ въ землѣ самоѣдовъ. Петербургъ находится на рѣкахъ: Донъ, Оби, Двинѣ, Волгѣ, Днѣпрѣ и Невѣ. Эта географія выдержала даже два изданія. Какой же точности въ описаніи народовъ мы должны требовать отъ древнихъ грековъ, случайно заброшенныхъ на сѣверные берега Понта и Меотиды?

Приведемъ еще два примѣра наивности ученыхъ иностранцевъ, посѣтившихъ Россію и Донъ въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка. Извѣстный французскій писатель Александръ Дюма—отецъ въ своемъ путевомъ дневникѣ записалъ, что онъ видѣлъ, какъ казаки ѣли сальные свѣчи и „пили водку подъ развѣсистой клюквой“. Ученый Палласъ въ 1773 г. писалъ, что изъ Старочеркасска онъ видѣлъ Эльбрусъ и что эта гора видна и изъ Сарепты. Въ дѣйствительности же это не могло быть, такъ какъ отъ названныхъ мѣстъ до Эльбруса около 700—800 верстъ.

Шлецеръ утверждаетъ, что славяно руссы IX в. были номады. Между тѣмъ Баварскій географъ въ 866 г. насчитываетъ у славянъ до 4,000 городовъ, у унновъ-Россовъ 148 городовъ, у великороссовъ (Vuillerozi)—180, у савейскихъ Руссовъ 212, у хазарь-Россовъ 250 и т. д.

Прокопій и Маврикій въ началѣ VI в. говорятъ, что славяне живутъ въ городахъ и деревняхъ и занимаются хлѣбопашествомъ, ремеслами и торговлей. Тацитъ въ 60 г. по Р. Х. писалъ, что германцы не знаютъ еще городовъ, славяне же строятъ прочные деревянные дома и укрѣпленные города. Скандинавы Россію (Rüszaland) называли царствомъ городовъ—Gaardaríkr. То-же говоритъ и нашъ лѣтописецъ Несторъ. Шлецера, написавшаго комментарий на Нестора, нельзя заподозрить въ невѣжествѣ. Такъ въ чемъ же? Только въ зломъ умыслѣ умалить, унижить пріютившихъ его славянъ-россовъ и давшихъ ему званіе члена своей академіи наукъ.

Всѣ средневѣковые историки и географы Россію называли странюю городовъ, а нашъ академикъ конца XVIII в. назвалъ ее странюю бродячаго народа. Древніе историки намъ говорятъ, что скифы, сарматы, ицыги, роксолане и алане одинъ и тотъ же на-

родъ Но какое же коренное названіе этого народа, населявшаго издревле нынѣшнюю Россію? Геродотъ говоритъ, что сарматы скинскаго племени. Птоломей (II в. по Р. X.) называетъ славянъ и аланъ скинами и тѣхъ же славянъ и аланъ сарматами; онъ же говоритъ, что скины сарматскаго племени. Плиній (I в. по Р. X.) называетъ хазаръ—скинами, сербовъ—сарматами, роксоланъ—аланами. Страбонъ (I в.) сарматовъ—скинами, роксоланъ—аланами. Греки—по Нестору—славянъ скинами. Свидасъ и древняя географія—Руссовъ скинами. Константинъ Багр. (X. в.), Анна Комнена, Левъ Діаконъ и Киннамъ—Руссовъ скинами: Маркіанъ Гераклійскій—аланъ сарматами, Халкокондила—Руссовъ сарматами; Прокопій—венедовъ сарматами, Діодоръ Сицилійскій (I в. до Р. X.)—ассирійцевъ и мидянъ сарматами. Въ Пеутингерскихъ таблицахъ ведены (береговъ Балтійскаго моря) названы сарматами; у Скимна Хіосскаго и въ Периплѣ Понта Эвксинскаго алано-руссы названы сарматами. Адамъ Бременскій—венедовъ скинами, а Папа Сильверстъ II—сарматами. Клууверій—венедовъ и словцевъ сарматами, Юрнадъ (VI в.) славянъ сарматами, а готовъ славянами. Антонъ—будиновъ, роксоланъ и сербовъ—сарматами. Шаффарику—роксоланъ, аланъ и яциговъ сарматами. Амміанъ Марцеллинъ и блаженный Иеронимъ—яциговъ, паннонцевъ—сарматами; древняя грузинская исторія—аланъ Россами. Прокопій—антовъ и славянъ аланами. Прискъ (V в.)—аорсовъ (жившихъ къ востоку отъ Азовскаго моря) сармато-скинскимъ народомъ. По Геродоту—скины поклонялись мечу, въ видѣ бога войны. По Климентію Александрійскому, сарматы также поклонялись мечу, какъ богу войны. По Нестору—Руссы поклонялись мечу, какъ богу войны.

„Малые Аорсы“, т. е. Малая Русь, пишетъ Страбонъ (L. XI, р. 506) происходили, по всему вѣроятію, отъ Великихъ Аорсовъ, жившихъ къ сѣверу. Малые Аорсы могли выставять 200.000 конницы. Великіе же несравненно болѣе“.

Гунновъ называютъ скинами всѣ почти историки. Гетовъ, Массagetовъ, Тирагетовъ, Тана-Гетовъ и др. также почти всѣ греческіе историки называютъ то скинами, то сарматами, то аланами, то россами, напр., Геты—Руссы.

Всѣ эти народы, по греческимъ и римскимъ писателямъ, говорили на славянскимъ, то русскимъ языками, но лишь на разныхъ нарѣчіяхъ.

Если считать всѣ приведенныя названія за принадлежавшія

отдѣльнымъ народамъ, то приходится допустить, что въ исторіи есть выраженія, свидѣтельствующія о совершенномъ отсутствіи логики, а также образцы безсмысленницы, какъ напр., скиѣскій народъ, живущій въ Европейской Сарматіи, славянскаго племени, или скиѣы сарматскаго племени, а сарматы—скиѣскаго и т. п.

По Страбону—роксолане жили между Днѣпромъ и Дономъ и были многочисленнымъ и храбрымъ народомъ, могшимъ выставятъ до 50.000 и болѣе хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Плиній, Тацитъ и Птоломей, а также Юрнандъ мѣстожителство этого народа указываютъ тамъ же, гдѣ и Страбонъ. Плиній признаетъ ихъ за народъ, родственннй аланамъ; слѣдовательно, роксолане тоже, что Россы—алане: къ этому выводу пришелъ и Иловайскій въ „Розысканіяхъ о началѣ Руси“. Тацитъ (I в. по Р. X.) причисляетъ роксоланъ къ сарматамъ и описываетъ участіе ихъ въ битвѣ такимъ образомъ: „У сарматовъ раздавался не одинъ голосъ вождя: у нихъ всѣ подстрекаютъ другъ друга не допускать метанія стрѣлъ, говоря, что слѣдуетъ предупредить битву быстрымъ ударомъ и рукопашной схваткой... Сарматы, оставивъ лукъ, которымъ они хорошо владѣютъ на близкомъ разстояніи, бросились впередъ съ длинными пиками и мечами“. (Annal. VI. 35). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ говоритъ: „Удивительно, храбрость сарматовъ находится какъ-бы внѣ ихъ самихъ. Никто не боится такъ пѣшей битвы, какъ они; но когда они дѣлаютъ нападеніе лавой, едва-ли можетъ устоять какой-либо строй“. (Исторія. I. 79). Арріанъ (II в. по Р. X.) въ своей „Тактикѣ“ о военныхъ приемахъ сарматовъ говоритъ: „Копьеносцы приблизились къ вражескимъ рядамъ и отбивались копьями“... или: „прогояли при паденіи врага пиками, какъ алане и сарматы“ (IV, 3). Амміанъ Марцеллинъ въ 358 г. по Р. X. говоритъ, что у сарматовъ были длинные копы и что боевымъ ихъ крикомъ было восклицаніе „мара! мара!“—что означало смерть⁴³). Народъ этотъ приведенными историками названъ „сарматами“ по старой привычкѣ, такъ какъ одновременно онъ ими же, а также и другими именуется „роксоланами“, т. е. аланами—Россами и описывается какъ народъ скотоводы Сарматы временъ Босфорскаго царства (I в.)

⁴³ Мара, хоръ, жѣръ умеръ.—пѣютъ одинъ и тотъ же корень. У донскихъ казаковъ именованъ станицъ и малороссовъ есть бранное выраженіе: мара тебя возьми, т. е. смерти. У древнихъ ассирійцевъ, вавилонянъ и персовъ „а и е“ произносились безразлично, вѣрнѣе, пѣлаи средній звукъ: Беель—Бааль или Вааль, Мардукъ или Мардукъ—духъ жертвы, главный богъ Вавилона. Осетинское Балта, литовское—балтосъ, бѣлый, Персидско-вавилонское Набу—небо. Балтасаръ—бѣлый царь. Саръ—серъ, т. е. царь, господин

объединились. по словамъ римскихъ историковъ. въ сильный народъ подъ управленіемъ „sradines“. т. е. господина.

Атака съ шиками на-перевѣсъ сарматскихъ всадниковъ прекрасно изображена на фрескѣ катакомбы. открытой въ Керчи въ 1841 г.

Послѣднимъ изъ авторовъ древности о роксоланахъ упоминаетъ готскій историкъ Юриантъ (VI в.). По его словамъ народъ этотъ оставался въ тѣхъ-же предѣлахъ, отведенныхъ ему еще Страбономъ: слѣдовательно. онъ не былъ увлеченъ на западъ гуннскимъ движеніемъ.

Дальнѣйшія упоминанія о роксоланахъ мы встрѣчаемъ уже въ источникахъ IX в., по которымъ народъ этотъ оказывается живущимъ гораздо сѣвернѣе. гдѣ-то близъ р. Вислы и Нѣмана (Прусскіе хроники). Роксоланы тамъ называются уже Руссами. Въ это же время на историческое поприще выплываетъ и Русь днѣпровская, черноморская и казарская. Арабскіе историки IX и X в.в. Ибнъ-Дастъ, Мукадеси. Масуди и др. прямо говорятъ о Руси. живущей по берегамъ Чернаго моря на лѣсистомъ и болотистомъ островѣ. а также въ землѣ хазарскаго царя: что изъ этого народа. говорящаго славянскимъ языкомъ. набираются отряды въ его войско и что Руссы населяютъ цѣлую часть столичнаго города Итиля или Атели (при устьяхъ Волги).

О славянствѣ сѣверныхъ и прибалтійскихъ Руссовъ много привели убѣдительныхъ данныхъ Иловайскій въ своемъ „Розысканіи о началѣ Руси“ и Егоръ Классенъ въ „Матеріалахъ для исторіи Славяно-Руссовъ“. выпуски I и II. Здѣсь мы ограничимся лишь нѣкоторыми указаніями. болѣе выясняющими этотъ вопросъ.

Руссы и торговый городъ Руса на берегахъ Балтійскаго моря упоминаются еще въ IV в. до Р. Х. Объ этомъ пишетъ грекъ Пифей, посѣтившій эти мѣста въ 320 г. на кораблѣ вмѣстѣ съ торговцами греками. Послѣ этого о Руссахъ прибалтійскихъ говорятъ. на основаніи древнихъ лѣтописей, историки скандинавскіе: Торфей (норвежскій), Юганнесъ Магнусъ (шведскій) и Саксонъ Грамматикъ (датскій).

Саксонъ Грамматикъ (ум. 1208 г.) говоритъ. что въ I в. по Р. Х. датскій король Фротонъ I-й въ морской битвѣ побѣдилъ русскаго царя Траннора и взялъ его городъ Роталу. въ Ливоніи. и Пельтискъ (Полоцкъ), столицу Веспазія. другаго русскаго царя. завоёвалъ страну еще какого-то царя Гондувана и женился на его дочери.

Въ III в. при Фротонѣ 3-мъ Руссы и Гунны напали на Данию: царь руссовъ Олимеръ начальствовалъ флотомъ, а царь гунновъ сухопутнымъ войскомъ.

Въ I в. норвежскій владѣтель Гальфданъ воевалъ въ земляхъ востока Россіи и Ливоніи, убилъ на поединкѣ славяно-русскаго царя Сигтрига и женился на дочери другого русскаго царя Эймунда⁴¹).

Во II в. Готерь, сынъ шведскаго короля Готброда, погибъ въ сраженіи съ Боемъ, сыномъ русскою княжны Рынды. Сынъ Готера и его пріемники имѣли многія войны съ Руссами въ теченіе всего II в. (Сак. Грам.).

Шведскій король Готебродъ за нѣсколько лѣтъ до Р. Х., вспомянувъ о насиліяхъ, совершенныхъ руссами въ Швеціи, и собравъ значительное войско изъ шведовъ и готовъ, вступилъ въ Русь, избилъ великое множество русскихъ и заставилъ ихъ платить себѣ дань. Пріемникъ его снова началъ войну съ Руссами. (Юганнесь Магнусъ).

Король Готскій Велимиръ около нашей эры объявилъ русскому царю Гервию войну, побѣдилъ его и наложилъ на русь дань. Но въ скорости Гервию выгналъ готовъ (Магнусъ).

Въ VI в. шведскій король Ингваръ покорилъ Эстляндію и двинулся на Россію, но былъ тамъ убитъ. (Саксонъ Грам.).

Класенъ говоритъ, что въ имѣніи О. Н. Глинка, въ Тверской губерніи, есть древніе камни съ надписями; снимокъ съ одной изъ нихъ былъ отправленъ въ Копенгагенское общество древностей: тамъ прочли надпись такъ: „Здѣсь Ингваръ поднять на щиты“, что значитъ: признанъ королемъ.

Лѣтописцы также говорятъ о русскомъ поморскомъ князѣ Ратиборѣ, давшемъ свой флотъ въ помощь датскому королю Гильдестанду для истребленія морскихъ пиратовъ.

Въ исландскихъ сагахъ упоминается о знаменитомъ русскомъ владѣтелѣ Зигурламѣ или Чигурламѣ, который, по мнѣнію Торфея, жилъ въ III в.

Приведенными данными ясно доказывается, что въ нынѣшней сѣверо-западной Россіи и по берегамъ Балтійскаго моря издревле обитали Руссы, составлявшіе нѣсколько самостоятельныхъ и сильныхъ государствъ; что они не были ни датчане, ни норвежцы, ни шведы, такъ какъ имѣли постоянную вражду съ ними. О томъ же говорятъ и названные выше историки.

Готы также не причисляются ни къ шведамъ, ни къ датча-

---

⁴¹) Исторія Норвегіи. I. 175. Торфей.

намъ, такъ какъ они всегда воевали то въ союзѣ съ Руссами противъ шведовъ, то въ союзѣ съ послѣдними противъ Руссовъ. Саксонъ Грамматикъ далѣе говоритъ, что Иворъ (славянинъ-венедъ) въ VII в. покорилъ Данію и Швецію, потомъ убилъ зятя своего Рерика (также венедъ), царствовавшаго въ Зеландіи, которая въ то время была населена славянами. Дочь Ивора Овда съ сыномъ Гаральдомъ бѣжала къ русскому князю Радбрату и вышла за него замужъ. Гаральдъ съ помощью русскаго флота вступилъ на датскій престолъ. Слѣдовательно, Руссы имѣли на Балтійскомъ морѣ весьма сильный флотъ и владѣли, какъ увидимъ ниже, обоими берегами этого моря, т. е. западнымъ и южнымъ. Руссы были славяне: они занимали какъ разъ всѣ тѣ земли, которыя населены были этими народами. Въ ихъ земляхъ были города: Старая-Русса, Новая-Русса между рукавами Нѣмана, изъ которыхъ правый называется и до нынѣ Руссою, а прилегающая приморская мѣстность носила названіе Пороси, по Пифею—Руснен; Русислава,—нынѣшній Рослау на Эльбѣ (Лабѣ). По всему южному Балтійскому побережью и до нынѣ множество городовъ и селъ носятъ славяно-русскія названія. Слѣды Руссовъ видны и на сѣверныхъ и западныхъ берегахъ этого моря; такъ, напримѣръ, Рескильдъ, мѣстечко, въ которомъ жилъ историкъ Саксонъ Грамматикъ; въ переводѣ названія этого мѣстечка значить: „коль для Руссовъ“, т. е. тамъ было мѣсто казни для руссовъ: Рослагенъ, т. е. кочевье Руссовъ, мѣстность на Упландскомъ берегу въ Швеціи. Что Руссы-славяне владѣли западными берегами Балтійскаго моря, объ этомъ свидѣтельствуетъ историкъ XI в. Адамъ Бременскій: онъ пишетъ, что въ г. Упсалѣ стоялъ золотой славянскій кумиръ бога Радегаста; т. е. Радигостя, покровителя торговли и торговыхъ людей (гостей). Радегастъ—радъ гостямъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ увѣряетъ, что упсальскій храмъ былъ сдѣланъ изъ золота. Другой храмъ этому богу былъ въ гор. Ретрѣ, на южномъ берегу. На островѣ Рюгенѣ, населенномъ славянскимъ племенемъ рановъ, славившихся богатствомъ, мореходствомъ и торговлей, въ г. Орекунда или Ореконда, на полуостровѣ Витовъ, находился храмъ широко прославляемаго и почитаемаго бога Свентовита или Свентовита. Храмъ Свентовита въ г. Святоградѣ, или Свентоградѣ, былъ разрушенъ въ 1168 г. датскимъ королемъ Вальдемаромъ I. Многія сокровища этого храма и до сихъ поръ находятся въ Копенгагенскомъ музеѣ сѣверныхъ древностей. Развалины Кремли

пограда и теперь видны близъ г. Арконы. На о. Рюгенъ, по-славянски—Руянъ, въ г. Стопень-камень (нынѣ Штубенкаммеръ) также было три чтимыхъ храма: Сварогу, Волосу и Перуну⁴⁵). Въ храмѣ Волоса хранилась золотая сошка, упавшая съ неба Микулѣ Селянновичу. Другая въ Микуль-борѣ, нынѣшнемъ Мекленбургѣ. Тацитъ говоритъ (Германія, гл. XL) о поклоненіи славянами на островѣ Рюгенъ богинѣ земли—Матказемѣ, (Гертѣ). Драгоценную статую этой богини съ серпомъ въ правой рукѣ и съ снопомъ изъ золотыхъ прутьевъ съ янтарными колосьями въ лѣвой возили въ колесницѣ по селамъ съ весны до Купалы. Остатки этого храма у нѣмцевъ теперь называются Гертабургъ⁴⁶).

Шлецеріанцы возражаютъ, что приведенныя историческія данныя изъ Дитмара, Торфея, Саксона Грамматика и Юганнеса Магнуса о древнихъ славяно-Руссахъ мало проверены исторической критикой и, такимъ образомъ, являются какъ-бы пустыми сказками. За чѣмъ же дѣло стало? Почему же до сего времени молчать критики? Видимо отвергнуть эти данныя имъ не по плечу. Авторитеты же названныхъ историковъ говорятъ сами за себя: Дитмаръ былъ мерзебургскимъ епископомъ (род. 975 г.), Саксонъ Грам. пробстомъ въ Рескильдѣ (ум. 1208 г.), а Магнусъ архіепископомъ въ Упсаль (род. 1488 г.): притомъ они писали не исторію Россіи, а Скандинавіи, слѣдовательно, въ пристрастіи ихъ заподозрить нельзя. Подъ руками у нихъ были сказанія, саги и лѣтописи о жизни древнихъ народовъ, населявшихъ берега Балтійскаго моря. Историческія повѣствованія ихъ подтверждаются и археологическими раскопками.

Главнымъ занятіемъ новгородскихъ и приморскихъ Руссовъ была торговля съ соседними странами. Азіатскіе товары туда доставлялись Волгой и рѣками, впадающими въ Финскій заливъ. Для охраны торговыхъ каравановъ отъ нападенія разбойниковъ Руссы имѣли многочисленную и хорошо вооруженную рѣчную и морскую наемную стражу, называемую „варягами“, отъ славянскаго

⁴⁵) Сварогъ или сварожичъ—богъ огня (отъ санскритскаго *сварга*—небо, т. е. небовичъ). Дитмаръ, епископъ мерзебургскій (975—1018 г.). VI, 17. Pertz, „Scriptores“, p. 812. Сравнить: славянскій Сварогъ, индусскій Сварга, сынъ царицы масагетовъ Тамарисы, воевавшей съ Киромъ, — Сварганисъ, царь агафирсовъ (юньскаго племени) тоже Сварганисъ, отъ Сварога—богъ огня и *ани*—земля, у скивоовъ но-Геродоту. По раскопкамъ въ Этруріи (Италія), у этрусковъ земля также называлась *ани*. У египтянъ быкъ аписъ олицетворялъ силу земли. Сераписъ—богъ, царь земли.

⁴⁶) Празднованіе Купалъ и теперь совершается со многими обрядностями въ Пруссіи, Помераніи и другихъ нѣмецкихъ земляхъ, какъ пережитокъ славянскаго язычества, унаслѣдованный отъ своихъ отъмеченныхъ предковъ—славянъ. „Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ“. Е. В. Динчковъ, СІІБ. 1903 г. ч. I-я.

глагола варити—предварять, предупреждать, и варяю (по-Кирилловски)—разъѣзжаю: варять—плавать по водамъ. Дитмаръ (Chronicon) говоритъ, что у славянъ—бодричей были особые вооруженные стражи, наблюдавшіе за цѣлостью товара; что товаръ у нихъ назывался *вара*, охранять—*гачи* или *ветими*, отсюда стража—*варагаиче* и *вараветниче*. У вендовъ оберегатель товаровъ назывался *воорагаи*. Слѣдовательно, варяги не составляли какой-либо отдѣльной народности, а просто это была особая каста военныхъ людей, на обязанности которыхъ лежала охрана торговыхъ судовъ отъ нападенія морскихъ ширатовъ, называемыхъ на Балтійскомъ морѣ викингами, а на русскихъ рѣкамъ сльвиныхъ подъ названіемъ „полянницъ“. Въ варяги принимались люди испытанной храбрости и честности. Предводители варяжскихъ дружинъ именовались князьями, каковое званіе встрѣчается только у народовъ славянскихъ, но не германскихъ.

Въ Тамбовской губ. „варять“ означаетъ заниматься развозною торговлей. Въ Москвѣ „гарягами“ называли торговцевъ—ходебичиковъ. Поговорка „полно варяжничать“—перестать выторговывать.

Несторъ говоритъ (древнѣйшій Лаврентьевскій списокъ), что варяги были: Русь, Свее (шведы), Аньгляне, Оурмане (нордманы) и Гѣте, (Геты или Готы), т. е. что у славянъ-Руссовъ охранители торговыхъ каравановъ были варяги—Русь, а у другихъ народовъ стража была своя, носившая (по Нестору) тоже славянское названіе, по господству славянъ на Балтійскомъ морѣ, а быть можетъ и какое-либо другое, котораго Несторъ не зналъ, а потому и назвалъ сословіе это общимъ славянскимъ именемъ. Это послѣднее мнѣніе болѣе вѣроятно, такъ какъ ни скандинавскіе, ни датскіе историки варяговъ, какъ военное сословіе, совсѣмъ не знаютъ, по крайней мѣрѣ, не говорятъ о нихъ ни слова.

Варяги—Руссы въ IX в. еще господствовали на западномъ и южномъ берегахъ Балтійскаго моря, главный же прибой имѣли въ Новой Русси, въ дельтѣ Нѣмана. Изъ этого-то сословія Новгородцы съ сосѣдними народами въ 862 г. и избрали себѣ князя. Слѣдовательно, откуда бы ни пришелъ Рюрикъ съ братьями, съ шведскаго ли Упландскаго берега, принадлежавшаго Руссамъ, съ южнаго ли, для насъ безразлично, но что онъ и дружина его были славяне—это несомнѣнно. Шведы никогда себя не называли Руссами, а тѣмъ болѣе „варягами—Руссами“⁴⁷⁾. Скандинавскіе

⁴⁷⁾ Финны шведовъ и норвежцевъ называютъ Русси или Руоци, по старой привычкѣ, по господству на тѣхъ берегахъ древнихъ Руссовъ.

историки о призваніи князей ничего не говорят и Рюрика со-
вѣтъ не знаютъ. О нихъ говоритъ лишь одинъ нашъ лѣтописецъ
Несторъ. Для насъ это очень важно, такъ какъ событіе это ка-
сается только русскихъ, а ни кого-либо другого.

Ныѣшній Кенигсбергъ, бывшій Кролевецъ, находится на р. Ре-
рикѣ, вытекающей изъ озера того же названія. Названіе Рерикъ на
нарѣчій славянъ лютичей, жившихъ на этой рѣкѣ, означало сокола.

Столица славянъ бодричей Рарогъ означала сокола.

Мекленбургъ, старый Миклухинъ-боръ, бывши еще славян-
скимъ, назывался Рюрикъ и означалъ также сокола. У древнѣй-
шихъ славянъ соколъ назывался рурикомъ, у поморянъ рюрикомъ, у верхнихъ
лужичанъ руркомъ. Имя Рюрика носилъ также братъ владѣтельна-
го князя Богемскаго. (Исторія Богеміи. Палацкій). Имена орла и
сокола у славянъ употреблялись искони, какъ эпитеты молоде-
чества. Латинскіе историки Латомъ и Хемницкій называютъ Рюрика
внукомъ князя бодричей Витислава, отъ второго сына его Годолю-
ба. Синеусъ—Синій-усъ, какъ и Гвидъ, графъ Бульонскій, прозы-
вался Бѣлобородымъ, Фридрихъ I-й Рыжебородымъ, Гаральдъ III,
датскій король,—Синезубымъ, Генрихъ—Синею-бороною и т. п.
Труборъ, Самборъ суть также сѣверныя славянскія имена. Тру-
боръ—трубитъ въ бору, на охотѣ, въ рогъ.

Сага Едда Снорре говоритъ, что родина скандинавскихъ, вѣр-
нѣе, прибалтійскихъ, героевъ была страна „Свитюдъ“, „Свидура“,
т. е. страна свѣта, солнца, югъ. По другимъ сагамъ герои эти
были „азы“, переселившіеся туда около I в. съ береговъ Азовска-
го моря (Сага о Фрильофѣ Смѣломъ Тенгеръ). Нейманъ пола-
гаетъ, что изъ этой древней родины Одина или Водана пришли и
варяги.

Варяги брили бороды, оставляя усы; такъ изображается на
нашихъ генеалогическихъ картинахъ, а равно и на золотомъ брак-
театѣ, хранящемся въ Копенгагенскомъ музеѣ, и Рюрикъ.

Напрасно норманисты, послѣдователи Шлецера, стараются до-
казать, что имена 40 русскихъ вождей, упоминаемыхъ въ догово-
рахъ Олега и Игоря съ греками, суть германскія. Это напрасный
трудъ. Имена эти всѣ славянскія, съ береговъ Балтійскаго моря.
Надъ этимъ уже потрудился съ успѣхомъ Иловайскій въ „Розы-
сканіяхъ о началѣ Руси“. А что германцы перенили и присвоили
себѣ много славянскихъ именъ, передѣляли и перековеркали ихъ
до неузнаваемости, такъ это вѣрно.

Желающие сравнить словари русской с немецким, французским и английским, а также итальянским. с удивлением найдут в них не одну сотню слов с славянскими корнями. Это наследие оставили им наши предки. как самый многочисленный и древнейший народ Европы. (См. гл. VI Геты—Руссы).

Константины Багрянородный привел названия днѣпровскихъ пороговъ по-русски и по-славянски. но перевернулъ, какъ вообще и всё греки, названія эти такъ, что на томъ и другомъ нарѣчьи ихъ никто не пойметъ. Норманисты и тутъ ищутъ германскіе корни словъ. Но это тщетный трудъ⁴⁸⁾.

Римляне называли сербовъ Россіянами, сами же сербы себя зовутъ Рассане и Рашане. Жупанъ сербскій носилъ титулъ „расскаго“. Въ Австріи живутъ Русины и Русняки. Неужели же эти народы получили свое названіе отъ невѣдомыхъ германцевъ—руссовъ, какъ старается доказать Шлецевъ. Въдѣ цѣль его весьма очевидна: унижить, умалить великій славяно-русскій народъ и произвести названіе его отъ несуществовавшего народа Руссовъ—нормановъ, Руссовъ—шведовъ, о которомъ послѣдніе никогда не слышали, руссами себя не называли и слово князь имъ даже не извѣстно.

Во время призванія варяговъ въ Новгородъ Старая Русса уже существовала; слѣдовательно, въ призваніи князей дѣйствительно, согласно Лаврентьевской лѣтописи, участвовали и Руссы, какъ стоящіе во главѣ народонаселенія Новгородской области.

Лѣтописецъ говоритъ (Ипат. списокъ): „Идоша за море къ Варягомъ Руси: сице бо звахуть ты Варягы Русь, яко се друзии зовутся Свеи, друзии же Урманя, Аньгляне, вифи и Готе, тако и си — — ркоша Русь, Чюдь, Словенѣ, Кривичи и вся: земля наша велика и обильна, а наряду вней нѣтъ: да поидеще княжити и володѣти нами“. Въ переводѣ: „Пошли за море къ варягамъ—Руссамъ, ибо эти варяги назывались Русью, какъ другіе (варяги же) шведами, норманами, англичанами и готами. Сказали Русь Чудь, славяне (новгородцы), Кривичи и всё: земля наша“... и т. д.

Переселенцы изъ Старой Руссы, желая приблизиться къ морю, основали Новую Руссу, которая была извѣстна еще въ 320 г. до

⁴⁸⁾ Д. Павловскій въ „Розысканіяхъ о началѣ Руси“, стр. 126—140, въ достаточной мѣрѣ объяснилъ, что названія днѣпровскихъ пороговъ, приведенныя Констан. Багрянороднымъ, имѣютъ славянскіе корни и только записаны на двухъ нарѣчьяхъ—славянскомъ и русскомъ.

Р. Х. (Шифей). Следовательно, Старая Русса еще древнѣе Новой. На существованіе г. Новой Руссы въ дельтѣ Нѣмана, на правомъ рукавѣ его—Русѣ, близъ впаденія, указываютъ Скимнъ Хюсскій и Холькондидъ.

Есть преданіе, что мисестель Андрей Первозванный при своемъ путешествіи на сѣверъ былъ въ Новгородѣ.

Исидоръ говоритъ, что жители береговъ Балтійскаго моря венецы, принадлежавшіе къ славянскому племени, въ 216 г. до Р. Х. тѣснамыя Готами, уступили имъ янтарныя прииски и подвинулись на сѣверо-востокъ, на берега о. Ильменя и р. Ловати. Хотя Руссы въ 166 г. по Р. Х. изгнали Готовъ изъ венецкой земли, но поселенцы на Ильменѣ и Ловати остались на новыхъ мѣстахъ и основали тамъ горювые города, изъ которыхъ стали извѣстны Новгородъ и Псковъ. Следовательно, Новгородъ былъ основанъ около 216 г. до Р. Х. Въ противоположность названію этого города прежніе города венецовъ стали называться старыми городами—Stargard., гдѣ нынѣ Ольденбургъ. Иорнандъ въ VI в. пишетъ, что 350 г. по Р. Х. Новгородъ былъ покоренъ Готами, но ненадолго. Такимъ образомъ все измышленія Шлецера и его послѣдователей о славянахъ номадахъ и о скандинавской Руси являются грубой насмѣшкой надъ великой славяно-русской народнѣстью. Въ доказательство этого мнѣнія можно привести еще тысячи данныхъ, но мы далеко уклонились бы отъ прямой своей задачи — исторіи жизни народовъ, считающихся предками казачества.

Предки казачества.

Глава V.

Черкасія, Чигія, Аланія и Казакія.

Древнѣйшихъ обитателей нынѣшней южной Россіи греки называли общимъ именемъ скивовъ и савроматовъ, т. е. именами какъ мы видѣли изъ IV главы, нарицательными: у персовъ же они слыли подъ именемъ саковъ⁴⁹). Саки дѣлали очень частые набѣги на народы Ирана, Малой и Средней Азіи: даже доходили до Египта, заняли Бактриану и лучшую часть Арменіи, которой и оставили свое имя Сакаена⁵⁰). Большая часть саковъ въ то время уже не была номадами, а обитала въ богатыхъ пшеницею мѣстностяхъ, какъ говоритъ объ этомъ Херидъ въ VI в. до Р. X.

Скивское племя массагетовъ („масака“ еврейскихъ пророковъ) Геродотъ считаетъ народомъ многочисленнымъ и сильнымъ, живущимъ на востокѣ за Араксомъ, т. е. за Волгой, и по берегамъ Каспійскаго моря⁵¹).

Проконій Кесарійскій, современникъ Юстиніана I-го, причисляетъ массагетовъ къ народамъ гунскимъ, т. е. славянскимъ. (см. гл. VIII о Гуннахъ). Народъ этотъ, т. е. массагеты, любилъ одежду, оружіе и конскую сбрую украшать золотомъ и серебромъ. былъ до дерзости отваженъ на войнѣ, въ мирное же время слылъ за „великихъ пьяницъ“. (Проконій, VI в. по Р. X.).

Греческія легенды много говорятъ о сакскихъ и массагетскихъ женищинахъ, участвовавшихъ въ походахъ, и о царицахъ этихъ

⁴⁹) Геродотъ, VII, 64. Одежда саковъ состояла изъ подрывсанныхъ кафтановъ съ рукавами, на головѣ высокія, остроконечныя шапки, на подобіе нашего башлика, изъ плотнаго войлока, названнаго Геродотомъ „*карбасія*“; на ногахъ широкіе ританы и сапоги. Оружіе: туземные дуги, короткіе мечи и скиры—*сакіры* или сакары, отъ *сакъ*—сѣчь, рубить и *ары* или *пры*—мужи, воины.

⁵⁰) Страбонъ, XI, 8. 4.

⁵¹) Геродотъ, I, 201, 215. Юст. I, 8. Стр. XI. Ра, Ара и Арасъ—Волга по Птоломеему (II в.), Агафемеру (III в.), Амміану, Марцеллину (IV в. по Р. X. и др. Массагеты, *масака* еврейскихъ пророковъ, состоятъ изъ трехъ корней: *ма*—великій, на семитическихъ языкахъ, *сак* и *геты*, отъ геть—итти впередъ, смотрѣть. Сравнить сакскр. *schit*—умственное развитіе и арм. *gitalal*—знать (см. гл. VI „Геты—Руссы). Ноя по-еврейски Ноахъ и Маваохъ—Великій Ноя; это библейская транскрипція родоначальника всѣхъ народовъ—Мару.

народовъ, которыя удѣляли есъхъ военною опытностью и отвагою. Царица саковъ Зарина, красавица и хитроумная правительница, покорила вѣсхъ сосѣднихъ народовъ, воздѣлала большую часть страны, построила много городовъ и сдѣлала жизнь народа счастливой. Народъ въ память ея воздвигъ пирамиду, стороны которой у основанія имѣли по 3 стадин ($\frac{1}{2}$ версты), а выотою въ 1 стадию, съ колоссальной статуей царицы наверху. Столица Зарины называлась, по Николаю Домасекому (I в. по Р. X) „Росканакою“, т. е. дворцомъ Россовъ, и находилась гдѣ-то къ сѣверу отъ Кавказа⁵²⁾. Извѣстенъ разсказъ о походѣ персидскаго царя Кира противъ массагетовъ, о геройствѣ царицы ихъ Томирисы и о жестокой битвѣ, въ которой палъ самъ Киръ, загнанный въ ущелья Кавказскихъ горъ. (529 г. до Р. X.).

Могила одной изъ саекскихъ царицъ была найдена въ 1864 г. въ г. Новочеркасскѣ въ небольшомъ, расположенномъ на возвышенномъ мѣстѣ курганѣ, подъ названіемъ „Хохлачъ“, при устройствѣ главнаго бассейна для водопровода, находящагося нынѣ на Бакалавскомъ проспектѣ. Въ этой могилѣ кромѣ истлѣвшихъ костей были найдены слѣдующіе предметы: 1) золотая женская діадема, украшенная разноцвѣтными камнями и мелкимъ жемчугомъ; спереди ея прикрѣпленъ красивый рѣзной бюстъ царицы изъ бѣлаго аметиста, съ вѣнкомъ на головѣ, въ которомъ надъ лбомъ царицы вставленъ большой сирійскій гранатъ. Сверху діадема имѣетъ украшенія въ видѣ растений съ идущими къ нимъ оленями и козыми (аргалами), а внизу подвѣски или, по старинному русскому названію, „рясны“, въ видѣ золотыхъ репейковъ, идущихъ рядами кругомъ всей головы подъ нижнимъ бордюромъ повязки; повязка убрана большими овальными гранатами и аметистами. 2) Массивное золотое ожерелье съ разноцвѣтными камнями. 3) Два золотыхъ браслета. 4) Три золотыхъ складныхъ коробочки. 5) Золотой флаконъ для духовъ на дѣпочкѣ. 6) Золотая статуэтка Эрота, играющаго на свирѣли и проч.

По заключенію археслоговъ, означенное погребеніе относится къ первымъ вѣкамъ нашей эры. Корона и другіе предметы сдѣ-

⁵²⁾ Дюдоръ Сицилійскій. II, 34. На правомъ берегу Терека, близъ станицъ Котларевской Влад. жел. д., на землѣ Бороковскаго аула, есть остатки древняго городища — крѣпости, возвышающагося надъ долиною Терека сажень на 20—30. Крѣпость имѣетъ видъ усѣченной пирамиды съ сторонами у основанія около $\frac{1}{2}$ в. Часть крѣпости сѣмь Терека. Наверху видны развалины башни пазъ широкіахъ, съ квадратными основаніемъ кирпичей. У обрыва къ Тереку виденъ толстый слой человѣческихъ костей, пещель, каменные орудія, много находить бронзовыя и желѣзныя вещи, серебряныя клинки, пряжки, бѣлыя и проч. Не это ли была столица Зарины Росканака?

ланы мѣстными мастерами съ подражаніемъ персидскимъ и средне-азиатскимъ издѣліямъ.

Вещи эти въ настоящее время находятся въ Эрмитажѣ: снимки съ нихъ можно видѣть въ Донецкомъ музеѣ.

Ксетій (около 400 л. до Р. X.), пользовавшійся для своихъ хроникъ царскими архивами персовъ, называетъ скинскія племена, съ которыми воевалъ Киръ, саками и войско ихъ исчисляеть въ 300 тыс. мужчинъ и 200 тыс. женщинъ. Это и есть повтореніе легенды Геродота объ амазонкахъ.

Страбонъ (XI. 8. 5.) относитъ персидскія празднества „Сакай“ или Сакейскія игры къ побѣдѣ Кира надъ массагетами, когда они, напившись виномъ, среди плясокъ были захвачены имъ врасплохъ. Шумныя ночныя оргіи этого праздника совершались одѣтыми по-скински и дерущимися между собою мужчинами и женщинами, которыя тоже участвовали въ попойкѣ.

Аммианъ Марцеллинъ (XXIII. 6. 7) рассказываетъ о походѣ Кира на Скинію Европейскую. Описанный Геродотомъ походъ Гистаспа въ Скинію подтверждается не только въ сказаніяхъ греческихъ писателей, но даже и въ надписяхъ самого Дарія. Знаменитый, сохранившійся до сего времени, манифестъ Дарія, на трехъ языкахъ, съ барельефомъ, на скалѣ въ Багистанѣ, указываетъ, что персидскій царь причисляеть къ подвластнымъ себѣ народамъ и саковъ,—явное хвастовство, такъ какъ, по историческимъ даннымъ, саки всегда были персовъ. Саки изображены и на террасѣ дворца персидскихъ царей въ Персеполѣ⁵³).

Болѣе чѣмъ за 20 вѣковъ до Р. X. саки изъ Бактріаны проникли въ Пенджабъ, въ Пятирѣчье, и далѣе въ Индію, гдѣ образовали особое привилегированное сословіе, изъ котораго вышелъ извѣстный царскій родъ Сакіевъ, а изъ него Сакія Муні (Будда). Въ Ригъ-Ведѣ (собраніе знаній) и другихъ священныя книгахъ древнихъ индусовъ, написанныхъ на санскритскомъ (арійскаго корня) языкѣ, есть много гимновъ, въ которыхъ воспѣвается сѣверная природа и сѣверныя небесныя явленія, несвойственныя тропическо-

⁵³) Одежда и вооруженіе саковъ-скинцовъ прекрасно изображены на вазахъ, найденныхъ въ могильникахъ—Куль-Обскомъ, близъ Керчи, въ 1831 г., и Чертомлыцкомъ, близъ Ялты. Никополя, на Диѳирѣ, въ 1862—3 г.г. Одежда: шапка въ видѣ башлыка изъ войлока, мѣха (овчины) и толстой матеріи, какія носять и теперь молороссы,—капелюхи; кожаная куртка, короткій полубубокъ, вышитый узорами по борту и полами; кожаные штаны на выпускъ, со штричками, или убранные въ голенища самотъ, причѣмъ голенища обвивались ремнемъ; на штанахъ вышитыя ламасы въ одинъ и два ряда. Лица суровыя, но красивыя, съ прямыми хришеватыми носами и широкими бровями. Волосы носили длинныя.

му поясу⁵⁴). Эти данныя, а также книга „Вендидатъ“, глава I-я (Зендъ-Авеста Зороастра), и другія историческія свѣдѣнія ясно говорятъ, что арійцы Индіи пришли съ сѣвера. На это указываетъ и близкое сродство санскритскаго языка съ древне-персидскимъ, языкомъ Парси или Фарси, а этотъ послѣдній близко стоитъ къ древнему русско-славянскому.

Приведемъ нѣсколько словъ индусскихъ (сайванскихъ), взятыхъ изъ книги А. Вельдмана „Сайване или Германцы“. Грайванъ, религиозное ожерелье—гривна; сарпа—обручъ на ногахъ или рукахъ въ видѣ змѣи; рота—обѣтъ обѣщаніе; въ русскихъ лѣтописяхъ время договоровъ Олега и Игоря съ греками это слово употребляется въ томъ же смыслѣ. Дасья—податной, радхъ—рядъ; грама, грамаджа—общество, сборище, приходъ, грамада: отъ грама произошло и слово храмъ. Грамаяджака—храмовой жрецъ; кула, куланъ—колѣно, судха, содхана—судъ, сужденіе, гопанъ—панъ, банъ, чепанъ, жупанъ, гопанія—жупанія, гуна. гупти—заключеніе, яма, тюрьма; стъ этого—губленіе, погибель, а также губной—уголовныхъ дѣлъ староста; кундала—кандалы, цѣпи; пала и рупья—палочка и рубить,—серебро, цѣнность котораго опредѣлялась по вѣсу, монеты, какъ и въ древней Руси: серебряная палочка—гривна рубилась на десять рублей. Ганна и кунна—числа, счетъ, то же, что куна въ Правдѣ Ярослава. Яни, янисъ, юванъ—юность, юный; ставира—старый, манава—мальчикъ, манака—маленькій, лока—лико, лицо, стана—станъ, грудь, кравья—кровь, чучи—цыца, сися, наса—нось, насика—носикъ, пата, пада—пятка, нагва, нагвасъ—ноготь; брува—бровь, акчи—очи, джала—острее, жало; питра, пати и тата—тятя, отецъ, батя, матри—мать, братри—братъ, джани—жена. свасура—свекровь, свасрусъ—свекоръ, снуша—сноха, свакиа—своякъ, зьялика—зловка, дезри—деверь, мануша—мужъ, суна—сынъ, любга—любовь, прясъ—пріязнь, пріятва—пріятство; прятывайся—противный, бгаясъ—боязнь и др.

Въ мидійскомъ текетѣ надписей, выбитыхъ по приказу персидскихъ царей изъ рода Ахаменидовъ, всѣ слова государственнаго и административнаго значенія прямо заимствованы изъ арійскаго нарѣчія высшихъ классовъ, т. е. изъ языка одного изъ иранскихъ пле-

⁵⁴ Исслѣдованія Талака о „Ведахъ“. Веди отъ славянскаго слова вѣдать, знать. Ригъ, рига, литовское риге—складъ, складочное мѣсто товаровъ—на древне-русскомъ языкѣ. Гора Риге при устьяхъ Западной Двины, Ригино городище на С.Донцѣ, старинная крѣпость Рига на Дону, близъ Перелюки тоже означаютъ складочныя мѣста.

мень, населявшихъ Персиду, парсievъ, парси. (по-рси, по-роси). Этотъ языкъ нельзя смѣшивать съ современнымъ персидскимъ, на которомъ, со времени нашествiя магометанъ, лежитъ сильный отпечатокъ арабскаго языка. На языкѣ „парси“ за 2 тыс. лѣтъ до Р. X. Зороастръ, вѣрнѣе—Зердестъ или Сердасть (даръ царя) написалъ свою книгу Зендъ-Авесту или Зендашту. Манифестъ Дарiя на скалѣ въ Багистанѣ читается такъ: „Адемъ (Азъ есмь) Дариусъ, кѣжи (князь) озеркъ (великiй), кѣжи кѣжкеномъ (князь князей), кѣжи Парси, кѣжи деѣномъ (областей), Юстаспа-и пютва (Юстаспъ сынъ), Арсама-и нено Акамениси. (Арсамъ внукъ Ахеменискiй). Жадн (рече) Дариусъ кѣжи: Мъна (мнѣ) пида (отецъ) Юстаспа. Юстаспа-и пида Арсамъ. Арсама-и пида Арьерамъ.. Жадн Дариусъ кѣжи: ои-ради (того ради) ыи (мы) Акамениси жаѣмые (рекомые). Эзо (изъ) перввидъ (первыхъ), амаде эмен (явившiеся есмы). Эцо перввиди (изъ первыхъ) и э-мойемъ (нашъ) дома (домъ) кѣжъе е (княжескiй естъ) и т. д. Кто сколько-нибудь знакомъ съ древне-славянскимъ языкомъ и нарѣчiями славянскихъ народностей, тотъ ясно пойметъ, что языкъ „парси“ во многомъ сходенъ съ языкомъ древнихъ славяно-руссовъ⁵⁵). Персы южно-русскихъ славянъ продолжали называть „саками“ и въ послѣдующiе вѣка. Названiе это впоследствии перешло и къ арабамъ—„Секлабъ“, „Саклабъ“ и „Сакалибъ“ и татарамъ—„Саклабъ“. Славяне—Руссы были очень хорошо извѣстны арабамъ, которые ихъ въ VII и послѣдующихъ вѣкахъ считали, какъ и хазарь, своими злѣйшими врагами, даже врагами всего мiра⁵⁶). Арабскiе историки неоднократно говорили о Руссахъ азовскихъ и черноморскихъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ хазарами или входившихъ въ составъ этой монархiи.

Въ 909 г. шестнадцать русскихъ кораблей явились у Абесунга, расположеннаго у Каспiйскаго моря⁵⁷). Въ 812 г. Руссы на 500 корабляхъ, по 100 человекъ на каждомъ, изъ Волги вошли въ Каспiйское море и произвели страшное опустошенiе на его берегахъ. (Аль-Масуди, жившiй въ X в.).

По словамъ Касума (Книги путей и государствъ) Руссы были одного племени съ славянами, ходили на корабляхъ по р. Славо-

⁵⁵) Манифестъ Дарiя. Сенковскiй, т VI. Въ древне-персидскомъ языкѣ буква д произносилась мягко, какъ дт, а также какъ цъ, чъ и къ. Адемъ—адъ-емъ—азъ есмь, ыи—ми. Въ персидскомъ языкѣ часто встрѣчаются перестановки буквъ, какъ и въ славянскихъ нарѣчiяхъ, напримѣръ, у сербовъ и черногорцевъ: свудъ—всуду, сви—вси и др.

⁵⁶) Исторiя царей. Эль-Табари. (Жить съ 830 по 924 г.).

⁵⁷) Исторiя Табаристана. Мухамедъ Хассанъ.

нин (Волгѣ) и Каспійскому морю, а также караваннымъ путемъ до Багдада.

Ибнъ-Дастъ (X в.) говоритъ, что „Руссы живутъ на лѣсисто-мъ и болотистомъ островѣ, окружность котораго равняется 3-мъ днямъ пути“. Руссы эти занимались мореходствомъ и пиратствомъ. Захваченные въ соедѣнныхъ земляхъ рабы сбывались ими въ хазарскомъ г. Итилѣ, при устьяхъ Волги. Слѣдовательно, Руссы эти обитали или при устьяхъ Дона или въ дельтѣ р. Кубани, на Таманскомъ полуостровѣ.

Раскопки кургановъ—могильниковъ на Таманскомъ полуостровѣ и восточныхъ берегахъ Азовскаго моря дали богатѣйшій матеріалъ для сужденія о культурѣ и богатствѣ народовъ этой мѣстности IV—I в. до Р. X. Погребенія, судя по этимъ раскопкамъ, въ общемъ сходны съ древне-славянскими юга Россіи⁵⁶).

Пространство, имѣющее видъ угла, между восточными берегами Азовскаго и Чернаго морей и Кавказомъ, у древнихъ народовъ считалось родиной боговъ и народныхъ героев и получило названіе „земли Азовъ“, *Asia Terra*, *Asia γη*—священной земли. „Аз, аза, азен“ у всѣхъ арійскихъ народовъ обозначаетъ бога, господина или героя.

Отсюда въ незапамятныя времена конные „азы“, какъ представители военной силы, вышли на сѣверъ и западъ Европы, на Иранское плоскогорье, равнины Средней Азіи и Индіи, съ своими родами или дружинами, одни—какъ завоеватели, другіе—какъ колонизаторы, искавшие въ чужихъ краяхъ свободы и простора. Древнѣйшія греческія преданія съ этимъ же мѣстомъ связываютъ и переселенія народовъ въ сѣверную Грецію: Девкалеонъ, современникъ потопа, сынъ Кавказскаго Прометея и внукъ Іафета. Азія—мать или жена Прометея. Величественный Кавказъ (Кау-казъ) означаетъ жилище или поселеніе „азовъ“. (Кау—по осетински село)

У древнѣйшихъ славянъ, Троянъ и Этрусковъ (Гетовъ-Руссовъ) высшимъ божествомъ почитался „Асьмень“ или Язьмень, Яшмунъ, а происшедшіе отъ него боги: Яси, Язи, Азы, Аезаръ и проч.

У скандинавскихъ народовъ обоготворенные герои также назывались *азами* (Скандинавскія саги). Асуръ или Ашуръ—высшее божество у древнихъ ассиро-вавилонянъ, (въ переводѣ: „царь боговъ“), заимствованное ими отъ жившихъ до нихъ по Тигру и

⁵⁶) Русскія древности въ памятникахъ искусства. Толстой и Кондаковъ. 1889 г. Выпускъ I и II.

Евфрату арийских племенъ аккадйцевъ и сумеровъ, имѣвшихъ высоко развитую культуру, которую можно сравнить только съ египетской. „Перкунъ-азъ“—главное божество у литовцевъ. „Варъ-Язаръ“—языческой богъ у мордвы. „Азаръ“ на языкѣ этого народа означаетъ владыку, господина, бога. Асъ-сиръ—господинъ по-санскритски. Русское „князь“, древне-славянское „коназь“, сербско-черногорское князь, т. е. конный „азъ“, литовское „кунигасъ“ и „витязъ“ (вит-азъ) прибалтійскихъ славянъ-поморянъ также означали владыку или господина. (Святovitъ—святѣйшій Витъ; витязъ—азъ или защитникъ Вита, славянскаго божества). Князья были и теперь есть у нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ, у древней мордвы и даже у персовъ. Дарій Гистаспъ называлъ себя княземъ Персін.

Древне-германское „кѣнигъ“ и скандинавское „кингъ“ есть не что иное, какъ „конникъ“. Литовскій „кунигасъ“—конный „асъ“, то же что князь.

Сопоставляя всѣ эти историческія данныя, приходится прийти къ выводу, что на восточной сторонѣ Чернаго моря, у самой сѣверной отлогости Кавказскихъ горъ, находится мѣстность, въ которой съ самыхъ древнѣйшихъ временъ встрѣчаются слѣды, напоминающіе собою имя Азіи. До сихъ поръ на эту мѣстность не обращали должнаго вниманія. Народовъ, жившихъ тамъ въ I-мъ вѣкѣ нашей эры, Страбонъ описываетъ такъ: Роксоланы (Рос-аланы) населяютъ равнины между Танансомъ (Дономъ) и Борпефеномъ (Днѣпромъ) (VII, 3, 17). За Танансомъ начинается Азія, первую часть ея населяютъ отъ сѣверныхъ странъ и океана нѣкоторые изъ скифовъ.—кочевники и живущіе въ повозкахъ: ниже ихъ сарматы, они же и скифы, а также Аорсы и Сираки, тянущіеся на югъ до Кавказскихъ горъ: нѣкоторые кочевники, иные живутъ въ шатрахъ и земледѣльцы; вокругъ болота—Меоты (около Азовскаго моря). У моря на азіатской сторонѣ Босфора (Керченскаго пролива)—Синдика. За нею Ахен (Ахан), Зиги и Геніюхи, Керкеты (Чер-геты) и Макропогоны (длиннобородые); надъ ними тѣснины Фтирофаговъ (вшефдовъ). За Геніюхами—Коххида, лежащая подъ Кавказскими и Москійскими (Менгрельскими) горами (XI, 2, 1).

Плиній (I в. по Р. X.) говоритъ, что въ Кавказскомъ краѣ жили подъ именемъ Сарматовъ Меоты. Валы или Балы, Сербы, „Цинги“ и др. Тотъ же историкъ упоминаетъ Великую Скивію, ^

идушую отъ нижняго Дона на сѣверъ и востокъ, и Малую—отъ Дона къ Днѣпру и далѣе на западъ. Онъ же говоритъ, что Аланы соплеменники Роксоланамъ.

Географъ Птолемей (II в. по Р. Х.) пишетъ, что по всему побережью Азовскаго моря живутъ Яциги и Аланорсы (Алано-Россы), по Дону „Танаиты“ (Танагеты).

Константинъ Багрянородный (X в. по Р. Х.) въ 42-й главѣ своего сочиненія „Объ управленіи Имперіей“ говоритъ, что за Босфоромъ находится устье Меотійскаго озера, которое по его величинѣ всѣ называютъ моремъ. Съ восточной стороны море это принимаетъ многія рѣки, каковы: Танаисъ, который идетъ отъ Саркела, и Харакулъ (вѣроятно сѣверный рукавъ Кубани—Кара-Ингуль (Черная протока), въ которомъ ловится рыба „берзетикъ“; кромѣ того, рѣки: Баль, Бурликъ, Хадры и многія другія (тоже рукава Кубани). Устье Меотиды, изливающееся въ Понть, также называется Еурликъ: здѣсь есть городъ Боспоръ, а напротивъ его лежитъ городъ, называющійся Таматарха. Это устье простирается на 18 миль и посреди его находится большой низменный островъ, называемый „Атехъ“. Отъ Таматархи на разстояніи 15—20 миль есть рѣка, именуемая Укругъ (Кубань), которая отдѣляетъ Зихію отъ Таматархи (области). Зихія простирается на разстояніи 300 миль отъ Укруха до р. Никописъ, на которой находится городъ того же имени. Выше Зихіи лежитъ страна Папагин, выше Папагинъ Казахія, надъ Казахіей Кавказскія горы; позади Кавказа Аланія. Морской берегъ Зихіи имѣетъ острова, одинъ большой и три малыхъ, между которыми есть и другіе острова, населенные и воздѣланные Зихами, т. е. Турганерхъ и Чарбагани; кромѣ того, есть островъ при устьяхъ рѣки и еще около Птелеевъ; на послѣдній спасаются Зихи во время нападенія Аланъ. Отъ Зихіи по морскому побережью лежитъ Авазгія на протяженіи 300 миль (Абхазія).

Иосифъ Флавій въ своемъ сочиненіи „Иудейская война“ (VII, 7) говоритъ, что народъ аланы есть скиѣское племя, живущее у Танаиса и Меотійскаго моря... Намѣреваясь вторгнуться въ Мидію и болѣе отдаленныя страны съ цѣлью грабежа, они вели переговоры съ царемъ Гирканомъ (грузинскимъ), такъ какъ въ его рукахъ былъ проходъ, который царь Александръ Македонскій закрѣпилъ желѣзными воротами. (Проходъ Дарьяльскій или Дербентскій). Когда тотъ позволилъ имъ пройти, то они вторглись въ Мидію и Арменію во время царя Тиридата.

Светоній объ аланахъ говоритъ: „Когда царь парявъ Вологезъ просилъ римлянъ выслатъ ему на помощь противъ алановъ войска подъ предводительствомъ одного изъ сыновей Веспасіана, то Домиціанъ употребилъ все усилія, чтобы его туда послали (XII „Vitae imperatorum“ VIII, 2).

У Діона Кассія читаемъ: „Фарасманъ II, царь Иберіи, подучивъ масагетовъ и алановъ напасть на владѣнія парявъ, пропустилъ ихъ черезъ свои земли. Набѣги эти, главнымъ образомъ, были направлены на Мидію, и только боязнь римскаго могущества, повидимому, спасла Арменію и Каппадокію отъ ихъ вторженія. Они возвратились въ свою землю, испугавшись угрозъ Флавія Арріана, правителя Каппадокіи, и удовлетворившись дарами, которыми ихъ осыпалъ Вологезъ II, царь парявскій.

Амміамъ Марцеллинъ, современникъ и соратникъ Юліана, прозваннаго Отступникомъ, говоритъ (17, 12—21, 35), что аланы размѣщены въ обѣихъ частяхъ свѣта (т. е. въ Европѣ и Азій, считая границу между этими частями свѣта р. Танаисъ). Они занимаются скотоводствомъ, переходя съ своими стадами съ мѣста на мѣсто, гдѣ есть хорошія пастбища. Но преимущественно заботятся о лошадяхъ. Молодые люди съ дѣтства привыкаютъ къ верховой ѣздѣ; ходить пѣшкомъ считается позоромъ. Вслѣдствіе разнообразныхъ упражненій, они все хорошіе воины. Аланы почти все стройны и красивы; волосы ихъ темнорусые. Они страшны своими грозными очами и очень подвижны, вслѣдствіе легкости своего вооруженія. Рабство имъ не извѣстно, такъ какъ они все благороднаго происхожденія. На охоту и за военной добычей они доходятъ до Мертвѣйскаго моря (Азовскаго) и Босфора Каммерійскаго (Керченскаго пролива), также до Арменіи и Мидіи.

Разсмотримъ и пояснимъ сказанное другими историческими данными. Между Дономъ и Кавказомъ во времена Геродота (V в. до Р. X.) жили Синды или Инды—Индусы, имѣвшие много городовъ и высокую культуру. Гавань Синдовъ славилась торговлей. Синды были земледѣльцы и рыболовы. По Николаю Дамасскому (V в. по Р. X.) Синды клали въ могилы умершихъ столько штукъ рыбы, сколько они убили враговъ. Подобные обряды погребенія часто встрѣчаются при раскопкахъ могилъ въ южно-русскихъ степяхъ и по берегамъ Аму-Дарьи. При изслѣдованіи Кобякова городища, близъ Аксайской станицы, В. В. Богачевымъ въ 1901 г. въ нижнихъ культурныхъ слояхъ было открыто много скелетовъ

крупной рыбы (осетреть, сомовь, сазановь, судаковь и другихъ), часто совершенно цѣлыхъ, вмѣстѣ съ костями млекопитающихъ и черепками грубо обожженной посуды изъ черной глины. Выше Синдовъ жили Меоты — собирательное имя нѣсколькихъ племенъ (дандары, аспургіане и др.), занимавшіеся земледѣіемъ, по словамъ Страбона, но воинственные, какъ кочевники. „Аспургіане“ отъ асы, азы и „пургось“ башня, по-гречески. Этотъ сильный народъ имѣлъ много укрѣпленныхъ городовъ съ башнями. Страбонъ именуеть ихъ азіійскими городскими жителями.

Въ I в. до Р. X. понтійскій царь Пелемонъ, ставленникъ Рима, покорилъ Босфорское царство и распространялъ владѣнія свои отъ Дона до Колхиды. За возмущеніе Танантовъ, пытавшихся отложиться, онъ разрушилъ цвѣтущій и торговый ихъ городъ Танаисъ, въ устьяхъ Дона, близъ Елизаветовской станицы. Въ защиту Танантовъ возстали азы, или аспурги, и послѣ кровопролитной битвы, въ 1 или 2 году по Р. X., Пелемонъ былъ разбитъ и попалъ въ плѣнъ, гдѣ и убитъ (Страбонъ). Азы овладѣли всѣмъ Босфорскимъ царствомъ и основали тамъ свою династію царей, владычествовавшую до 337 г. по Р. X. Эта аспургіанская династія положила конедь греческому и понтійскому періоду исторіи Босфора (на Азовскомъ морѣ), хотя культурнымъ слоемъ населенія этого царства по-прежнему остались греки, о чемъ можно судить по надписямъ на монетахъ и камняхъ. Владѣнія азовъ въ этотъ періодъ времени простирались отъ устьевъ Дона до Кавказскаго хребта. Босфорскіе цари дружили съ Римомъ и находились какъ бы въ вассальной зависимости отъ него. Изъ династій этой извѣстны цари, судя по найденнымъ монетамъ: Асандръ, сынъ его Аспургъ, Котисъ I-й (46—63 г.), четыре Савромата, Рескупорисовъ 6 или 7, Чигъ (III в.) и друг. Юлій Савромать II (175—211 г.г.), по смыслу одной надписи, имѣлъ очень сильный флотъ и очистилъ отъ пиратовъ Черное море.

Босфорскимъ царствомъ вскорѣ овладѣли Гунны. Самымъ же распространеннымъ названіемъ народа, жившаго между Дономъ и Кавказомъ, было, со временемъ Геродота, савроматы. Имя это было нарицательнымъ и относилось ко многимъ южно-русскимъ племенамъ, занимавшимся скотоводствомъ и поставлявшимъ на греческіе рынки хорошо выдѣланныя сыромятныя кожи. По Діодору Сицилійскому (I в. до Р. X.) савроматы были будто бы колоніей, выведенной скиѣскими царями изъ Мидіи на Танаисъ. Помпоній

Мела говорить, что сарматы народъ весьма близкій къ парфянамъ и по наружности, и по вооруженію, но суровѣе ихъ по нравамъ, какъ и по климату занимаемой ими страны (III, 4), а Тацитъ въ своемъ трактатѣ о Германіи (XVIII) дѣлаетъ замѣчанія, что сарматы и парфяне носили широкія одежды. О сарматскихъ, равное — массагетскихъ, женщинахъ ходило въ древности много баснословныхъ разсказовъ. Позднѣйшіе писатели постоянно смѣшивали сарматскихъ женщинъ съ амазонками: даже говорили, что онѣ всегда господствовали надъ мужчинами и управляли ими. Языкъ сарматовъ, по Геродоту и Овидію, быть сходенъ съ скинскимъ, хотя по выговору нѣсколько отличался отъ него. Ахен или Ахан Страбона и Авазги Константина Багрянороднаго суть Абазцы, живущіе и нынѣ на восточномъ побережьѣ Чернаго моря. *Heniochi* — удержатели, вожаки колесницъ, по нашему — конюхи. Почему это словіе людей Страбонъ выдѣляетъ въ особый народъ, — трудно сказать. Далѣе Страбонъ говоритъ (XI, 2, 12), что Ахан, Зиги и *Heniochi* жили пиратствомъ, отъ котораго терпѣли и греки, но Босфоритяне, стремясь къ наживѣ, иногда помогали имъ, представляя стойки для кораблей и предлагая рынки для продажи награбленнаго⁴⁹.

Изъ этого видно, что *Heniochi*, помимо своихъ занятій, отъ которыхъ получили свое названіе, занимались и мореходствомъ.

Но самымъ интереснымъ для насъ народомъ, на который мы и обратимъ особое вниманіе, являются Зиги, жившіе на островахъ въ дельтѣ р. Кубани. Въ латинскомъ текстѣ въ словѣ „Зиги“ стоитъ буква „зэгъ“, произносимая какъ З, въ греческомъ же „дзета“, произносимая какъ ДЗ, въ виду чего историки названіе этого народа переводятъ разное: Сиги, Зиги и Зиги, Зыхи, Дзыхи. Циги (Штриттеръ и Герберштейнъ) и Джиги-Геты. Все это происходитъ отъ того, что какъ въ греческомъ, такъ и латинскомъ языкѣ нѣтъ соответствующей шипящей буквы для воспріятія вѣдѣнія точнаго названія этого народа, но она есть у насъ и эта буква Ч, а потому названіе народа Зиги и Дзиги должно быть переведено „Чиги“. Чиги по Страбону были отважными мореходцами и пиратами. Греческіе историки конца XIII и начала XIV в., Никифоръ Гигора и Георгій Пахимеръ, говорятъ, что Чиги, Геты и Руссияне, жившіе по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, были покорены татарами, служили въ татарскомъ войскѣ и возвели могущество ихъ на высочайшую степень славы⁵⁰).

⁴⁹ Павелогіа о Россіяхъ по византийскимъ историкамъ ст. 306 до 1452 г. по П. К. Стр. 135 и 136. Нв. Штриттеръ, Пад. 1771 г.

Области, лежащія къ востоку отъ Чернаго моря, т. е. Чигія и Абхазія, у Константина Багрянороднаго обозначены вѣрно; но Папая (Кабарда), Казахія и Аланія только приблизительно, даже неопредѣленно. Аланія будто бы находилась надъ Кавказомъ, а Казахія подъ Кавказомъ; выходитъ, что между ними лежалъ Кавказъ. Но тутъ заключается явная неточность, и можно понять такъ, что онѣ были раздѣлены какими-то отрогами Кавказа. Судя по тому, что аланы, по извѣстіямъ того же историка, могли заграждать сообщеніе волжскимъ хазарамъ съ кавказскими, т. е. съ Кабардою и Казахіей, а также затруднить сообщеніе съ г. Саркеломъ, надо полагать, что Аланія въ тѣ времена простиралась далеко къ сѣверу отъ горъ: впоследствии половцами и татарами аланы были ограничены въ той мѣстности, въ которой ихъ засталъ Юсафато Барбаро, путешественникъ XV в., т. е. на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, на 12 дней пути, вплоть до Черкаси. до подножія Кавказскихъ горъ. Барбаро говоритъ, что Аланія названа такъ отъ народа аланъ, который себя на своемъ языкѣ называетъ „асъ“. Далѣе, что Черкасы, Готы, жившіе на берегахъ Чернаго моря и въ Крыму, и аланы исповѣдывали христіанскую вѣру⁶⁰). Аланія отъ „аланъ“—пастбищное, низкое мѣсто, годное для сѣнокоса и скотоводства. Аланники—скоководы. Птолемей говоритъ, что по всему побережью Азовскаго моря живутъ яциги и аланорси, т. е. Алано-Руссы. На средней Кубани (Варданъ) онѣ отмѣчаютъ городъ Черкасу (Сер-асу), т. е. главу или столицу азовъ, отъ котораго произошло и названіе народа Черкасовъ. Черкасы впервые упоминаются въ началѣ II в. по Р. Х.: они принимали участіе въ войнѣ рим. имп. Траяна съ армянскимъ и парфянскимъ царемъ Парфамазисомъ. Въ 107 г. Траянъ въ Малой Арменіи въ г. Сатѣ принималъ предводителя Черкасовъ Анквіала съ большимъ торжествомъ и отпустилъ его съ богатыми дарами. Анквіаль, какъ правитель Черкаси, былъ извѣстенъ и при преемникѣ Траяна Адрианѣ⁶¹).

Слѣдовательно, Черкасы не были какимъ-либо отдѣльнымъ племенемъ, а просто это была одна изъ общинъ народа азовъ или ясовъ Нестора, вошедшихъ въ VII в. въ составъ Хазарской монархіи, какъ и другіе народы Приазовья. Ясы господствовали на всемъ пространствѣ отъ Азовскаго моря до Каспійскаго и извѣстны

⁶⁰) Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи. В. Семеновъ. 1836 г. т. I.

⁶¹) Исторія о Донскомъ войскѣ. А. Поповъ. Изд. 1814 г. стр. 60. Исторія Попова о Черкасахъ составлена по цитатамъ римскихъ историковъ I и II в. по Р. Х.

были то подъ именемъ „алагорси“ и „дорсовъ“ (Ар-ресь, Ор-ресь, У-ресь), то „Касаховъ“, „Казаховъ“, (Ас-саковъ) и „Касоговъ“ нашей лѣтописи. Астрахань (Ас-тарханъ) называлась яскимъ торгомъ. Слово „тарханъ“ персидское; оно означаетъ: вольный, обфлененный отъ подати торганъ, получившій право на торгъ, „тарханную или выкупную грамоту“. Славянское слово „торгъ“ сохранилось въ осетинскомъ языкѣ—„тархъ“, въ Молдавіи и Влахіи „тыргъ“, у татаръ „тура“—городъ. „Таматарха“, въ Русской лѣтописи Тмутаракань, означаетъ Таманскій торгъ, съ пристанью „Томн“ или „Томеа“. Торгъ этотъ подъ давленіемъ съ кога неприятелей нерѣдко переносился въ устья Дона въ г. Танаиду или Тану. Тмутаракань у Константина Багрянороднаго названа Таматархой. Рядомъ съ этимъ онъ употребляетъ и простое названіе „Матарха“. Въ средневѣковыхъ еврейскихъ надписяхъ встрѣчается „Матерка“, у Нубійскаго географа „Метреха“, у арабовъ и генуэзцевъ—„Матерха“, у Рубруквиса (XII в.) „Матрига“ и „Матерха“, на итальянскихъ картахъ XIV и XV в. „Матрека“ и „Матрага“⁶²⁾. Въ 1470 г. венецкій Имп. Мануиль далъ Венеціи разрѣшительную грамоту на торговлю съ городами: „Россіей“ и „Матархой“. На картѣ Эдриси, составленной выдающимся арабскимъ географомъ въ половинѣ XII в., хотя эта карта и несовсѣмъ точна, недалеко отъ устья Дона, названнаго у него „Русской рѣчкой“, помѣщенъ г. „Россія“; на востокъ отъ него „Матарха“, близъ которой впадаетъ р. Сакиръ (Сак-чръ), т. е. рѣка народа кочевъ, считаемая очень многими критиками за Кубань. Къ юго-востоку отъ Сакира лежитъ Бѣлая Куманія, Черная Куманія, а къ востоку Хазарія и Аланія. На картѣ второй половины XV в. Бенниказы „Русскій заливъ“ помѣщенъ на мѣстѣ Мисскаго лимана; на сѣверной сторонѣ того же моря портъ Ризано, а въ устьяхъ Дона г. Тана и Cassar degli Rossi. На мѣстѣ нынѣшняго Темрюка—„Матрига“. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1170 г. говорится о путяхъ Солянномъ и Залозномъ. Профессоръ Брунъ въ статьѣ своей „Слѣды древняго рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море“ разъясняетъ, что пути эти шли отъ Днѣпра къ солянымъ озерамъ: Перхонскимъ, Геническимъ и Бердянскимъ по р.р. Калміусу и Миссу⁶³⁾. По этой дорогѣ днѣпровская Русь, а потомъ и запорожцы часто ходили въ Азовское море и черезъ Керченскій проливъ въ Черное; еще чаще этимъ же путемъ возвращались они обрат-

⁶²⁾ Розикъ, о началѣ Руси* Псковскаго, стр. 332.

⁶³⁾ Записки Одесскаго Общества. Т. V.

но, послѣ нападеній на крымскіе и малоазіатскіе берега. Отъ Муса Руссы и запорожцы около мли шли волокомъ до р. Волчьихъ Водъ, а изъ этой рѣки спускались въ Самару, а потомъ въ Днѣпръ. Эти рѣки въ то время были судоходны, и все пространство къ западу отъ Дона, какъ говоритъ Рубруквиесъ, бывшій тамъ въ XIII в., было покрыто большими лѣсами, дававшими обильное питаніе рѣкамъ. Вотъ почему на картѣ Бенниказы устье Муса и названо „Русскимъ заливомъ“. Этимъ же путемъ тмутараканская Русь сообщалась съ днѣпровской.

Глава VI.

Геты--Руссы.

По историческимъ даннымъ, приведеннымъ въ предшествующихъ главахъ, Геты не составляли какой-либо отдѣльной народности; это было сословіе, каста воиновъ, всегда располагавшихся по границамъ славянскихъ владѣній, такъ сказать—передовой оплотъ силы и могущества Славяно-Руссовъ. Каждое племя имѣло своихъ „Гетовъ“ или, какъ позднѣе ихъ стали называть греки, „Гетовъ и Гетовъ“, съ прибавленіемъ иногда—„Гетовъ-меченосцевъ“, (*metanastae*)⁶⁴). Какъ руги, ружане, уруги, (отъ слова „руга“, означавшаго въ древней Руси дань зерновымъ хлѣбомъ), составляли у славянъ сословіе земледѣльцевъ, а алане скотоводовъ, такъ и Геты были сословіемъ военнымъ. Древніе историки о Гетахъ говорятъ только въ періоды войнъ, внезапныхъ нападеній и дальнихъ походовъ Руссовъ, въ мирное же время, а также во время торговыхъ сношеній о нихъ совсѣмъ умалчиваютъ, иногда даже на цѣлыя столѣтія.

Геть--отъ слова „геть“, двигаться впередъ, идти въ походъ, а также знать, смотрѣть, перешедшее въ армянскій языкъ—*gitenal*—знать. Слово „гейтъ“, „гей-ты!“—смотри ты, означаетъ осторожность, входившую въ обязанность сословія Гетовъ. Въ малоросійской пѣснѣ поется:

Солнышко вже, геть, припыкае,

Геть! покатыть дымъ да й поломя.

Здѣсь въ обоихъ случаяхъ „геть“ означаетъ „смотри“.

⁶⁴) Прокопій Кесарійскій (VI в.) и др. греческіе историки говорятъ, что Готы раньше назывались Гетами, а также скивами, сармататами, меланхленами, аланами и др. именованіями; что подъ именемъ Гетовъ народъ этотъ сталъ известенъ римлянамъ только при имп. Траянѣ 106 г. по Р. Х., во время его войнъ.

Малороссійско-польское и русинско-сербско-черногорское „гайда“—идея (въ походъ), а отъ этого *гайдуки* или *гайдамаки* имѣютъ одно и то же значеніе и одинъ и тотъ же корень, что *геть* и *геты*. Болгарскіе *четы*, летучіе отряды, охотники, называемые ими четники, суть тоже *геты*; въ этомъ словѣ буква г замѣнена лишь буквою ч.

„Гетьманъ“—предводитель Гетовъ. Слово „геты“ весьма древнее и почти всегда употреблялось вмѣстѣ съ названіемъ какого-либо народа: Массагеты Геродота (великіе саки-геты); Гедросин (Геты-Руссы) у подножія Гиндукуша, гдѣ нынѣ Белуджистанъ, станъ Бѣлучей. Тиригеты, на Тирасѣ—Днѣстрѣ (Страбонъ и Птолемей); Танаиты или Танагеты—Геты на Танаисѣ, или Дону; Пиенгиты, или Пиень-Геты—Геты на р. Пѣнѣ, впадающей въ Балтійское море; Тиссагеты—на р. Тиссѣ; Геттуни и Готуни—Геты-Унны, т. е. Гунны; Рсигеты, на р. Рси, или Роси; Джигеты, т. е. Чиги-Геты, въ Чигин, и сосѣди ихъ (по Страбону) Керкеты или Чер-Геты: Геенъ въ малой Азійи и др. Кромѣ того, Геродотъ, описывая походъ Дарія, говоритъ о Гетахъ, какъ сосѣдяхъ Фракійцевъ; Страбонъ же упоминаетъ сперва „пустыню Гетовъ“, расположенную къ востоку отъ Дуная, а потомъ земли Тиригетовъ на Днѣстрѣ (VII, 3. 2—17). Также: Мирогеты, Фракогеты, Самогеты и др.

Но самыми интересными являются для насъ древніе „Геты—Руссы“ Италіи, передѣланные позднѣйшими историками въ Этрусковъ. О славянствѣ этого народа свидѣтельствуютъ Плиній, Юстинъ, Діодоръ Сицилійскій, Страбонъ и др. Титъ Ливій (I в. по Р. X.) родившійся въ Падуѣ между славянъ, говоритъ, что горные славяне ничего не удержали изъ своего прежняго этрускаго величія, кромѣ языка своего. Намогильныя плиты Этрусковъ, а также и другіе памятники, разбросанные по всей средней и отчасти сѣверной горной Италіи (древней славянской Регіи) съ надписями на коренномъ древне-славянскомъ языкѣ, общимъ для всѣхъ славянскихъ нарѣчій, говорятъ о народѣ Гетахъ-Руссахъ, а не Этрускахъ. Алфавитъ, которымъ сдѣланы эти надписи, близко сходенъ съ древне-греческимъ, такъ называемымъ Кадмовскимъ, также съ латинскимъ и славянскимъ Кирилловскимъ, но древнѣе ихъ всѣхъ, а потому можетъ быть названъ прототипомъ всѣхъ европейскихъ алфавитовъ. Это алфавитъ „антикумъ“. Элизе Реклю въ своей „Древней Исторіи“, гл. X., называетъ его „умбрійско-оскійскимъ“, отъ славянскаго народа Умбровъ и Осковъ, въ древности пересе-

лившихся въ сѣверную, а потомъ и южную Италію съ Балканскаго полуострова. Область между р.р. Тибромъ и Арно была населена Этруссками или Разенами (Расами). Египтяне, говорятъ Элизе Реклю, звали эту народность „Турша“, т. е. Ту-рса или Росъ, а древне-греческіе пѣвцы — тирсенами, которыхъ позже мы находимъ въ Этруріи. Судя по египетскимъ надписямъ временъ Рамзеса II, Менефты и Рамзеса III, т. е. за 1300 лѣтъ до Р. Х., народность эта, подъ именемъ Хитовъ, Гитовъ и Китовъ или Кеттовъ (Гетовъ), съ сѣвера двинулась на югъ и захватила дельту р. Нила. Какъ Турша, такъ и Этруски были родственны Кетамъ, Хетамъ или Хеттеянамъ, т. е. Гетамъ, нѣкогда владѣвшимъ Ассиріей и дельтой Нила и остатки которыхъ смѣшались съ тамошними жителями и даже съ евреями, о чемъ во многихъ мѣстахъ упоминается въ Библии. Геты дали части еврейскаго народа могучій ростъ, круглую арійскую голову, бѣлокурые волосы и болѣе правильнѣйшій и прямой носъ, иногда, какъ уклоненіе отъ первоначальной формы, слизобразный, рѣзко отличающійся отъ семитско-арабскаго, бѣно-израильскаго. Геты также научили израильтянъ письменнымъ знакамъ, земледѣлію и виноградарству. Они же дали имъ и институтъ пророковъ и многихъ царей. Судя по разсказамъ и свидѣтельствамъ древнихъ авторовъ, которыхъ теперь историки усиленно стараются связать въ одно цѣлое, Этруски или Расены были пришельцами изъ Малой Азіи, т. е. изъ Трои, а также Фракіи и высадились въ Италію на ея восточномъ берегу, а потомъ „перетянулись“ на западный склонъ Аппенинъ въ Тоскану. Тамъ они основали двѣнадцать городовъ, составлявшихъ между собою одинъ общій союзъ; изъ городовъ этихъ извѣстны: Руселлы, Перусія, Коза, Популания, Пиза, Лука, Луна, Сена, Волсиній, Тарквиній, Капена и др. Эта федерація городовъ существовала вѣками въ исторіи цивилизаціи Этрусковъ; городскія группы населенія состояли изъ нѣсколькихъ республикъ, носившихъ въ эпоху начала Рима аристократическій характеръ, т. е. Геты-Руссы, какъ господствующая народность, главенствовали надъ Кельтами-Латинами. Впослѣдствіи Расены двинулись къ сѣверу и заняли долину р. По, пройдя на западъ до Ницы и на югъ до г. Нолы, близъ Неаполя, гдѣ стали извѣстны подъ именемъ Вольсковъ и Кампанейцевъ, въ нынѣшней Кампаньи, независившихъ отъ союза двѣнадцати городовъ, т. е. вольныхъ кампанейцевъ, какъ запорожцы. На всемъ пространствѣ ученые находятъ слѣды бывшаго этрускаго величія,

подробно описанные Элизе Реклю, а также множество письменных памятниковъ, которые прочтены и объяснены извѣстнымъ славистомъ Фаддѣемъ Волянскимъ, съ примѣненіемъ славянскихъ нарѣчій. Нѣкоторыя письма читаются справа налѣво.

До Волянскаго никто изъ ученыхъ не могъ объяснить смыслъ этихъ, до того времени загадочныхъ словъ, какой бы языкъ къ нимъ не примѣняли, египетскій, финикійскій, еврейскій и друг. Только забыли про славянскій. Всѣхъ смущалъ восточный обычай писать справа налѣво, а также преобладаніе согласныхъ буквъ надъ гласными⁶⁵). Этотъ способъ письма, т. е. справа налѣво, древними Руссами несомнѣнно заимствованъ съ востока. Элизе Реклю приходитъ въ отчаяніе отъ того, что этрусскіе письменные памятники до сего времени не объяснены. Видимо, о существованіи и трудахъ славянскаго ученаго Волянскаго онъ и не подозрѣвалъ. Высшаго благосостоянія Этрусски достигли въ эпоху основанія Рима, т. е. 25 или 27 столѣтій тому назадъ. Ихъ политическое значеніе въ то время было настолько велико, что простиралось даже за предѣлы ихъ владѣній и достигало отдаленнѣйшихъ береговъ Средиземнаго моря, даже до береговъ западной Африки. Они овладѣли Кампаніей съ суши и съ моря и основали тамъ множество колоній (кампаній); это была вторая Этрурія, не менѣе богатая, чѣмъ сѣверная, въ отношеніи торговли и промышленности. Они вступали въ сношеніе съ Карфагеномъ и Афинами; имъ были извѣстны всѣ морскіе пути и горные проходы Альпъ; они работали въ копияхъ на о. Эльбѣ и имѣли въ достаточномъ количествѣ художниковъ и ремесленниковъ, которые умѣли строить храмы, лить статуи, разрисовывать фрески и сосуды. Но уже въ это время они подпали подъ желѣзное иго жрецовъ, которые ухитрились мало-по-малу замуровать и этотъ великій русскій народъ въ могильный склепъ суевѣрія и предрасудковъ⁶⁶). Главное божество Этрусковъ былъ Юпитерь, царь неба, занесенный ими изъ Прикавказскихъ странъ и береговъ Азовскаго моря. На древне-ливійскомъ языкѣ „Ваттусъ“, наше батя, батько, батюшка—отецъ, старшій, властелинъ“, Ю—небо. Юпитерь (Ю-беттеръ)—небесный отецъ⁶⁷). Этого божества у народовъ Италіи, жившихъ раньше Этрусковъ, не

⁶⁵) Памятники письменности славянъ до Р. X. Вып. I, II и III. Егоръ Классень. 1854 г. и 1861 г.

⁶⁶) Элизе Реклю. Древняя Исторія. Гл. X.

⁶⁷) Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ. Т. II. Н. Зейдлицъ. Тифанскъ. 1872 г. Осетинское *беттеръ*, древне-персидское *пиди*, греческое *патростъ*, латинское *патеръ*, саввальское (индусское) *питра*, *пати*, скинское *Патий*, наше *папа*, *батя*, *тятя* и *тата*, татарское (заимствованное ими у арийцевъ) *ата* имѣютъ одинъ и тотъ же общій корень.

было. Юпитера окружали двѣнадцать другихъ боговъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Изъ другихъ божествъ извѣстны: Діана—богиня охоты у Троянъ и въ Приазовьѣ; „Азмень или Ясмень и Езмень—богъ азовскихъ странъ, народа „Азовъ“; „Марсъ“—покровитель и руководитель азовскихъ „повольниковъ“, колонизаторовъ, лекавшихъ простора и воли въ чужихъ странахъ, а впоследствии богъ войны у римлянъ. Этрусскіе „повольники“ назывались „Сагапи“ (сохраняемые), или „Мамертини“, посвященные богу Мамеру или Марсу (Ма-рось, т. е. великій Россъ). Марсъ или, какъ его называетъ Геродотъ.—„Арей“, почитался у скивовъ, какъ божество, покровительствующее военнымъ успѣхамъ. Скивы въ честь его на холмѣ водружали мечъ, которому и поклонялись. Аммианъ Марцелинъ (IV в. по Р. X.) говоритъ объ алянахъ, что ими втыкался по скивскому обычаю въ землю мечъ и его чтили, какъ Марса, владыку окрестныхъ странъ (XXXI, 2. 23). Любопытно, что одинъ изъ подобныхъ мечей найденъ въ Чертомлыкскомъ курганѣ, близъ мѣстечка Никополя, на Днѣпрѣ, воткнутымъ въ стѣну надъ могилой.

Римъ, по преданію, основанъ двумя союзными народностями, изъ которыхъ одна была происхожденія туземнаго, а другая пришлая; эта послѣдняя, какъ говорятъ древнія сказанія, считалась за выходцевъ изъ Трои и переселилась подъ предводительствомъ сына одного благочестиваго царя Энея; между прочимъ извѣстно также, что преданіе это относится къ весьма ранней эпохѣ, раньше, чѣмъ римляне вступили въ сношеніе съ востокомъ. При первомъ столкновеніи расъ, населявшихъ Римъ, болѣе сильныя считали себя потомками цивилизованныхъ народностей, а болѣе слабыя относили къ потомкамъ полу-варварскаго туземнаго племени. Такимъ образомъ плебеи считались потомками латинянъ, а патриціи Гетовъ—Руссовъ. Позднѣе всѣ правящіе классы стали относить свою генеалогію къ царямъ древняго Иліона, т. е. Трои⁶⁸). Въ эпоху первой пунической войны (264—241 до Р. X.) до 50 римскихъ фамилій вели свое происхожденіе отъ Энея, сына Анхиза, и Афродиты (дочь Діаны, по Гомеру). Эти двѣ народности, т. е. туземную и пришлую, римляне олицетворили въ легендарныхъ герояхъ—

⁶⁸) Въ Трои поклонялись богу Аду Плею (Этрусская надпись—таб. IV № 2 у Моммзена. Плейонъ и Илея Геродота, лежавшая при устьяхъ Днѣпра, съ лѣвой его стороны (кн. IV, 9. 18 и 79), гдѣ впоследствии въкахъ было Бѣлоберезье, упоминаемое въ договорахъ Игоря и Святослана съ греками, и въѣзъ между собою много обидѣло и означаютъ свободную, священную землю. Анахарсисъ, скипскій мудрецъ, въ Плейской рощѣ совершалъ празднество матери боговъ—Мотри. (Геродотъ).

близнецахъ, основателяхъ Рима: Ромулъ и Ремъ, „рожденныхъ отъ весталки Рен Сельви и бога Марса“, т. е. Великаго Росса. Ромулъ убилъ Рема въ спорѣ о томъ, кому принадлежитъ честь основанія Рима, иначе говоря---Руссы поработили латинягъ и стали господствовать надъ ними. Въ Римѣ имѣли своихъ представителей греки и сабиняне. Бывшій профессоръ Пизанскаго, а нынѣ Неаполитанскаго университета, Гекторъ Пайскъ, въ своемъ трудѣ, озаглавленномъ *Storia di Roma*, въ критикѣ римской традиціи объ основаніи Рима до 390 г. до Р. Х., скептически относится къ легендарнымъ сказаніямъ о происхожденіи римлянъ отъ Энея и утверждаетъ, что *Fastes* и *Annales Maximae*, погибшіе въ первоначальныхъ подлинникахъ во время пожара Рима, впоследствии подверглись значительной фальсификаціи, а потому онъ не придастъ никакой вѣры повѣствованіямъ о войнѣ римлянъ съ латинами и гегемоніи первыхъ надъ послѣдними, о владычествѣ Этрусковъ надъ римлянами и о вторженіи въ Лаціумъ сабиновъ, а также легендамъ о Сервіи Туліи, Тарквиніяхъ, о Нумѣ и о другихъ 7 римскихъ царяхъ, отождествляя ихъ съ богами, считавшимися у римлянъ покровителями 7 холмовъ, на которыхъ стоить древній Римъ и, наконецъ, относить основаніе этого города къ 1-й половинѣ V вѣка. Всѣ событія V в. римской исторіи Пайскъ считаетъ удвоеніемъ событий IV в. и проч. Произведенныя недавно раскопки на Палатинскомъ холмѣ, считающимся древнѣйшимъ поселеніемъ римлянъ, показали, что за 390 лѣтъ до Р. Х. Римъ даже не былъ укрѣпленъ и что всѣ найденные предметы относятся къ эпохѣ не ранѣе V в. Въ 390 г. укрѣпленъ былъ только Капитолій, а такъ называемая, стѣна Сервія Тулія появилась послѣ нашествія галловъ, т. е. въ половинѣ IV в. до Р. Х.

Пусть раскопки Палатина, быть можетъ недостаточно изученныя, остаются раскопками, а прекрасныя легенды объ основаніи Рима—легендами. Намъ важно только одно, что Геты-Руссы съ береговъ Азовскаго и Чернаго морей въ незапамятныя времена перешли въ Малую Азію и о-ва Архипелага, а потомъ подъ предводительствомъ Энея въ XII или XI в. до Р. Х. проникли, послѣ разоренія Трои, въ Италію, основали тамъ много городовъ и долгое время господствовали надъ туземными жителями, оставивъ послѣ себя благородное потомство патриціевъ, о чемъ ясно говоритъ римскій историкъ I-го вѣка Титъ Ливій, а главное—все, сказанное имъ, подтверждается множествомъ оставшихся этрусскихъ памят-

никовъ, какъ искусства, такъ и письменности. Объ этомъ мы и будемъ говорить.

Исторія Тибра, судя по археологическимъ находкамъ въ немъ, начинается за шесть вѣковъ до основанія Рима, если считать, что онъ основанъ въ V в.; слѣдовательно, къ XII и XI в. до Р. Х., т. е. къ эпохѣ переселенія Гетовъ-Руссовъ въ Италію. Археологъ-профессоръ Ч. Ниспи-Ланди недавно нашелъ въ Тибрѣ очень много предметовъ до-римскаго періода, работы мастеровъ изъ Этруріи: щиты, латы, мечи, брони, стрѣлы и проч. Всѣ предметы чудной работы, какіе только попадаются при раскопкахъ древне-этрусскихъ городовъ.

Въ 1846 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ Италіи близъ г. Креччіо была найдена гробница Энея съ лежащимъ на ней камнемъ съ невѣдомой западному ученому міру надписью, въ видѣ вьющейся змѣйки. Подъ камнемъ была открыта со сводомъ камера съ прахомъ погребеннаго. Камень и могила были подробно описаны Теодоромъ Момзеномъ въ его изданіи „Нарѣчія нижней Италіи“, а также изображена и плита съ надписью (табл. 2-я). Хотя форма выбитыхъ буквъ надписи сходна съ глаголицо-кирилловскимъ алфавитомъ, а этотъ послѣдній съ греческимъ и латинскимъ, но никто не могъ прочитатъ ни одного въ ней слова. Издатель откровенно сознался, что было-бы большою дерзостью сдѣлать даже попытку къ истолкованію этой надписи.

Эту надпись прочиталъ и объяснилъ извѣстный славистъ Фадѣй Воланскій, примѣнивъ только древній славяно-русскій говоръ. Надпись состоитъ изъ пяти стиховъ, написанныхъ гекзаметромъ, и читается слѣва направо. Вотъ она въ подлинникѣ (снимокъ № 1 стр. 77):

„Рески вес Бог, выш Вима и Дима, Езменю Росіей.
Им же опеце мой дом и децес, лепейен Езмен.
Екатезин далечим; до долу зем поежею;
Тоци веро—веро ес! како ем Еней цар роде.
Сидеиз с Ладомъ в Елишом, Лейты поймез забывлаез;
Ой! дорогі, хороші!“

По-русски:

„Райскій вѣхъ Богъ, выше Вима и Дима, Езмень ты Россіи,
Возьми въ опеку мой домъ и дѣтей, наилучшій Езмень!
Гекаты царство далече: до долу земли выѣзжаю:
Точно, вѣрно—вѣрно, такъ есть, какъ я, Эней, царь родомъ!
Сидя съ Ладомъ въ Елисеѣ, Леты чернинешъ и забудешъ.
О! дорогой, хороші!“

По объясненію Воланскаго, Езмень или Ясмень, Асмень, также Ясень есть имя древняго божества, почитавшагося у восточныхъ народовъ, также въ Фракіи и Троѣ. Асмень или Есмунъ былъ богъ неба и всего міра. Вима и Дима, божества низшія, вродѣ Шивы или Сивы, почитаніе котораго было занесено на восточные берега Азовскаго и Чернаго морей, въ Бѣлую Индію⁶²). Дима есть обоготворенный сынъ троянскаго героя Дардана (даръ дана или рѣки). Всѣ эти божества были чужды латинянамъ. Царство Гекаты—царство мертвыхъ. Ладо—богъ войны у славянъ. У малороссовъ и у южныхъ славянъ, а также у насъ на Дону и теперь поются пѣсни съ обращеніемъ къ этому древнему богу: „Ой дидь-Ладо“! или „Ой Ладо, Ладо“! Древность приведенной надписи и могильника всѣми признана.

Въ 1746 г. была найдена въ Тосканскихъ владѣніяхъ фигура, вышиной 32 дюйма, голаго гетскаго мальчика съ гусемъ въ рукахъ. Фигура эта изъ музея Корразіано перешла въ Лейденскій кабинетъ, гдѣ Янсень, въ росписи этрусскихъ надписей, опубликовалъ ее подъ № 33. (По таблицѣ Моммзена—V № 21, у Воланскаго въ выпускѣ II—XXI). Въ теченіе слишкомъ 100 лѣтъ очень много говорили объ этой статуэткѣ и антикваріямъ она хорошо извѣстна, но ни одинъ изъ нихъ не объяснилъ сдѣланную на правой ногѣ мальчика надпись. Воланскій надпись эту, состоящую изъ двухъ гексаметровъ, прочиталъ такъ:

„Бело гас вея нагнала; до воли дасе алпану:

Пенате! голен Гета туди нес толе надейс“.

По-русски:

„Бѣлаго гуся буря загнала; онъ отдался волѣ Алпана;

Пенаты! голый (бѣдный) Геть туда несъ, толико надѣясъ“.

Алпанъ отъ ал—богъ и панъ—господинъ, т. е. господь-богъ. У восточныхъ народовъ: финикіянъ, евреевъ, а потомъ у арабовъ, персовъ, турокъ и мавровъ слово „алъ“ или „алла“ означало, да и теперь означаетъ Бога. „Ал“ это цвѣтъ солнца, также цвѣтъ золота. Вааль—богъ солнца, алтанъ—золото по-татарски; Алтай и Ала-тау—золотыя горы; алый цвѣтъ—золотой, теперь блѣдно-красный. Аллилуія—Богу хвала.

Надпись на камнѣ, найденномъ въ Капуѣ въ 1723 г. (Таблица VIII № 14 Моммзена):

⁶² Отъ бога Шивы или Сивы произошли названія залива Азовскаго моря Сиванъ и колонія грековъ Севастополь или Севаста, на восточномъ побережьи Чернаго моря.

Читається справа наліво.

ИЗДАНИЕ:
ЕДЫ: ЖИЛИ:
ЗНАКИ: ОЛЗЕ
ИДЕКШЦЕН
ЕКУ: Д ДІЗІІІ
2 №
СЕДЕВІУ: РАКІ ИДЕТІИ ПДІ? КУТІ. ПІРІНА.

О ДУ ПІ Р: К. М. У. А. З: Ч. А. П. В. И. Ч. А.
СЕ Д. Е. И. В. У. : Р. А. С. К. И. И. Д. Е. У. Р. О.
№: 3

Огишо V в. до Р. X.

„Ека триентій мед Капова сакра роже.
Ера амїа нази зимас“.

Какой трисытный медь Капуя рождаеть.

Гера другъ нашей земли. (Снимокъ № 2 стр. 79).

Также найдена бронзовая продолговатая пластинка съ круглой дырочкой. Она хранится въ музеѣ Сантанело въ Неаполѣ. Назначеніе пластинки никѣмъ не было объяснено, пока Воланскій не прочиталъ сдѣланную на ней надпись (снимокъ № 3): „Вечеряе, губка натѣис, а пораѣ каймас палану“. — „Вечерѣть, губку натисни и пораѣай каймы кремня“.

Слѣдовательно, пластинка эта оказалась мусать отъ кресала. Археологи ее относятъ къ V в. до Р. X.

Въ этой надписи кремь названъ паланомъ, отъ палить, запаливать, засвѣчать, каковое выраженіе до сихъ поръ удержалось въ русскомъ языкѣ. Названіе красвъ кремня или какого либо другого плоскаго предмета каймами также осталось въ русскомъ языкѣ. Въ надписи имѣется двѣ монограммы:

а) Вторая буква сначала, похожая формой на латинскій F, замѣняющій славянскій Ч, имѣеть снизу маленькій крючочекъ или прицѣпочку, отчего она произносится и за Е и, въ словѣ „вечеряеъ“, за ч и е.

б) Третья буква во второй строкѣ—этруское P, похожее на латинское D, получила еще отъ прицѣпочки и значеніе A, въ словѣ „пораѣ“. Этрусскій алфавитъ (умбрійско-осскій) вытерпѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, т. е. сначала возникновенія много перемѣнъ. Первоначально въ немъ буквъ было немного, такъ что иная буква замѣняла нѣсколько звуковъ, сходныхъ по произношенію. Такъ, напримѣръ, K отвѣчало за H, K и Ф; T за D; Ц за K и Г, какъ это было и въ сѣверномъ руническомъ алфавитѣ.

Древній алфавитъ, въ которомъ буква с изображалась въ видѣ латинскаго m, два раза изогнутой змѣйки, впоследствии предоставилъ это значеніе обыкновенному m, такъ какъ эта послѣдняя буква была сходна съ первой, но только изображалась въ перевернутомъ видѣ, а вмѣсто того изобразилъ звукъ с простой изогнутой змѣйкой, выражая тѣмъ ея шипѣніе: это то-же, что славянское зѣло, только изогнутое въ обратную сторону. Въ слѣдующіе вѣка алфавитъ этотъ является болѣе усовершенствованнымъ и переходитъ уже въ латинскій, такъ какъ всѣ племена, населившія

Италію, смѣшиваются и образуютъ одну общую великую націю--римскій народъ.

Анахарисъ, современникъ Солона, считавшійся, по словамъ Геродота, однимъ изъ мудрѣйшихъ людей своего времени и происходившій изъ скинскаго царскаго рода, съ сѣверныхъ береговъ Понта, съ визовьевъ Днѣпра (Бористена или Борис-тана), для удовлетворенія своей любознательности посѣтилъ Афины и многіе другіе города и страны южной Европы и Азіи, изучая жизнь и религіи народовъ. По возвращеніи на родину онъ сталъ проповѣдывать поклоненіе единому, невѣдомому безсмертному Богу и сталъ приносить ему безкровныя жертвы (совершать мистеріи) въ Илейской рощѣ, за что и былъ убитъ своимъ братомъ. Древніе историки приписываютъ Анахарису изобрѣтеніе огнива (около 600 г. до Р. X.).

Не названное ли огниво, найденное въ Этруріи, хранится теперь въ музеѣ Сантагело въ Неаполѣ. Весьма вѣроятно. Археологи относятъ пластинку эту къ V в. до Р. X. Анахарисъ посѣтилъ Италію немного раньше этого времени. На пластинкѣ сдѣлана надпись, указывающая на назначеніе, вѣчто вродѣ рекламы. Такую надпись можетъ сдѣлать только изобрѣтатель, съ цѣлью распространить свое изобрѣтеніе въ народъ, понятно, безкорыстно, для пользы послѣдняго.

Лепсіусъ, какъ и нѣкоторые другіе, пластинку эту признаютъ за поддѣльную. Но о поддѣлкѣ ей не можетъ быть и рѣчи. Славянскаго гексаметра и при томъ въ устарѣвшихъ выраженіяхъ никто не придумаетъ въ Италіи и тѣмъ менѣе, что въ послѣднюю тысячу лѣтъ никому и въ голову не приходило толковать этрусскія надписи съ примѣненіемъ къ нимъ славяно-русскаго языка. Это сдѣлать только Ф. Воланскій. (Моммзенъ. Діалекты Нижней Италіи. Табл. VIII № 1).

Между Нардо и Угенто, гдѣ находилась древняя Алисса, при рытьѣ фундамента въ 1829 г. найдено подземелье, на стѣнѣ котораго надпись (сним. № 7 стр. 82): „Чалла молданися“. -- „Келья молитися“. По-чешски: „Cela modlitise“.

Напись на бронзовой статуѣ богини любви: „Мі велѣрецъ—іатви ділай“, т. е. „Меня вохваляй—дѣтей приживай“. Могильный камень, найденный въ Анзи, въ Базиликатѣ (сним. № 6): „Путі воло іеом, соровою мейнк Апі-дітем: каея лейкей таком Ахер ільо, какъ ейти себя. Алессоту брату Мамер Яна“. -- Опутай волю имъ, -- суровая мука земли--дѣтямъ: -кайтеся въ илу Ахеро-

6. ΒΑΝΟΥ ΟΥΘΩΘΗΝ
 7. ΑΜΦΟΝΥ ΟΜΕ ΜΑΙΝΑΙΑ
 8. ΕΡΟ ΜΙΕΝΕ ΙΝΟΜ
 9. ΕΣΕ ΙΙΝΕ ΜΑΝΟΥ ΕΡΟ
 10. ΕΟ ΙΟΥΤΙΝΑ
 11. ΟΥΝΙ ΟΥΡΕΝ ΠΕΣΕΡ
 12. ΝΕ ΟΙΧ

7. ΦΑΛΛΑΜΟΛΔΑΧΙΑΣ
 8. ΕΤ ΘΕΤΟ ΑΗ ΙΛΟΥΤΑΣ
 9. ΕΥΕΡΤΙΠΙΕ
 10. ΕΡΑΝΙΤΑΙΕ

ΠΩΤ ΕΩΜΟ ΕΩ Μ' ΕΟΡΟ ΕΩ ΜΕΙΝΚ' ΑΠΙ ΔΙΤΩ Μ' Ο
 ΚΑΡΑΣ ΛΕΙΚΕΙ ΤΚΩ Μ' ΑΧΕΡ' ΗΛΙΟ ΚΑΚ ΕΙΤ ΣΕΑ.
 ΑΛΕΣΟΤ' ΒΡΑΤΩ ΜΜΕΙΑ ΙΑΝΑ.

Снимокъ № 6-й.

Могильный камень, найденный въ Акзи, въ Этрурии.

Подъ надписью видно изображеніе верхней части головы умершаго.

на имъ ле. ле, чѣмъ владѣть собою. Алексѣю брату, Мамае Яна. Апи—земля у скивовъ (Геродотъ).

Надгробная надпись младенцу:

Бѣл, детіна, Бѣл презнатіал.— Бѣл-богъ, дитятко,
Бѣл-богъ предназначилъ.

Таблица IV № 2 у Моммзена—надпись, найденная въ Руд-
жѣ: „Ето дето Ази Ілюяс“.— „Это дано богу Ілюю“ (богу Іліона,
Трон). (№ 8 стр. 82).

Бронзовая фигура съ милой улыбкой мальчика, держащаго голубку, найденная въ 1587 г. съ надписью на ногѣ: „Воле дае, може чо за ни милек чаеть“.— „Волю даетъ, можетъ быть что ее милый ожидаетъ“.

Надпись, найденная въ гротѣ 1690 г. (Табл. VIII № 42 у Воланскаго): „Мила Лале, моя краса“—перевода не требуетъ.

Фигура этрусскаго воина 47 дюймовъ вышины, находящаяся въ Лейденскомъ музеѣ. Фигура эта найдена въ Равеннѣ. Этотъ русскій геть, сжавъ кулаки, готовится къ бою. Надпись на правомъ бедрѣ говоритъ: „Даву Цербера,—меня за то руче!“—Задавлю Цербера,—я за то ручаюсь.

На головѣ воина надѣтъ скивскій кирбасій, шапка—капелюгъ.

Этрусскихъ письменныхъ памятниковъ очень много и все они легко читаются съ примѣненіемъ древне-русскаго говора, какъ памятники сѣверныхъ Руссовъ, разбросанные по музеямъ Каненгагена, Стокгольма, Берлина и другихъ городовъ (руинческія письмена). Но для насъ важно одно то, что Этрусски были Геты-Руссы, говорившіе на русскомъ языкѣ, общемъ всеѣмъ древне-славянскимъ племенамъ: что Геты эти пришли въ Италію съ береговъ Чернаго моря и Малой Азіи, изъ древней Трояды, и что троянскій герой Эней былъ царь Руссовъ-Гетовъ, т. е. военнаго сословія Руссовъ, передоваго ихъ оплота.

Теперь разсмотримъ вопросъ, кто были сами Трояне. Исторію покоренія Трои (XII в. до Р. Х.) писали Дитъ грекъ и Дарій, онъ же Даретъ и Даресъ—фригіецъ; оба они были личными свидѣтелями этихъ битвъ и оба утверждаютъ, что Трояне не знали греческаго языка во время прибытія къ ихъ берегамъ Язона. Этимъ ясно опредѣляется, что они были не греческаго племени. Они также не были и евреями, о чемъ послѣдніе не приминули бы упомянуть въ своей исторіи: ни финикійцами, ни вавилонянами, ни ассирійцами, такъ какъ въ оставшихся историческихъ надписяхъ

на камняхъ и черепкахъ этихъ народовъ ни слова не говорится о троянской войнѣ. Трояне были, какъ и Эней, Славяно-Руссы. Они раньше назывались Пелазгами, потомъ Фракійцами, послѣ того Тевкрами, затѣмъ Дарданами и, наконецъ, Троянами, а остатки ихъ, послѣ паденія Трои—Пергамлянами и Кемеянами. Города Кемь и Пергамъ построилъ Эней: въ нихъ поселились Трояне, избѣжавшіе гибели въ Илионѣ. Города эти, какъ и Илионъ, были расположены на полуостровѣ, прилежающемъ къ Дарданельскому проливу и частью къ Эгейскому морю.

Извѣстный нашъ археологъ и историкъ первой половины прошлаго вѣка А. Д. Чертковъ въ своихъ историческихъ и археологическихъ изысканіяхъ пришелъ къ положительному заключенію, что Пелазго-Фракійцы были славяне. О томъ же свидѣлствуютъ и славянскія на камняхъ надписи алфавитомъ „антикумъ“, разбросанныя по всей Македоніи и Фракіи. По сказаніямъ Дареса и Диды, Троянамъ были извѣстны: скульптура, живопись, механика, поэзія, музыка, комедія и трагедія, между тѣмъ какъ греки въ то время знали лишь одну грабительскую войну, ея звѣрства и хитрости, поэтому Трояне называли грековъ звѣроравными. Троянамъ и сосѣднимъ родственнымъ имъ народамъ была извѣстна и письменность: ею они пользовались во всѣхъ случаяхъ повседневной жизни и въ стихосложеніи гекзаметровъ. Алфавитъ былъ тотъ же, что и у Гетовъ-Руссовъ Италіи. Многіе изслѣдователи позднѣйшаго времени пришли къ заключенію, что Илиада была первоначально написана на языкѣ славяно-русскомъ и что авторомъ этой поэмы былъ Даресъ, онъ же Оміръ или Баянъ. Только спустя нѣсколько вѣковъ Ликургъ нашелъ первыя 8 пѣсень этого произведенія въ г. Кемі. Оміръ, переделанный въ Гомера, по словамъ самихъ же грековъ, не есть имя пѣвца, а означало на кемеянскомъ языкѣ слѣпца, т. е. дида-рыленика, слѣпца, бандуриста, „мірскаго“.

Недавними спеціальными раскопками въ Троѣ, Тиринѣ, на островахъ Архипелага и въ особенности на островѣ Критѣ, въ мѣстечкѣ Кнососѣ, около г. Кандіи, археологами, первоначально, въ 80 годахъ прошлаго столѣтія, нѣмецкихъ Шлиманомъ, а потомъ англійскимъ М. Эвансомъ, работавшимъ и въ прошлое десятилѣтіе, открыты такіе предметы невѣдомой доселѣ, доисторической цивилизаціи, которые по своему высокому искусству и артистической отдѣлкѣ поразили весь ученый міръ. Пейзажная живопись на кинжалахъ, украшенныхъ инкрустаціями и чеканной

работой (Мицены), на золотых кубках, мегаллических пластинках и каменных плитах, а также скульптурныя картины мелкой рельефной работы (Кносось) достигли такого высокаго совершенства, что имъ могутъ позавидовать лучшіе современные художники. Всюду при раскопкахъ попадаются тысячи текстовъ, деревянныхъ, глиняныхъ и металлическихъ дощечекъ съ рисованными и гравированными надписями. Лингвисты приходятъ въ отчаяніе, — они еще не смогли прочесть ни одного слова, а потому и не объяснили, что за загадочный доисторическій народъ жилъ въ этихъ мѣстахъ, достигшій такой высокой культуры. Известный ученый лингвистъ Соломонъ Рейнахъ съ горечью восклицаетъ: „Мы обладаемъ въ продолженіи уже многихъ лѣтъ пятнадцатую тысячами этрусскихъ и тремястами ликійскихъ текстовъ, но изъ нихъ намъ до сихъ поръ не удалось дешифровать, увы, — ни одного слова.“ А тутъ еще масса новыхъ письменныхъ памятниковъ Кнососа.

Западные ученые въ своемъ самомнѣніи не догадаются изучить древне-русскую письменность и примѣнить къ найденнымъ текстамъ древній славянскій говоръ. Они не знаютъ Фаддѣя Воланскаго. Для разгадки этой цивилизаціи нужно взяться славянскимъ ученымъ и идти по слѣдамъ и методу Воланскаго, и тогда передъ нами во всей красѣ возстанетъ и развернется сила и могущество высокоцивилизованнаго и древнѣйшаго изъ древнѣйшихъ славяно-русскаго народа, жившаго болѣе чѣмъ за 4000 лѣтъ тому назадъ и достигшаго на западныхъ берегахъ Малой Азіи, островахъ Архипелага, а въ особенности на островѣ Критѣ, высокой культуры и погибшаго, по всей вѣроятности, взойдя на крайнюю степень цивилизаціи, отъ нападенія звѣроподобныхъ разбойническихъ племенъ дорійцевъ, двинувшихся за богатой добычей раньше XII в. до Р. Х., или отъ какихъ либо стихійныхъ бѣдствій и мировыхъ катастрофъ.

То, что мы знаемъ изъ Илиады о Троѣ и ея обитателяхъ, есть только туманные отголоски о той погибшей цивилизаціи невѣдомаго намъ народа.

При раскопкахъ Трои Шлиманомъ и въ Кнососѣ Эвансомъ болѣе всего удивило весь ученый міръ то обстоятельство, что всѣ женщины этого загадочнаго народа, изображенныя какъ на картинахъ, такъ и на фрескахъ и статуэткахъ, одѣты въ плотно прилегающіе къ бюсту корсажи съ вырѣзомъ на груди и юбки съ воланами, а также съ другими подробностями туалета, обрисовы-

вающими округлыя формы, съ двумя падающими на спину косами. Покрой одеждъ и женскія украшенія свидѣтельствуютъ объ утонченности вкуса и эстетикѣ. Въмѣсто широкихъ туникъ со скульптурными складками, падающими, какъ колонна, отъ плечъ до самыхъ ногъ, вмѣсто развѣвающихся плащей, широко задранированныхъ вокругъ стана, критяне носили узкое съ рукавами платье, сложный покррой котораго ускользаетъ отъ насъ, но видъ его поражающимъ образомъ словно подсказываетъ современную женскую моду. Критскія дамы носили корсетъ и шнуровали бюстъ. Тонкая талія была, очевидно, для нихъ необходимымъ условіемъ элегантности. Даже мужчины, судя по художественнымъ изображеніямъ, выгибаются въ побѣдоносныхъ позахъ, показывая тонкость таліи и ширину плечъ. Все это вещи неизвѣстныя въ классической Греціи. На одной изъ фресокъ, найденныхъ на о. Критѣ при раскопкѣ дворца мифическаго царя Миноса, отца несчастной Ариадны, изображенъ интимный кружокъ дамъ, болтающихъ съ оживленными жестами и манерной граціей; всѣ онѣ одѣты въ закрытыя платья. На нѣкоторыхъ картинахъ, изображающихъ, очевидно, особъ въ парадныхъ туалетахъ, платья открыты и большею частью даже чрезмѣрно. Принципъ на Критѣ, какъ видно, былъ такой же, какъ и у насъ: чѣмъ значительнѣе обстоятельства, тѣмъ откровеннѣе были одѣты дамы, съ большими вырѣзами въ корсажѣ на груди и спинѣ. Попадаются статуэтки съ воротникомъ медичи, подпирающимъ затылокъ. Что касается юбокъ, то эти дамы оказывали явное предпочтеніе платьямъ съ воланами—не менѣе двухъ—трехъ волановъ; у нѣкоторыхъ по пяти, шести и даже болѣе; это придаетъ иногда ихъ юбкамъ полноту кринолина. И этотъ, высоко цивилизованный народъ, отвергавшій, надо полагать, милитаризмъ, погибъ, такъ какъ при раскопкахъ оружіе попало очень рѣдко и то только въ видѣ копій и изящныхъ небольшихъ кинжаловъ. Развалины дворца носятъ явные слѣды пожара; въ подвалахъ было найдено нѣсколько тайниковъ, въ которые, очевидно, наскоро были засунуты разныя драгоценности, словно подъ страхомъ неизбѣжной опасости. Въ раскопкахъ, относящихся къ времени, послѣдующему за катастрофой, виденъ отпечатокъ упадка. Остатокъ цивилизаціи въ это время, вѣроятно, перешелъ или на континентъ, въ города Пелопоннеса: Тирентъ, Мицены и др., или вслѣдствіи гибели цвѣта населенія отъ невѣдомыхъ намъ бѣдствій цивилизація эта окончательно упала, и лишь мифическія

сказанія грековъ, заимствованныя ими отъ жившихъ тамъ раньше народовъ, смутно говорятъ намъ о тѣхъ богоподобныхъ герояхъ, сила, умъ и физическая красота которыхъ нѣсколько тысячилѣтій такъ обаятельно дѣйствовали на послѣдующія поколѣнія европейцевъ. Къ этимъ героямъ относятся и мифическіе изобрѣтатели первыхъ летательныхъ аппаратовъ Икаръ и его отецъ Делаль.

Такимъ образомъ миценскіе художники, которыхъ мы принимали за первыхъ учителей Европы, являются только послѣдними представителями уже упадочнаго искусства древнихъ Руссовъ. Греки невольно усвоили эту цивилизацію; хотя они въ продолженіи многихъ вѣковъ и шли по ея слѣдамъ, но все-таки не достигли того совершенства, какъ погибшіе жители о. Крита. Искусство грековъ противъ критскаго кажется холоднымъ и безжизненнымъ. Критяне являются нашими ближайшими родственниками не только благодаря живописи и модамъ своихъ женщинъ, но также по искусству и совершенству комфорта. При раскопкахъ дворца Миноса въ Кнососѣ археологи съ удивленіемъ и не безъ зависти открыли не только роскошныя бани, но настоящіе усовершенствованныя lavatorius, со стѣнами, выложенными камнемъ, съ прекраснымъ водопроводомъ. Этотъ фактъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, такъ-какъ имѣетъ для антропологовъ и исторіи цивилизаціи большое значеніе. Такая забота о гигиенѣ и комфортѣ обозначаетъ всегда исключительное положеніе культурности народа и отмѣчаетъ послѣднюю побѣду цивилизованной расы надъ варварствомъ. Вѣкъ Людовика XIV съ этой точки зрѣнія, а также во многихъ другихъ отношеніяхъ, въ сравненіи съ вѣкомъ Миноса, является отсталымъ и дѣтскимъ⁷⁰⁾. Найдены такія критскія вазы XXV столѣтія до нашей эры, которыя словно только что вышли изъ какой-либо парижской мастерской и которыя не замедлили бы признать принадлежащими къ стилю новаго искусства. Сюжеты, дорогіе сердцу критскихъ художниковъ, совпадаютъ какъ разъ съ вдохновеніемъ нашихъ великихъ керамистовъ⁷¹⁾.

Недалеко то время, когда славянскіе ученые расшифруютъ письменные памятники этого дивнаго народа, и мы во всей подробности узнаемъ его загадочную судьбу, его вѣрованія, нравы и обычаи и, быть можетъ, многому у него поучимся. Путь къ этому уже указанъ нашимъ славистомъ Фаддѣемъ Воланскимъ. По дан-

⁷⁰⁾ Вѣкъ Людовика XIV считается во Франціи самымъ нечистоплотнымъ; въ это время въ Парижѣ было только двѣ бани.

⁷¹⁾ Альма Тадема. „Новое искусство. Четыре тыс. лѣтъ тому назадъ“. Изд. 1906 г.

нымъ, уже имѣющимся въ нашемъ распоряженіи, жители городовъ Трои, Пергама и Кеми, о-въ Архипелага: Низироса, Карпатоса, Казоса и др., прилегающихъ къ берегамъ Малой Азіи, а также и жители о-ва Крита были тѣ же Геты-Руссы. Разы или Расы, Реа, проникли и въ Бактарію, и далѣе до подножій Гинду-Куша (Гедросіи), даже владѣвшіе Ассиріей и Египтомъ и частью переселившіеся. по паденіи Трои, въ Италію, долгое время сохранявшіе тамъ свою религію, свой языкъ, нарвы и обычаи и въ концѣ концовъ, смѣшавшись съ туземными жителями, образовали великій римскій народъ. Гетамъ, какъ военному сословию, не сидѣлось на мѣстѣ: богатырская сила требовала простора и свободной боевой жизни въ чужихъ странахъ; они шли, покровительствуемые Марсомъ (Великимъ Россомъ), въ дальнія страны, образовывали новыя колоніи, строили города и всюду несли свою культуру, какъ и въ позднѣйшее время съ Ермакомъ проникли въ Сибирь, даже на Амуръ—въ Албанию и Камчатку. Берега Чернаго моря, Малая Азія, острова Архипелага, о. Критъ—всеъ политы кровью нашихъ предковъ Руссовъ, всюду видны слѣды ихъ пребыванія, и будетъ время, когда наше великое племя вновь будетъ господствовать на всемъ этомъ пространствѣ и вновь воскреситъ и воздвигнетъ изъ пепла свою древнюю цивилизацію.

Геты-Руссы въ древнѣйшія времена проникли изъ Италіи въ Испанію и даже на западные берега Африки, гдѣ основали много большихъ торговыхъ городовъ на многоводномъ лѣвомъ притоцѣ Нигера Бенуэ, развалины которыхъ видны и до сего времени. При раскопкахъ 1904—1912 г.г. были найдены Лео Фробеніусомъ хорошо сохранившіеся предметы древняго искусства, такъ дисгармонирующіе съ окружающимъ африканскимъ міромъ, точно осколки другой планеты, иной высокой культуры, когда-то занесенной изъ Европы, какъ, напримѣръ: скульптуры на камнѣ, отливки, чеканка изъ бронзы, лѣпныя терракоты, античныя головки, кувшины изъ фарфора и многое другое, а также ленточная по дереву орнаментика, подражающая плетенію изъ тесьмы; при поверхностномъ, даже бѣгломъ взглядѣ на европейски-точный рисунокъ, взоръ улавливаетъ что-то знакомое, давно извѣстное, поразительно сходное съ древне-греческимъ и римскимъ, а въ особенности съ этрусскими памятниками⁷²).

Помимо раскопокъ экспедиція Лео Фробеніуса изслѣдовала и

---

⁷²) Результаты раскопокъ экспедиціи Лео Фробеніуса 1904—1912 г. „П Африка заговорилъ“.

временную культуру племени іорубовъ, живущихъ по р. Бенуэ, и результаты получились самые неожиданные. Въ понятіяхъ, представленіяхъ, привычкахъ и издѣліяхъ этого племени ясно выражаются черты, вполне сходныя съ культурой этрусковъ, сильного и богатаго, какъ выше было сказано, народа, владѣвшаго Средиземнымъ моремъ. Постройки іорубовъ рѣзко отличаются отъ негрскихъ. Взамѣнъ обыкновенныхъ круглыхъ африканскихъ хижинъ изъ вѣтвей и листьевъ, здѣсь мы видимъ довольно сложныя четырехугольныя строения и при томъ въ нѣкоторыхъ частяхъ напоминающія этрусскій домъ съ атриумомъ (площадкой) и имплювиемъ (бассейномъ и садомъ), окруженными комнатами, конечно, въ грубомъ видѣ. Какъ атриумъ, такъ и имплювій напоминаютъ этрусскую форму, съ воронкообразной, вдающейся внутрь двора крышей. Въ сухомъ климатѣ Италіи внутренній бассейнъ для стока съ крышъ воды является насущной необходимостью; въ Африкѣ же, при ея тропическихъ ливняхъ, устройство его не вызывается мѣстными условіями. Ясно, что обычай этотъ занесенъ извнѣ и прочно удерживался въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій.

Религія іорубовъ также не африканская: они имѣютъ представленіе о богахъ, какъ индивидуальныхъ, обособленныхъ личностями—богъ грозы, неба, земли, рѣки и т. д. Главный богъ—богъ грома и молніи въ ихъ понятіяхъ напоминаетъ славянскаго Перуна.

Этими изслѣдованіями Фробеніусъ устанавливаетъ фактъ, что приблизительно за 3,000 лѣтъ до нашего времени западная Африка имѣла высокую культуру, занесенную извнѣ и именно изъ Этруріи, земли Гетовъ-Руссовъ.

Нѣкоторымъ объясненіемъ къ существованію этой загадочной цивилизаціи можетъ служить слѣдующее древнее сказаніе, слышанное греческимъ мудрецомъ Солонемъ около 600 г. до Р. X. отъ стараго египетскаго жреца. Это сказаніе передано намъ философомъ Платонемъ. Жрецъ говорилъ Солону:

„О многихъ великихъ и чудесныхъ дѣлахъ вашего государства повѣствуется въ нашихъ лѣтописяхъ; но одно изъ нихъ величіемъ и доблестью превосходитъ все остальные, потому что въ этихъ лѣтописяхъ говорится о могучей силѣ, которая неудержимо надвигалась на всю Европу, и которой вашъ народъ положилъ конецъ. Эта сила шла со стороны Атлантическаго океана, ибо въ то время по океану этому ходили корабли: и былъ тогда островъ, расположенный противъ пролива, который вы называете Геркулесовы-

ми Столбами (Гибралтаръ); островъ былъ больше чѣмъ Ливія (Сѣверная Африка) и Азія, взятыя вмѣстѣ, и черезъ него лежалъ путь къ другимъ островамъ, и съ этого острова можно было проѣхать черезъ весь материкъ, окружавшій настоящей океанъ; потому что море, которое находилось у Геркулесовыхъ Столбовъ, есть только заливъ съ узкимъ входомъ, а это другое и есть настоящее море, и окружающую сушу можно по всей справедливости назвать материкомъ. И вотъ на островѣ Атлантидѣ было великое и чудесное государство, которое владѣло всѣмъ островомъ и другими островами, также и нѣкоторыми областями материка; и кромѣ нихъ, оно подчинило себѣ часть Ливіи по сю сторону Геркулесовыхъ Столбовъ, вплоть до Египта, и часть Европы, до самой Тирреніи (область средней Италіи. Этрурія)“.

„Эта огромная, такимъ образомъ объединившаяся сила попыталась однимъ ударомъ покорить нашу страну и вашу и всю землю, которая была по сю сторону пролива; и тогда, Солонъ, твоя страна засіяла превосходствомъ своей добродѣтели и могущества надъ всѣмъ человѣчествомъ, потому что она опередила всѣхъ отвагою и военнымъ искусствомъ и была во главѣ эллиновъ. И когда другіе отпали отъ нея, такъ что она должна была положиться только на свои силы, то претерпѣвъ самыя крайнія опасности, она разбила посягателей и восторжествовала надъ ними, охранила отъ рабства всѣхъ еще не покоренныхъ и щедро даровала свободу всѣмъ тѣмъ, которые жили въ предѣлахъ Геркулесовыхъ Столбовъ. Но потомъ случились сильныя потопы и землетрясенія, и въ одинъ день и одну ночь непрерывнаго дождя всѣ ваши воинственные борцы были поглощены землею, и островъ Атлантида такимъ же образомъ исчезъ и потонулъ въ морѣ“.

„Вотъ почему море въ тѣхъ мѣстахъ непроходимо и непроницаемо, ибо по пути встрѣчается большое количество мелководнаго ила; и произошло это вслѣдствіе осѣданія острова“.

На существованіе погибшей Атлантиды, страны мертвыхъ, Авалонъ, въ западныхъ моряхъ, за солнечнымъ закатомъ, указываютъ и преданія кельтовъ, древнѣйшихъ обитателей южной Европы, а также и греческія легенды — Сады Гесперидъ, дочерей Атланта, съ золотыми яблоками Геры (апельсинами и лимонами), гдѣ-то за Геркулесовыми Столбами.

Позднѣйшія геологическія изысканія и изслѣдованія дна океана въ области острововъ Мадейры, Канарскихъ, Азовскихъ и Зеленаго

мыса показали, что действительно въ этой мѣстности когда-то существовалъ материкъ, съ необычайной быстротой опустившійся на дно моря. Не остатки ли этой доисторической цивилизаціи нашель Лео Фробениусъ на берегахъ западной Африки? Весьма вѣроятно. Раскопки на о. Критѣ также ясно говорятъ о когда-то существовавшей тамъ высокой культурѣ. Не этотъ ли доисторическій народъ вступилъ въ борьбу съ западными завоевателями, желавшими подчинить своей власти всѣ берега Средиземнаго моря.

Камни говорятъ, что это могло быть такъ. Но только это были не эллины, такъ какъ въ мифическихъ сказаніяхъ этого народа нѣтъ и намека на подобнаго рода событія; притомъ цивилизація эллиновъ уже достаточно изучена и, какъ видно изъ раскопокъ, ничего общаго не имѣла съ критской.

Жрецъ говорилъ, обращаясь къ Солону: „ваше государство“... „вашъ народъ“... Эти выраженія—географическое указаніе на ту страну, которая встала на защиту своей независимости отъ западныхъ завоевателей. Всѣ лучшія силы защитниковъ погибли при геологической катастрофѣ, измѣнившей рельефъ южной Европы и сѣверной Африки, а слѣдовательно, и очертаніе береговъ Средиземнаго моря. Этою гибелью войскъ, надо полагать, и объясняется упадокъ цивилизаціи народа, населявшаго когда-то о. Критъ, Грецію и мало-азіатскіе берега. Греческій мифъ о царѣ Миносѣ и его дочери Ариаднѣ, а также и чудовищѣ Минотаврѣ есть только послѣдній отголосокъ о бывшей когда-то въ тѣхъ мѣстахъ высокой культурѣ.

Черноморскіе и азовскіе Геты-Руссы имѣли постоянныя сношенія съ своими соплеменниками Троянцами и соседними съ ними народами. Во время осады Трои они на помощь имъ отправили 30 кораблей подъ начальствомъ Антифа. Въ этотъ отрядъ входили народы: Низирось (Островитяне-Россы), Карпатось (Харваты), Казось или Казы (Азовцы, жители береговъ Азовскаго моря—Азы) и Россы. Потомки этихъ народовъ поселились на островахъ Архипелага, давъ имъ свои названія: Низирось, Карпатось, Казось и др. На защиту Трои также вооружились цари родственныхъ имъ народовъ—фракійскій Резъ, павшій отъ руки Діомеда, и ликійскій Пандаръ, а также боги: Марсъ, Апполонъ и Афродита.

Собственныя имена Троянскихъ героевъ также славянскія. Царь Трои Лаомедонтъ, сынъ его Пріамъ, названный такъ послѣ выкупа его изъ плѣна, т. е. пріятымъ, принятымъ. Сыновья Пріама:

Дій, Тронль, Самборъ (имя, встрѣчающееся у славянскихъ народовъ: венетовъ, моравовъ и харватовъ), Эсакъ, Парисъ или Борисъ (отъ бороться) и Гекторъ, самый старшій. Имя Эней, которое носилъ одинъ изъ героевъ Трои, также встрѣчается въ исторіи Чехін и Болгаріи, часто въ смягченномъ видѣ—Юней; Эней Сильвій, чешскій историкъ 1458 г.

Скиѣы (по-Геродоту) и Трояне (по-Даресу) знали секретъ бальзамірованія труповъ. У скиѣовъ цѣлый годъ возили по всему государству набальзамірованный трупъ ихъ царя; у послѣднихъ тѣло Гектора также было набальзаміровано и помѣщено въ сидячемъ положеніи на все время печальной церемоніи, до совершенія по немъ славянской тризны. У Троянъ былъ обычай, какъ и у славянъ, рыданій по усопшимъ, и за гробомъ шли обыкновенно плакальщицы съ распущенными волосами, сопровождая покойника рыданіемъ и причитаніями.

Руссы, переселившіеся въ Италію, назывались тамъ коренными жителями „Трояни люди“. Только впоследствии изъ славянскаго слова „люди“ латины образовали свое „ludo“, игра. Слово „Трояни“ осталось безъ перемѣны, но уже отнесено было не къ народу, а къ свойству игры. Руссы часто устраивали конекія ристалища и турниры, отчего эти военныя игры такъ и названы. (Классенъ, вып. III).

Въ первые вѣка нашей эры, по извѣстіямъ византійскихъ и римскихъ историковъ, Геты или Готы съ береговъ Азовскаго и Чернаго морей неоднократно нападали на римскія владѣнія какъ съ суши на Дунаѣ, такъ и съ моря, на прибрежные города: такъ въ 106 г. въ правленіе императора Траяна, они разорили провинціи на Дунаѣ; въ 258 г. ограбили берега Абхазіи, разрушили Трапезундъ и многихъ жителей и богатства перевезли на берега Азовскаго моря. Въ 262 и 263 г.г. Готы грабили берега Фракіи и Малой Азіи, а въ 267 г. взяли Каподакію и разгромали Аеины. Прокопій (VI в.) и другіе греческіе историкъ называютъ Гетовъ то Готвами или Готвами, то, по старой привычкѣ, скиѣами, сарматами, роксоланами и аланами, причѣмъ Прокопій утверждаетъ, что Геты и Готы былъ одинъ и тотъ же народъ. Синкель, историкъ VIII в., говоритъ: „Скиѣы, которымъ на родномъ языкѣ имя Готы“, а Θεοφανъ (VIII в.)—„Геты или, что одно и тоже, склавинъ“, т. е. славяне. Въ III и IV в.в. Готы господствовали на всемъ сѣверномъ Черноморскомъ побережьи. Но въ то же время мы

встрѣчаемъ ихъ подъ тѣмъ же названіемъ и на берегахъ Балтійскаго моря: такъ, напримѣръ, Птоломей говоритъ, что въ его время (II в. по Р. Х.) Геты владѣли янтарными берегами и что ихъ вытѣснили оттуда роксоланы. Въ IV вѣкѣ Геты въ правленіе знаменитаго гетмана Эрмана, какъ сильное военное сословіе, покорили почти всю нынѣшнюю Европейскую Россію, въ томъ числѣ и Новгородъ (350 г.) и наложили дань на всѣ жившіе тамъ народы: скивоовъ, чудь, весь, мерю, мордву, корелу, роказовъ (Русь), венетовъ и др., однимъ словомъ, на всѣ тѣ народы, которые въ слѣдствіи перечисляетъ Несторъ⁷³). Но скоро господство ихъ, со смертію 110 лѣтняго Эрмана, было свергнуто. Въ IX в. Готы (Готе, Гьте) вновь, какъ говоритъ Несторъ, покоряютъ Новгородскую землю и берутъ съ нея дань, но новгородцы въ союзѣ съ чудью, мерей, весью и кривичами, передъ призваніемъ князей, прогоняютъ ихъ. На пребываніе этого народа на берегахъ Балтійскаго побережья и теперь указываютъ многія названія мѣстностей, какъ-то: о. Готландъ и полуостровъ того же имени, въ южной части Швеціи⁷⁴); гор. Гетенборгъ (Гетскій боръ) тамъ же; р. Гота и др. Въ писцовыхъ книгахъ древнихъ новгородскихъ погостовъ мы находимъ конныхъ Гоевскихъ казаковъ (готскихъ), переселившихся въ Вѣжецкую пятину. Кромѣ того, не такъ давно въ Новгородѣ ремонтировали одинъ изъ старѣйшихъ соборовъ, построенный еще въ XI вѣкѣ; во время работъ обвалилась на одной изъ стѣнъ штукатурка и тамъ оказалась фреска, происхожденіе которой относится къ первоначальной постройкѣ собора. Фреска изображаетъ воиновъ, вооруженіе и одѣяніе которыхъ совершенно сходны съ древнимъ казачьимъ, сохранившимся до конца XVIII в.

Походы южанъ Гетовъ на сѣверъ, къ берегамъ Балтійскаго моря, въ то время были очень часты; ихъ не стѣсняли ни дальность разстоянія, ни трудность пути. Въ надеждѣ на богатую добычу и въ поискахъ приключеній они исколесили всю нынѣшнюю

⁷³) Юрианъ, историкъ VI в., готскаго предводителя называетъ Эрманарикомъ, т. е. Эрманъ-рикъ. Рикъ, произносимое какъ „рикъ“, означало не царя и не короля а просто предводителя, атамана или гетмана. Многіе историкъ дѣлаютъ ошибку, говоря: король Эрманарикъ, король Гезперикъ; въ переводѣ это значить: Король Эрманъ—германъ, король Гельше—гетманъ и т. д.

⁷⁴) Готландъ—отъ готъ или геть и *ландъ*—площадь, мѣстность, страна, по-нѣмецки. Германцы съ полной увѣренностью утверждаютъ, что *ландъ* чисто нѣмецкое слово, но это не вѣрно. Въ Русскихъ говорахъ и даже очень древнихъ слово это также имѣетъ определенное значеніе: а-ланъ—пастбищное мѣсто, сѣнокосъ, во многихъ губерніяхъ Россіи; отъ этого *аланы*—скотоводы; по-алане (поляне)—жители равнины, поля. *Лань* на Дону означать полосу пахатной земли. Теперь спрашивается, кто же и у кого заимствовать это слово: германцы ли, обитатели лѣсовъ, знавшие одну грабительскую войну, у земледѣльцевъ-славянъ, или славяне у германцевъ. Мы думаемъ, что обитать здѣсь исеиъ.

сѣверную Россію и берега Балтійскаго моря и вездѣ, какъ и въ 1609--1617 г.г., тѣ же Геты--запорожцы, наводили страхъ и ужасъ на мѣстныхъ жителей. Вѣроятно и то, что къ этимъ походамъ съ береговъ Азовскаго и Чернаго морей Гетовъ двигали и какія-либо крупныя историческія событія, какъ, напримѣръ, нелады съ гуьнекими царями, а потомъ съ казарами, или междуусобицы сѣверныхъ русскихъ князей, быть можетъ, звавшихъ ихъ на помощь⁷³⁾.

Запорожцы въ числѣ 10 тыс. пристали къ Димитрію I-му въ борьбѣ его съ Годуновымъ. Потомъ, послѣ битвы подъ Добрыничами, къ нимъ пришло на помощь еще 7 тыс. Видя неустойчивость бояръ въ присягѣ и ненавядя все московское, они въ 1606 г. взяли Пронскъ, Михайловъ, Зарайскъ, Рязань, а потомъ, въ 1611 г. напали на Козельскъ, въ 1612 г. взяли Вологду и истребили за преданность кичливымъ боярамъ всѣхъ ея жителей. Въ 1615 г., по словамъ нѣкоторыхъ польскихъ и русскихъ лѣтописей, казаки запорожскіе и городовые превзошли въ жестокости не только поляковъ, но даже и татаръ. Въ 1617 г. казаки напали на Новгородскую область, гдѣ жгли и грабили. Потомъ опустошили уѣзды: Углицкій, Помехонскій, Вологодскій и пошли въ поморскія мѣста, были въ Навагъ, Тотъмъ, Устюгъ, Двинской землѣ, Яренскѣ, потомъ въ Олонцѣ, въ Сумскомъ острогѣ, въ Заонежѣ, въ Лудѣ, у Ледовитаго моря и возвратились въ Каргополь, а оттуда черезъ Новгородъ въ Малороссію съ многими плѣнными, которыхъ продавали въ рабство татарамъ и полякамъ. Въ 1618 г. съ гетманомъ Сагайдачнымъ и Канишевичемъ взяли Ливны и Елецъ и всѣхъ жителей истребили. Такъ дѣлали и ихъ предки Геты. Такое было время. Свободолюбивое казачество XVII в. карало древнюю Русь за ея косность и собачью преданность клятвopеступному боярству.

Изъ раскопокъ могилъ въ областяхъ древняго Новгорода, произведенныхъ по порученію Импер. археол. общ. въ 1872—3 г.г. Ивановскимъ, въ достаточной степени установлено пребыванія тамъ въ XI и XII в.в. темнорусыхъ южанъ воиновъ, рѣзко отличавшихся строеніемъ тѣла отъ мѣстныхъ свѣтловолосыхъ земледѣльцевъ. Ивановскимъ было разрыто 819 кургановъ-могильниковъ. Громадное количество бронзовыхъ и мѣдныхъ вещей, оружія, въ видѣ сабель и копій, черепковъ, волосъ мужскихъ и женскихъ съ сохранившеюся прической, самоцѣтныхъ камней и монетъ—доказали

⁷³⁾ Сага Тей ери о Фритлофѣ Сѣдлоуѣ, Елда Семунда и Елда Снорре говорятъ что Геты и Гети переселились съ юга на сѣверъ въ I в. по Р. X.

самымъ нагляднымъ образомъ, что по лицевому углу народъ этотъ былъ славянскаго племени, темнорусый. Мужчины роста высокаго, прекраснаго сложенія, съ короткимъ туловищемъ, но развитыми голенями отъ постоянного движенія, каковыя имѣютъ только природныя моряки и конники, но не земледѣльцы¹⁶⁾. Воины эти носили плащи изъ выдѣланныхъ кожъ, застегивавшіеся на плечѣ большою заповкой съ цвѣтнымъ камнемъ. Женщины были также темнорусы, средняго роста, прекраснаго сложенія, съ развитымъ тазомъ и нѣжными костями—отъ сидячей, недѣятельной жизни; на головѣ носили металлическій обручъ, а на рукахъ и ногахъ браслеты изъ бѣлаго металла безъ замковъ, точь-въ-точь такіе, какіе еще недавно носили женщины на Дону, въ особенности среди консервативнаго населенія старообрядцевъ, такъ называемые „базилики“ отъ базиліусъ—царь, т. е. царскія украшенія. Также носили ожерелья изъ горнаго хрустала и разныхъ цвѣтныхъ камней; рубашки на груди застегивались семью цвѣтными пуговицами и стягивались кожанымъ кушакомъ съ металлическими украшеніями, имѣющими рисунокъ схожій съ узорами донскихъ поясовъ прошлаго столѣтія. На поясѣ у мужчинъ всегда висѣлъ ножъ въ оправѣ. Покойники похоронены сидя и лежа, привязанные къ доскѣ. Почти у всѣхъ на шеѣ были кресты. Въ могилу клали разный домашній скарбъ: оружіе, горшки, одежду съ украшеніями; но ни женщинъ, ни коней въ мужскихъ могилахъ не было, за исключеніемъ 2-хъ могилъ изъ S19, въ которыхъ были женскіе скелеты. Класть съ собою въ могилу вещи домашняго обихода и войны есть языческая форма погребенія. Хоронить покойниковъ сидя и лежа, привязанными къ доскѣ, есть форма восточная и тоже языческая. Изъ этого видно, что погребенные тамъ христіане отправлялись на тотъ свѣтъ по-язычески. По монетамъ и цѣннымъ съ обдѣлкою вещамъ можно судить, что эти славяне вели торговлю съ Европою черезъ Балтійское море и Азіей черезъ волжскихъ Болгаръ и жили въ XI и XII вѣкахъ, т. е. во времена Владимира Святого, его сыновей и внуковъ. Всѣ эти вещи г. Ивановскимъ были представлены на разсмотрѣніе археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1874 г. (Отчетъ съѣзда). Эти темнорусые славянскіе воины—южане, погребенные на сѣверѣ по восточному языческому обряду съ копьями и саблями, суть не кто иные, какъ на-

¹⁶⁾ По изслѣдованію американскаго профессора-антрополога Гузъда, характерными признаками природныхъ воиновъ—конниковъ и моряковъ являются короткое туловище, высокая, развитая въ голенихъ нога, длинная рука, нога и шея. „Физическое развитіе человѣческихъ расъ“. Проф. Ганке. 1902 г.

ши предки Геты, новгородскіе казаки, варяжничавшіе на Балтійскомъ морѣ и впадающимъ въ него рѣкамъ и зашедшіе туда съ береговъ Азовскаго моря съ II в. по Р. Х. Путь съ юга на сѣверъ и обратно, „изъ варягъ въ греки“, какъ говоритъ Несторъ, былъ многоводный Диѣбрь: по немъ древнее гетское казачество на своихъ легкихъ стругахъ постоянно переходило съ юга на сѣверъ, а потомъ нерѣдко спускалось внизъ по Волгѣ въ Каспій, а иногда въ жаждѣ новыхъ открытій и приключеній по Балтійскому морю проникло въ Сѣверное, далѣе, подъ общимъ именемъ „нормановъ“, заходило въ устье р. Темзы или Лонодона (Широкаго Дона) и появлялось даже въ Испаніи и Италіи, гдѣ наводило на прибрежныхъ жителей такой страхъ, что духовенство послѣднее прошеніе въ молитвѣ Господней передѣлало такъ: „я избави насъ отъ нормановъ“. Изъ становищъ этихъ сѣверныхъ Гетовъ-Руссовъ по берегамъ Балтійскаго моря, въ Швеціи, извѣстны: Рослагенъ или Роделлагенъ, отъ Россъ и лага (кочевье). Слова Lag и Lagh однозвучація съ Laga, равно какъ и нѣмецкое Lager, принятое у насъ въ русскій языкъ въ словѣ „лагерь“, употребляются для означенія военнаго кочевья. Сигтунъ (Чигтунъ)—городъ близъ Родслагена, основанный Готами въ I в. по Р. Х., Siokonung-омъ (Сивоконемъ) Воданомъ. (Туна—тынъ, по-нѣмецки Zaun, по-англійски town—ограда, городъ). Рескильдъ—въ буквальномъ переводѣ „коль для Руссовъ“, т. е. мѣсто ихъ казни. Въ Норвегіи Фрѣнделлагенъ—мѣсто кочевья Гетовъ „фругундіонъ“ или Фряговъ—Унновъ. Въ Англійи Дanelagh (Danelagh).

Въ 844 г., какъ извѣстно изъ западно европейскихъ хроникъ, норманы сдѣлали высадку въ Испаніи, занятой тогда арабами, и ограбили городъ Севилью. У одного изъ арабскихъ писателей того времени Эль-Якуби, въ его сочиненіи, писанномъ 819 г., сказано слѣдующее: „На западъ отъ города Эль-Джазира (нынѣ Альгасирасъ, недалеко отъ Гибралтара) находится городъ, именуемый Шибилія (Севилья), при большой рѣкѣ, которая есть рѣка Куртубы (Кордовы—Гвадалквивиръ). Въ этотъ городъ вошли маджусъ (язычники), которыхъ называютъ „Русъ“, въ 229 (по-нашему лѣтосчисленію въ 844) году и плѣнили, и грабили, и жгли, и умершвили“. Изъ этого извѣстія усматривается, что названіе „Русъ“ существовало, какъ племенное имя, между норманами еще до призванія нашихъ первыхъ князей.

Въ сочиненіи италіянскаго писателя X в. Лутипранда, епи-

скопа Кременскаго. сохранилось извѣстіе о неудачномъ походѣ Игоря на Царьградъ. Въ извѣстіи этомъ, записанномъ авторомъ со словъ своего отчима, бывшаго въ то время въ Константинополѣ и присутствовавшаго при казни русскихъ плѣнныхъ. говорится, между прочимъ, что на городъ напали Руссы, „которыхъ мы называемъ другимъ именемъ--Норманами“. Въ 938 г. Лиутпрандъ былъ самъ въ Константинополѣ и оставилъ даже намъ краткое описаніе тогдашнихъ русскихъ кораблей. Изъ этого можно заключить, что авторъ, видѣвшій современныхъ ему Руссовъ воочию, конечно, допустилъ отождествленіе ихъ съ норманами не по одному гадательному предположенію, а основываясь на личномъ знакомствѣ, какъ съ тѣми, такъ и другими. Слѣдовательно, привычка историковъ называть норманами только германцевъ не выдерживаетъ критики. Слово норманы, т. е. нордманы, есть не этнографическое, а географическое названіе народа. Часть южныхъ приазовскихъ и черноморскихъ Готовъ, господствовавшихъ въ тѣхъ мѣстахъ до половины VI вѣка, не захотѣвъ подчиниться владыкамъ вновь образованной Гуннской монархіи, двинулась на западъ: въ началѣ V в. они наводнили Мизію и Фракію, а оттуда пошли далѣе и утвердились въ Италіи, Галліи, а потомъ въ Испаніи, гдѣ остатки ихъ можно встрѣтить и въ настоящее время, въ горахъ провинцій Галиціи и Астуріи. Изъ Испаніи часть Готовъ вандаловъ перебралась въ Африку (В. И. Ламанскій. — „О славянахъ въ М. Азіи, Африкѣ и Испаніи“. Западные историки этотъ народъ обыкновенно раздѣляютъ на восточныхъ и западныхъ, между тѣмъ, какъ византійскіе этого дѣленія не знаютъ, а просто говорятъ о Готахъ, какъ объ извѣстномъ и современномъ имъ славянскомъ народѣ (Евнамій Сардійскій, Олимпіодръ Фивейскій, Прискъ Риторъ, Петръ Магистръ, Прокопій Кесарійскій и др.).

Нѣкоторые изъ этихъ историковъ къ Готамъ относятъ также вандаловъ, гепидовъ, геруловъ, скировъ или щировъ, ругянъ, алановъ, буругундовъ, или варугундовъ и др. Нѣмецкіе историки, какъ напримѣръ, К. Ф. Беккеръ, Готовъ обыкновенно относятъ къ германскому племени, хотя ни одинъ изъ нихъ въ подтвержденіе своего мнѣнія не приводитъ никакихъ убѣдительныхъ данныхъ⁷⁷⁾; напротивъ того греческіе и римскіе историки того времени народъ этотъ причисляютъ къ племенамъ славянскимъ и положительно утверждаютъ, что въ древности они были извѣстны подъ общимъ именемъ сароматовъ, скиновъ, меланхленовъ и гетовъ (Прокопій и

⁷⁷⁾ См. примѣчаніе къ стр. 101, 102, 103.

др.). Геты, какъ сказано въ началѣ настоящей главы, были военнымъ сословіемъ славяно-русской народности, передовымъ ея оплотомъ. Эти-то безпокойныя военныя дружины, какъ неоднократно нападавшія на греческія и римскія владѣнія и даже не разъ громившія Византію, и были болѣе всего извѣстны историкамъ того времени подъ собственнымъ ихъ именемъ Гетовъ. Въ IV и V в.в. славянскія племена, жившія къ западу отъ Дона, т. е. въ Великой Скиѣи, какъ-то: анты, роксоланы и др., не пожелали подчиниться гуннскому владычеству, часть ихъ двинулась за Дунай и наводнила Балканскій полуостровъ. Эти племена историками по старой привычкѣ также были названы Гетами, или въ новомъ вариантѣ Готами, Гоеами и Готеами. О славянствѣ Гетовъ или Готовъ свидѣтельствуютъ историческія данныя. Овидій (ex Ponto, III, 2, 39—49) говоритъ, что языкъ гетовъ и сарматовъ былъ сходенъ съ скиѣскимъ, т. е. славянскимъ ⁷⁸⁾. Иорнандъ (VI в.), принадежавшій самъ къ мнимому готскому народу, называетъ соплеменниковъ своихъ Гетами („de rebus Geticis“) и тутъ же объясняетъ, что онъ происходитъ отъ аланъ; слѣдовательно, онъ сдѣлался гетомъ, вступивъ только въ это сословіе, ибо не могъ же онъ происходить отъ гетовъ и аланъ вмѣстѣ. Точно также и Геты придунайскіе носили славянское племенное имя Даювъ или Даціевъ, Даціанъ, отъ какого слова А. Вельтманъ производитъ названіе иѣмецкаго народа „Дейтш“, впервые явившееся въ VIII в. Туберони ясно говоритъ: „что относится до славянъ и гетовъ то они составляютъ одинъ народъ“. Тома архидіаконъ говоритъ о далматахъ такъ: „хотя многіе зовутъ ихъ готеами, однако-же ихъ собственное имя славяне“. По этому обыкновенію называть славянъ готами и Солунскій соборъ (1060 г.) назвалъ славянскую азбуку Кирилла „готѣскою“. Георгій Синкель, византійскій историкъ VIII в., опредѣленно высказался: „Скиѣи, которымъ имя на родномъ языкѣ Готы“, а предшественникъ его Теофилактъ писалъ: „Геты или, что одно и то же, склавины“. На славянство Готовъ указываютъ и имена ихъ князей или предводителей, гетмановъ, къ каковымъ именамъ въ концѣ часто добавлялось слово „рикъ“, означавшее на ихъ языкѣ вождя, но не короля. Изъ этихъ именъ извѣстны: Эрмана-рикъ, Гельпе-

⁷⁸⁾ Теорія Нябура о монгольствѣ скиѣовъ давно уже опровергнута. Уокертъ доказалъ, что скиѣи были племя арийское. Далѣе него въ томъ же направленіи пошелъ Бергманъ (1828 г.), потомъ Куно (1871 г.), который въ скиѣовъ выдѣлъ славяно-литовскую семью исключительно. Изъ славянскихъ ученыхъ мнѣніе это подтверждаютъ: Коллодта, Потоцкій, Шафарикъ, Венеллиъ, Налезаниъ, Чертковъ, Воланскій, Классенъ и многіе другіе. Пзвѣстнаго нашъ археологъ Савоковсовъ въ раскопкахъ юго-востока Россіи не нашелъ присутствія монгольской расы.

рикъ. Эра-рикъ. Афана-рикъ. Агала-рикъ. Февде-рикъ, Амала-рикъ. Ала-рикъ, Эрмина-рикъ. Валамиръ. Аспаръ, Допя. Валліа. Гретій. Охонъ, Тодасій, Сваргъ. Навлопадъ. Гонтарій. Илдивадъ, Февдатъ. Годд. Геллимеръ. Гивамундъ, Кунимундъ и др. Одоакръ, отъ непороченнаго славянскаго имени Одьекаръ — откликающійся (одъекъ-эхо), сынъ гетскаго предводителя. князя Щировъ, Яздякони, разрушилъ въ 476 г. Запад. Рим. Имперію. При чтеніи этихъ собственныхъ именъ нельзя забывать, что они дошли до насъ въ латинской и греческой передѣлкѣ: слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ мы не всегда можемъ возстановить ихъ точное первоначальное произношеніе.

По извѣстіямъ Сократа Схоластика и Созомена Саламинскаго. Готы Приазовья и Таврическаго полуострова приняли христіанство отъ грековъ въ IV в., какъ и всѣ соседнія съ ними славянскія племена. Просвѣтителемъ Готіи былъ епископъ Ульфилъ, переведшій на готскій языкъ и книги священнаго писанія. Этотъ епископъ векоръ послѣ того (359 г.) принялъ ученіе Акакія и отвергъ Никейскій символъ вѣры (первоначальная исторія Сократа Схоластика). По изслѣдованію архимандрита Арсенія, Готы говорили на одномъ изъ славянскихъ нарѣчій и богослуженіе у нихъ совершалось на языкѣ „рускомъ“. Эти то книги священнаго писанія и нашелъ св. Кириллъ въ Херсонесѣ Таврическомъ въ 858 г. (Паннонская летопись).

Готы занесли въ сѣверную и среднюю Европу особый архитектурный стиль, извѣстный подъ названіемъ готическаго, раньше господствовавшій среди арійцевъ передней Азіи: персовъ, армянъ, бактрианъ и др., а также ассирійцевъ и впоследствии арабовъ.

Въ IX—XIII в.в. Готы, какъ и Руссы, по словамъ Нестора, варяжничали по Балтійскому морю и по другимъ воднымъ путямъ ⁷⁹⁾. Лѣтопись говоритъ, что „варяги сирають къ западу до земли *англански* и *волошски*, т. е. до Англій, Ирландіи и Шотландіи, такъ какъ славяне называли вообще всѣхъ кельтовъ волохами: что варягами были: Русь. Свее (Шведы), Англияне, Оурмане (Норманы) и Гѣте (Геты или Готы).

Варяговъ мы видимъ также на Черномъ и Каспійскомъ мо-

---

⁷⁹⁾ Варяги отъ славянскаго глагола *варити*, предварять, предупреждать, идти впередъ. Варягу по-Кирилловски — разъѣзжаю. Такъ называлась наемная морская и рѣчная стража для охраны торговыхъ каравановъ отъ нападенія морскихъ пиратовъ или викинговъ.

рихъ. у устьевъ Днѣпра (Варяжскій островъ у Заруба). на Сѣверной и Западной Двинѣ, Волгѣ и другихъ рѣкахъ.

Несторъ говоритъ: „изъ Руси можетъ идти въ Болгары (на Каму и Волгу) и въ Хвалисы (Каспійское море) на востокъ дойти жребій Симвовъ. По сему же морю сидятъ варязи сѣмо ко востоку до предѣла Симова“.

Варяги временно появлялись у византійскихъ императоровъ и франкскихъ королей (это могли быть или норманы-датчане или шведы), а главнымъ образомъ входили въ составъ дружинъ русскихъ князей, то подъ этой кличкой, то подъ общимъ именемъ *Руси*.

Олегъ, поселившись въ Кіевѣ въ 879 году, сказалъ: „се буди мати градомъ русскимъ. Бѣша у него варязи и словени и прочіи прозвасяся Русью“. Слѣдовательно, всѣ подвластныя Олегу племена съ этого времени стали называться *Русью*, т. е. варяги-Руссы, славяне-новгородцы и „прочіи“. Раньше Олега кіевскіе славяне и вообще днѣпровскіе также назывались Русью, о чемъ достоверно свидѣтельствуетъ константинопольскій патріархъ Фотій въ 866 г. (Бѣседы Фотія изданы архим. Парф. Успенскимъ въ 1864 г. СПб.).

Въ договорѣ Олега съ греками 912 г. говорится: „Аще украдетъ Русинъ что либо у крестьянина (христіанина-грека)“... „Аще кто убіетъ крестьянина Русинъ или хрестьянъ Русина“...

Въ договорѣ Игоря 945 г.: „Аще ли обрящутся Русь работающе у грекъ“...

Помимо охраны торговыхъ каравановъ отъ нападенія морскихъ пиратовъ (викинговъ) и рѣчныхъ разбойниковъ (поляницы—полевицковъ), варяги занимались и сами торговлей, такъ, напримѣръ, подъ 1148 г. сказано: „Изяславъ дари Ростиславу что отъ рускыя земли и отъ всѣхъ царьскихъ земель (цареградскихъ), а Ростиславъ да дари Изяславу что отъ верхнихъ земель и отъ варяговъ“. Не сказано „отъ варяжскія земли“, такъ какъ ея не было. „а дари отъ варяговъ“, т. е. отъ варяжскихъ купцовъ, доставлявшихъ товары въ Новгородъ.

Въ 1188—1190 г.г. новгородцы вели войну съ варягами и именно съ готами, задержали ихъ купцовъ и посадили въ темницы, а своихъ не пустили за море. Въ 1205 г. послѣдовала новая ссора съ варягами, возникшая по дѣламъ торговли, и варяги должны были огласиться на все, лишь бы имъ дозволено было торговать въ сѣверныхъ новгородскихъ областяхъ.

Въ 1241 г. образовался Ганзейскій союзъ прибалтійскихъ городовъ, въ который вошелъ и Новгородъ. Этотъ союзъ въ 1250 г. достигъ наибольшаго своего развитія: онъ имѣлъ до 1000 своихъ кораблей и до 20 тыс. охраннаго для нихъ войска. Этой организаціей сословіе варяговъ на Балтійскомъ морѣ окончательно вытѣсняется и вскорѣ послѣ этого въ историческихъ актахъ о нихъ уже ни слова не говорится. Однимъ словомъ, въ нихъ надобность миновала.

Правда, въ 1325 и 1380 г.г. мы еще видимъ ихъ въ качествѣ тѣлохранителей византійскихъ императоровъ, но и тамъ имя ихъ скоро исчезаетъ, какъ и вообще имя готовъ. Въмѣсто варяговъ-готовъ въ Новгородѣ, въ Бѣжицкой пятинѣ, появляются уже говейскіе казаки.

Приведенныя выше раскопки древне новгородскихъ могилъ, а также присутствіе въ говорѣ бывшихъ новгородскихъ областей многихъ словъ и выраженій, свойственныхъ южной и днѣпровской Руси, ясно говорятъ, что въ населеніе древняго Новгорода волею судебъ влился элементъ съ береговъ Чернаго и Азовскаго морей и впоследствии вполне ассимилировался съ тамошними жителями, оставивъ имъ въ наслѣдіе своеобразный общинный образъ правленія, предприимчивый духъ, стремленіе къ независимости и релігиозной обособленности.

Скандинавоманы, къ которымъ относится большинство нашихъ историковъ, а также скандинавскій Мунхъ (1853 г.) употребляютъ все усилія, чтобы доказать, что варяги-Руссы и Готы германскаго племени и въ доказательство своего мнѣнія приводятъ слѣдующія данныя: 1) шведскіе шпионы въ Византіи назвали себя руссами; 2) варяги при византійскомъ дворцѣ говорили датскимъ языкомъ и другія. Что жъ они этимъ доказали? Шпионы по своей профессіи всегда и вездѣ должны лгать и всячески скрывать свою національность. Варягами были и датчане, о чемъ говоритъ и Несторъ. Они могли попасть въ Византію и говорить своимъ языкомъ. И только. Но это нисколько не доказываетъ, что Готы и Руссы были германскаго племени. Вся исторія Гетовъ-Руссовъ говоритъ о ихъ славянскомъ происхожденіи.

Скандинавоманы также отвергаютъ вѣрность сказаній о Руссахъ и Готахъ скандинавскихъ же историковъ: Торфея, Саксона Грамматина и Юганеса Магнуса, такъ какъ эти историки бьютъ ихъ наповаль, говоря, что Руссы всегда были во враждѣ съ гер-

манскими народами и воевали съ ними то въ союзѣ съ Готами, то одни противъ всѣхъ.

Слѣдовательно, какъ Готы, такъ и Руссы, по словамъ самихъ скандинавскихъ историковъ, не были ни шведами, ни датчанами, ни англичанами, а какой-то особой народностью и именно славянской, такъ какъ на берегахъ Балтійскаго моря другихъ какихъ либо народностей, кромѣ славянской и литовской, а отчасти и финской, не было. Господствующимъ элементомъ на всѣхъ берегахъ Балтійскаго (Варяжскаго) моря, какъ это мы видѣли изъ IV главы, были славяне.

Гельмольдъ, нѣмецкій историкъ XII в., говоритъ (Chronicon Slavorum), что гор. Винета, славянская Выжба—Wisby, на о. Вольшеттѣ, нынѣ Готландъ, считался самымъ торговымъ и многолюднѣйшимъ въ Европѣ. Туда стекались народы со всѣхъ странъ и привозили товары не только изъ прибалтійскихъ мѣстностей, но также по Волгѣ и другимъ рѣкамъ изъ дальнихъ странъ востока.

Видукинъ называетъ жителей Волина Waloini—вольными. У анналиста Саксонскаго они названы Vulini. Эти лѣтописцы утверждаютъ, что Винета была древнѣйшій въ Европѣ и сильнѣйшій по торговлѣ славянскій городъ, посѣщавшійся еще финикийцами.

Древняя Винета или Выжба была разрушена въ 1177 году датскимъ королемъ Вальдемаромъ и послѣ этого не могла уже достигъ прежняго своего величія, почему въ XIII в. и вошла въ союзъ съ Ганзою. Sweno Agonis называетъ Венету гунскимъ городомъ—Hunisburg, а Адамъ Бременскій (XI в.) славяно-скиѣскимъ и это, надо замѣтить, скиѣо-гунскій городъ тамъ, гдѣ владычествовали Готы, т. е. на о. Готландѣ. Гдѣ же тутъ германцы? Ихъ не видно. Сами нѣмецкіе историки X—XI в. называютъ обитателей тѣхъ мѣстъ то гуннами и скиѣами, то Готами и Руссами. Славяне вездѣ, и на островахъ Готландѣ, Рюгенѣ (Руянѣ), Зеланди и др., въ г. Упсалѣ, на Упландскомъ берегу въ Швеціи, въ Поморіи (нынѣ Померанія), Мекленбургѣ (Микулиномъ-борѣ), по р.р. Ринѣ (Рейну), Лабѣ (Эльбѣ), Одери и другимъ. По всему побережью Балтійскаго моря и всей нынѣшней Германской низменности. Это говорятъ намъ сами скандинавскіе историки. Славяне живутъ охотливо, занимаются земледѣліемъ, ремеслами и торговлей, имѣютъ свой сильный флотъ, употребляя въ битвахъ греческій огонь, который они называютъ вулкановымъ горшкомъ (Адамъ Бременскій):

имѣють свою письменность и строятъ многолюдные укрѣпленные города, прочныя деревянныя и каменныя дома и храмы. лѣють статуи и проч.

Составитель жизнеописанія св. Оттона говоритъ о славянскихъ храмахъ въ Штеттинѣ (Щетинѣ) слѣдующее: „тамъ были четыре храма, изъ которыхъ главный особенно отличался своею художественной отдѣлкой: по стѣнамъ внутри и снаружи были выбиты выпуклыя изображенія людей, птицъ и звѣрей столь сходныхъ съ природой, что они казались живыми: краски на внѣшней сторонѣ не смывались дождемъ, не блѣднѣли и не тускнѣли.

Всѣми этими славянскими землями завладѣли вѣмцы: славянь не покорили, а истребили въ многолѣтней неравной борьбѣ. Вся нынѣшняя германская низменность и острова Балтійскаго моря есть сплошное славянское кладбище.

Историческая наука въ изложеніи событій требуетъ правды и только правды. Зачѣмъ же было нашимъ, не говоря уже о вѣмцахъ, историкамъ-норманистамъ лгать, извращать и затемнять ходъ жизни великаго славянскаго народа и даже производить самое названіе его „Руссы“ отъ какого-то несуществовавшего и никому невѣдомаго маленькаго скандинавскаго племечка, забывая въ то же время, что южнѣе, въ бассейнахъ Днѣпра, Днѣстра и Дуная издревле живутъ милліоны Русинъ. Русняковъ, Рутеновъ, Расовъ. Червонноруссовъ, а древнѣе ихъ, по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, Архипелага, въ Малой и Передней Азіи и даже по берегамъ Средиземнаго моря милліоны Гетовъ-Руссовъ, Ресовъ, Ресиновъ, Рсы, Рашанъ и просто Россовъ, съ рѣками и городами этого имени, съ высокими „бѣлыми“ горами—Эльбурсомъ (Эльбуръсь) и Эльб-русомъ. Норманисты также въ доказательство своего взгляда на происхожденіе Руси отъ скандинавовъ говорятъ, что кіевскіе князья Аскольдъ и Диръ, ходившіе въ 865 г. съ Русами въ Византію (Фотій), были германскаго происхожденія, т. е. были шведы: причѣмъ указываютъ, что имя Аскольдъ происходитъ отъ шведскаго sköld—щитъ. Но вѣдь щитъ и по-готски skild, по-литовски skyda, по-англосаксонски skyld и т. п. Скины, по Геродоту, назывались *сколотами*, т. е. щитоносцами. Въ Россіи есть рѣчки: Сколотка, Колоча, Колота, Колокша и т. п. Также есть скала, скель—каменный уступъ, защищенное мѣсто. Кала, кель—крѣпость по-персидски. Келья, по-чешски и по-польски—Cela, по-латински—Cella—единенное мѣсто, недоступное для другихъ. Всѣ

эти слова, имѣющія одинъ общій корень, означающій щитъ, защиту, занесены въ Швецію Готами-Руссами, какъ и слово „безмѣтъ“, по-шведски *Biszman* (непереводимое), по-русски же означающее: безъ мѣны, на вѣсъ и деньги, при купль-продажѣ.

Аскольдъ отъ „ас“ или „аз“ и „кольдъ“ или „скольдъ“ — щитъ — „азовъ“, каковымъ именовъ. т. е. „азами“, назывались древніе обитатели береговъ Азовскаго моря, также аланы, хазары и „ас-саки“ или казаки, которые на сѣверѣ, у литовцевъ и скандинавцевъ, почитались за боговъ. Кон-азъ, конный азъ или князь вит-„азъ“, витязь, защитникъ Вита, славянскаго божества; куниг-азъ тоже конный „азъ“ у литовцевъ, князь. „Конные азы“ — наши былинныя богатыри, родоначальни княжескихъ родовъ, вышли изъ Приазовья. Пѣснхъ богатырей мы, славяне, не знаемъ, *Куниги*, *кѣниги* и скандинавскіе *кинги* тоже означаютъ конники. Диръ — обыкновенное славяно-русское имя съ окончаніемъ на „иръ“. Подобныхъ именъ очень много встрѣчается на пространствахъ всего древне славянскаго міра.

Нужно замѣтить, что слова Олега (по лѣтописи), обращенныя къ Асколду и Диру: „вы не князья и не княжескаго (древняго) роду“. ясно показываютъ, что лица эти являются какими-то самозванцами, предводителями какой-то вольницы, случайно завладѣвшей Кіевомъ, такъ какъ настоящіе князья вели свою генеалогію отъ благородныхъ конныхъ „азовъ“, древнихъ былинныхъ богатырей, и никакихъ другихъ родословій не признавали. „Азъ“ на славянскихъ нарѣчіяхъ означаетъ Я (язъ), первое лицо единственнаго числа, личность, особь, индивидуумъ. Аз-сакъ или казакъ означаетъ Я—сакъ, т. е. казакъ, сакъ изъ страны „Азъ“, Азовской⁸⁰).

Страбонъ въ I в. назвалъ жителей восточныхъ береговъ Азовскаго моря „Азъ“. Хазары себя называли также „азъ“. Иосафато Барбаро, бывшій въ Азовѣ въ 1336 г., говоритъ, что аланы, жившіе на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, на своемъ языкѣ себя называютъ „азъ“, т. е. „Я“. Константинъ Багрянородный въ X в. жителей этой же мѣстности называлъ касакками, т. е. казаками. Несторъ ихъ называлъ Ясами (азами) и касогами, другіе лѣ-

⁸⁰) Саками назывались все южные скифы, нападшіе на Переднюю Азію. Страбонъ, XI, 8, 4. Оружіе саковъ называлась *сакиръ* — сѣкира, отъ *сѣчь*, рубить. Отъ этого слова, по всей вѣроятности, произошло и названіе *сучи* или *сичи* запорожской, а также и слово *сичевати*, какъ называли себя запорожцы. *Сичъ* — станъ саковъ. Сакъ на татарскомъ языкѣ означаетъ осторожный. Сакаль — борода. Слова эти замечены у славянъ, масаконъ, масагетовъ.

тописцы касагами, тоже, что казаками; раньше греческіе историки называли ихъ *казами* (казось), но чаще всего Гетами, а потомъ Готами.

О дальнѣйшей судьбѣ приазовскихъ Гетовъ мы будемъ говорить ниже.

Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о томъ древнемъ загадочномъ народѣ, извѣстномъ по египетскимъ надписямъ подъ именемъ хиттовъ, гитовъ, киттовъ и кеттовъ, а по еврейскимъ лѣтописямъ хититовъ, хстеевъ и хеттеянъ.

Много мудрствовали западные ученые надъ происхожденіемъ этого народа, но положительнаго не сказали ничего: между тѣмъ памятниковъ, оставленныхъ *гитами* и говорящихъ о ихъ прошломъ, очень много; нужно только умѣть въ нихъ разобраться. Гиты въ союзѣ съ другими народами передней Азіи и Сиріи неоднократно нападали на Египетъ при фараонахъ Рамзесѣ II, Менефтѣ и Рамзесѣ III, (XIV--XIII в.в. до Р. X.) и владѣли даже дельтой Нила, оставивъ тамъ нѣсколько колоній, изъ которыхъ наиболѣе всего извѣстна Танисъ, на правомъ рукавѣ Нила, носившемъ названіе также Таниса. Раньше гитовъ дельтой этой владѣли Гиксы, пришельцы также съ сѣвера, которыхъ западные ученые относятъ то къ семитамъ, то къ монголо-скиѣамъ и просто къ скиѣамъ, судя по найденнымъ археологами въ развалинахъ Таниса изображеніямъ царей Гиксовъ и другимъ предметамъ. Гиксы имѣли такое могущественное вліяніе на эту часть Египта, что даже долгое время послѣ ихъ изгнанія, въ эпоху рамессидовъ, писатели того времени старались избѣгать чисто египетскихъ оборотовъ рѣчи и замѣняли ихъ оборотами языка, на которомъ говорила передняя Азія. Скиѣы внесли въ религіозный пантеонъ египтянъ поклоненіе богу Озирису (солнцу), сестрѣ и супругѣ его Изидѣ (лунѣ и землѣ), богу Ра, Горусу (также солнцу) и Апису (силѣ природы, земли).

Хотя названныя выше божества впоследствии смѣшались съ древними египетскими и нѣкоторыя изъ нихъ получили другое, даже астрономическое значеніе, но все-таки скиѣскія ихъ названія остались до конца.

Такъ Озирисъ—солнце, отъ славянскаго глагола зрѣти, *озирать*, освѣщать (заря, зирочки того же корня), впоследствии получилъ значеніе бога рѣки, Нила. Изиды—первоначально египетская луна, впоследствии стала оплодотворенная земля, изъ которой произрастаютъ и исходятъ, отъ *изъ* и *идти*, всякіе земные плоды. Го-

русь—восходящее солнце, идущее въ гору, горитъ, жжетъ, тоже, что славянскій Хорсъ. Аммонъ Ѡивскій и Ра изъ Геліополиса составили божество Аммонъ-Ра и соединились позже съ греческимъ Зевсомъ и римскимъ Юпитеромъ. Апи или Аписъ—земля у скиѳовъ (по-Геродоту) и Гетовъ Руссовъ Италіи, олицетворился въ быкъ Аписъ (силъ земли), а впоследствии былъ тѣсно связанъ съ богомъ солнца Мемфиса Фта или Пта (отца вселенной) и получилъ уже астрономическое значеніе—солнце впервые заблестало по сотвореніи міра (по египетскому счисленію) въ созвѣздіи Тельца—быка. ⁸¹⁾

Нападенія чрезъ Суецкій каналъ Гиксовъ и съ моря гитовъ вызваны были не какими либо завоевательными стремленіями сѣверянъ, а, судя по сохранившимся надписямъ и свидѣтельству древнихъ авторовъ, народы эти рѣшили положить конецъ набѣгамъ могущественнымъ фараонамъ, не дававшимъ покоя своимъ азіатскимъ сосѣдямъ.

Ибсамбульскіе камни (въ Нижнемъ Египтѣ), повѣтствующіе о нападеніи гитовъ при Рамзесѣ II и о дѣйствительной или мнимой побѣдѣ этого фараона надъ врагами, опредѣленно говорятъ, что гиты не были семитами. Нападеніе это вызвано слѣдующими обстоятельствами. Рамзесъ II или Рамесса (изъ 19 династіи), которому льстивая исторія къ имени Сезострисъ прибавила эпитетъ Великій, отличался ненасытностью по части завоеваній и грабежей сосѣднихъ народовъ, особенно Востока. Это заставило многіе народы, населявшіе побережье Средиземнаго моря и переднюю Азію, соединиться подъ гегемоніей гитовъ и дать отпоръ этому древнему Наполеону или креатурѣ его Вильгельму. Въ союзъ этотъ вошли Дарданы (Трояне), Каркемишъ, съ средняго Евфрата, гиты, владѣвшіе въ то время верхнимъ теченіемъ Евфрата, частью Малой Азіи и Сиріей, собственно долиной р. Оронта; всего въ союзъ вошло до четырнадцати народовъ.

Битва произошла около г. Кадеша, на р. Оронтѣ, какъ о томъ говорятъ египетскіе барельефы въ Рамезіумѣ въ Ѡивахъ и повѣствованіе историка Рамзеса Пантаура. ⁸²⁾ Этотъ льстивый царедворецъ, восхваляя необыкновенные подвиги Рамзеса, говоритъ о

⁸¹⁾ Исторія Неба. Фламарионъ.

⁸²⁾ Элизе-Реклю. Древняя Исторія. Гл. IV. Финикія. Летописи и памятники древнихъ народовъ. Египетъ. Исторія фараоновъ. Бругшъ. Переводъ І. К. Власова. Спб. 1880 г.

побѣдъ его надъ союзниками. Факты же говорятъ противное, такъ какъ гиты вскорѣ послѣ того вторглись уже въ Египетъ.

На египетскихъ памятникахъ гиты изображены съ желтоватой кожей, т. е. загорѣлыми, съ бритыми бородами и головами, съ длинными торчащими врозь усами и чубомъ, какой носили наши запорожцы XVI—XVIII в.: черты лица суровыя, съ прямымъ лбомъ, длиннымъ, прямымъ хрищеватымъ носомъ и подобраннымъ подбородкомъ, отчего носы еще болѣе выдаются впередъ. Станъ короткій, ноги высокія. На головахъ высокія, коническія барашковая шапки; на туловищахъ рубахи съ каймой по подолу и нѣчто вродѣ кольчугъ или кожаныхъ куртокъ. На ногахъ штаны и большіе сапоги съ голенищами до колѣнъ и узкими носками, немного загнутыми кверху. Сапоги настоящіе, современные, какіе носятъ и теперь простые казаки. На рукахъ рукавицы съ однимъ большимъ пальцемъ. Вооруженіе: короткое копье, лукъ и сѣкира.

Нѣкоторые западные ученые народъ этотъ съ большой натяжкой относятъ къ монголамъ, хотя въ чертахъ его нѣтъ ничего монгольскаго. Заключение это они, главнымъ образомъ, основываютъ на томъ, что на бритыхъ головахъ у нихъ оставленъ чубъ. И только. По одному чубу—монголь. Но кто знакомъ съ исторіей монгольскаго племени вообще и Китая, тотъ ясно увидитъ, что обычай этотъ не есть коренной монгольскій, а заимствованный ими въ древности изъ западной Азіи. Древніе массагеты брили бороды и носили чубы. Монголы носили косы, въ нѣкоторыхъ племенахъ и чубы, но только высшее военное сословіе и то не всѣ.

Всѣ египетскіе памятники отличаются большою точностью и правдивостью рисунка. На Ибсамбульскихъ барельефахъ изображены не монголы съ сѣвера Азіи (сапоги, рукавицы, барашковая шапка), а Геты-Руссы Малой Азіи, родственные фригійцамъ, троянамъ и Гетамъ-Руссамъ Италіи.

На нѣкоторыхъ египетскихъ памятникахъ время фараоновъ Мензфты, Рамзеса III и др. (XIII в. до Р. X.) народы, нападшіе на Египетъ, названы Ту-рса и Ти-рсенаши, т. е. росью, руссами, и древніе историки считали ихъ родственными этрускамъ, т. е. Гетамъ-Руссамъ. Археологическія данныя, какъ мы видѣли выше, вполне подтвердили это предположеніе.⁸³⁾

Памятники хетовъ или гетовъ разбросаны по всей Малой Азіи и Сиріи въ видѣ письменныхъ знаковъ, барельефовъ, гербовъ и

⁸³⁾ Элизе-Рекль. Древняя Исторія, Гл. X. Римъ.

проч. Письмена эти видны и на базальтовых скалахъ близъ развалинъ древняго города Кадеша, въ долинѣ р. Оронта, гдѣ произошла битва съ Рамзесомъ II, и въ Киликіи, и по верхнему Евфрату, и на скалахъ Эйюка, гдѣ еще крестоносцами былъ найденъ выбитый на камняхъ гербъ древнихъ гетовъ въ видѣ двуглаваго орла, такъ поразившій этихъ рыцарей и принятый потомъ византійскими императорами, а при Иванѣ III и русскими царями.

Развалины, открытыя на сѣверѣ р. Халиса, впадающаго въ Черное море близъ Синопа, въ Эйюкѣ и Богаскон, свидѣтельствуютъ о существованіи тамъ значительной цивилизаціи: тамъ были дворцы, выстроенные на обширной площади, отъ которыхъ сохранились еще смѣло выведенныя стѣны: затѣмъ святилище, высѣченное въ каменистомъ склонѣ холма, близъ Богаскон, на стѣнахъ котораго начертаны непрочтенныя еще длинныя разсужденія объ изваянныхъ на нихъ лицахъ, въ характерной одеждѣ гетовъ; наконецъ, храмъ недавно открытый нѣмецкими учеными, полагающими, что ему болѣе 4000 лѣтъ. Сравнительно болѣе искусная постройка и отдѣлка каппадокійскихъ зданій заставляетъ предполагать, что эти гетскія сооруженія относятся къ болѣе поздней эпохѣ, нежели скульптурныя произведенія, оставшіяся отъ того же народа въ Сиріи.

Хетскія надписи еще не раскрыли тайну этого великаго народа; но не далеко то время, когда мы узнаемъ его исторію. Путь къ этому уже указали славянскіе ученые. Геты имѣли близкія сношенія съ Троей, съ Финикіей, съ Закаспійскимъ краемъ, гдѣ на скалахъ Карабеля, (въ южной части края) также найдены ихъ изображенія, тождественная съ Ибсамбульскими.

Имперія Гетовъ, расположенная, такъ сказать, на перекресткѣ народовъ, гдѣ развѣтвляется великій азіатскій путь, между востокомъ и западомъ, могла распространять свое вліяніе, съ одной стороны, на земли, прилегающія къ р. Евфрату, а съ другой—на берега Сиріи и внутреннія, параллельныя имъ долины, равно какъ и страны Малой Азіи. Съ точки зрѣнія стратегической положеніе имперіи было очень прочно; она могла выдерживать упорную борьбу съ сильными врагами. Отсюда начало тѣхъ безпощадныхъ войнъ, которыя такъ долго разоряли край. Но вѣка прошли. Имперія Гетовъ распалась. Борьба отдѣльныхъ ея частей съ возникшимъ могуществомъ ассиріяня и вавилонянъ была уже имъ не по силамъ. Часть Гетовъ подвинулась на берега Чернаго и Каспійскаго морей и стала извѣстна подъ именемъ массагетовъ, масаковъ,

просто саковъ, гетросіевъ, Гетовъ-Россовъ и др.: другая часть выслалась вмѣстѣ съ остатками троянъ въ сѣверную Африку и Италию, а остальные разсѣлились по Ассиріи и югу Сиріи и искали пріюта въ странѣ родственныхъ имъ аморреевъ, окрестностяхъ Хеврона, Гавасна, въ землѣ филистимлятъ и другихъ ханаанскіхъ народовъ, основавъ тамъ нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ: Геть или Гееъ, Сакеллагъ, Асъ-Калу (Аскалонъ), т. е. крѣпость „Азовъ“, и др. Позднѣе они вступили въ тѣсныя сношенія съ Израилемъ, этимъ маленькимъ арабскимъ племенемъ, усиливъ и обновивъ его и смѣшавшись съ туземцами, сами сильно измѣнились.⁸⁴⁾

Вмѣстѣ съ евреями они принимали участіе въ построеніи Іерусалима.

Геты—хетейне еврейскихъ лѣтописей, дали Израилю воинственный духъ, крѣпкое тѣлосложеніе и круглую арійскую голову (нѣкоторой его части), а также каштановые и даже бѣлокурые волосы, каковыя имѣлъ въ молодости царь Давидъ.⁸⁵⁾

Большинство женъ и наложницъ Давида и сына его Соломона были чужеземки. Давидъ былъ младшій изъ сыновей Іессей, *евфратянина*, т. е. съ рѣки Евфрата; онъ жилъ въ г. Вилеемъ Іудиномъ.⁸⁶⁾

Верхнее теченіе Евфрата до Месопотаміи издревле было занято Гетами, какъ и Сирія съ г.г. Гаматомъ, Кадешемъ, по р. Оронту, и др.

Если бы Іессей или его предокъ пришелъ изъ Месопотаміи, откуда пришелъ Авраамъ, то онъ названъ бы былъ по одному изъ расположенныхъ тамъ халдейскихъ городовъ; но онъ названъ *евфратяниномъ*, т. е. переселившимся съ верхняго Евфрата, а не средняго, текущаго по Месопотаміи. Евреи, какъ увидимъ ниже, въ своихъ хроникахъ всегда опредѣленно отмѣчали, кто изъ ихъ героевъ и изъ какого города или страны происходилъ. Тотъ былъ аморрей, тотъ хетейнинъ или Геть, а тотъ евреель или кармелитъ. Одна изъ женъ Давида Агинея была кармелитянка. Любимая же жена была бѣлокурая красавица Вирсавія, отнятая имъ у своего военначальника Урии, родомъ Гета. Слѣдовательно, и Вирса-

⁸⁴⁾ Тамъ же. Гл. IV. Названія городовъ Гета, Сакеласа и другихъ упоминаются: въ Книгѣ Судей, гл. 11, ст. 21; сл. 14, ст. 19; въ Первой кн. царствъ, сл. 27, ст. 2, 3 и 6; во Второй кн. царствъ, гл. 21, ст. 2. Имена царя г. Гета Анхуса, у котораго укрылся Давидъ отъ гонителя Саула, и отца троянскаго героя Энея—Ахилея—тождественны.

⁸⁵⁾ Первая кн. цар. Гл. 17, ст. 42. Голиафъ былъ геть и происходилъ изъ г. Гетъ. (Тамъ же, ст. 4). Вооруженіе Голиафа: *мѣдный шлемъ, чудотчатая броня, мѣдныя наковальня, мѣдный щитъ, мечъ и желѣзное копье, ничего обматно не имѣвъ съ собою*—халдеевъ, евреель, египтянъ и другихъ южныхъ народовъ; это вооруженіе древнихъ Гетовъ-Россовъ. (Тамъ же, ст. 6—7).

⁸⁶⁾ Первая кн. цар. Гл. 17, ст. 12.

вія была того же происхожденія. Отъ Вирсавін родился Соломонъ.⁸⁷⁾

Сынъ Давида, красавецъ Авессаломъ, у котораго, какъ говорится въ Библии, отъ головы до ногъ не было недостатка. Былъ рожденъ отъ Маахи, дочери царя Гесеурскаго Талмая, изъ страны Гамать, на р. Оронть, текущей параллельно финикійскому побережью, въ Сириі, изъ владѣній Гетовъ.⁸⁸⁾

Дочь Авессалома, красавица Тамаръ или Тамаръ сдѣбалась женою сына Соломона Ровоама и родила ему сына Авію, а отъ Авіа родился Аса.⁸⁹⁾

Изъ гор. Гета съ Давидомъ пришли въ Хевронъ, а потомъ и въ Иерусалимъ до 600 воиновъ—гетовъ, подъ начальствомъ Еөөея (Геттея), которые во всѣхъ его войнахъ и бѣдствіяхъ, даже при возстаніи сына его Авессалома, оставались ему вѣрны. Когда Давидъ бѣжалъ отъ Авессалома въ пустыню, войны эти шли впереди и по сторонамъ несчастнаго царя, охраняя его отъ случайнаго нападенія взбунтовавшейся черни. „И сказалъ царь Еөөею Гетянинну: зачѣмъ и ты идешь съ нами? возвратись и оставайся съ тѣмъ царемъ (Авессаломомъ), ибо ты—чужеземецъ и пришелъ сюда изъ своего мѣста; вчера ты пришелъ, а сегодня я заставлю идти съ нами? я иду, куда случится; возвратись и возврати братьевъ своихъ съ собою. И отвѣчалъ Еөөей царю: живъ Господь, и да живетъ господинъ мой царь: гдѣ бы ни былъ господинъ мой царь, въ жизни ли, въ смерти ли, тамъ будетъ и рабъ твой. И сказалъ Давидъ: итакъ иди и ходи за мною. И пошелъ Еөөей Гетянинъ и всѣ люди его и всѣ дѣти, бывшіе съ нимъ.“⁹⁰⁾

Евреи въ то время были вѣротерпимы и не чуждались иноземцевъ, не дѣлавшимъ имъ зла, а потому Геты легко смѣшались съ ними. Въ особенности охотно евреи брали себѣ въ замужество бѣлокуроухъ красавицъ гетянокъ, предпочитая ихъ своимъ черномазымъ соплеменницамъ. Отъ этого смѣшенія браковъ появились и тѣ историческія красавицы, предъ которыми восторгались персы (Еврат.), а потомъ греки и римляне.

⁸⁷⁾ Вторая кн. цар., гл. 11, ст. 3. Глава 12, ст. 24.

⁸⁸⁾ Тамъ же. Гл. 3, ст. 3. Гл. 13, ст. 37. Въ 1812 г. въ развалинахъ Гамата Бурхардтъ открылъ на базальтовыхъ глыбахъ драгоцѣнныя надписи, признанныя въ настоящее время за гетскія. Древняя Исторія. Олесе-Реклю. Гл. IV. Въ долигнѣ р. Оронта, между г.г. Гамадомъ (Homath) и Кадешемъ 3500 лѣтъ тому назадъ Геты сходились лицомъ къ лицу съ египетскими арміями, отстаивая свою и всѣхъ сосѣднихъ народовъ свободу отъ завоевательныхъ стремленій фараоновъ.

⁸⁹⁾ Тамъ же. Гл. 14, ст. 27. Еванг. Матвея. Гл. 1, ст. 7.

⁹⁰⁾ Вт. кн. ц. Гл. 15, ст. 18—22.

Геты дали евреямъ и институтъ пророковъ, и великихъ провозвѣстниковъ Истины. Въ великіе пророки этого народа мыслили не такъ, какъ вся бень-израильская масса, усколобая (въ антропологическомъ отношеніи), не понимавшая ихъ и стоявшая съ ними всегда во враждѣ. Пророки изгонялись, побивались камнями, распинались на крестахъ и вообще погибали насильственной смертью только за то, что масса эта не смогла понять несвойственной ей арійской идеи объ Истинѣ, такъ хорошо понятой и усвоенной арійцами на пространствѣ всего земного шара. Голова семита не взглянула проповѣди пророка-арійца, и голосъ его оставался „вопіющимъ въ пустынь“. Это былъ голосъ Гета-арійца, волею судьбы заброшеннаго на чужбину.

Господствуя въ Сиріи, Геты имѣли сильное вліяніе на финикійское побережье Средиземнаго моря, гдѣ ими были построены города: Арадъ (радость, убѣжище), Тиръ или Цуръ, Сидонъ. Акку и др. перешедши, по распаденіи гетской монархіи, во владѣніе финикійцевъ, народа смѣшаннаго типа.

Геты также способствовали возникновенію на р. Тигрѣ Ассирійской монархіи, въ теченіе многихъ вѣковъ оснадившей первенство и господство въ долинѣ Тигра и Евфрата у Вавилонской (халдейской). Они дали ассиро-вавилонянамъ и своихъ боговъ: Ассира, Асура или Ашура (Ас-сиръ—я—царь); ⁹¹⁾. Также дали: Беела (Бааль или Вааль)—Бѣлаго-бога; Мардука или Мердуха—духъ мертвыхъ; Белтисъ (богиня)—бѣлая; Набу—небо, Багъ—богъ и др. Также слово саръ—царь. Еврейская передача имени Навуходеносоръ—Небу-кадне-царь, Балтасаръ—Бѣлый царь, Салманасаръ—Соломонъ-царь и др.

Пророки, какъ стоявшіе выше темной бень-израильской массы, были хорошо осведомлены о могуществѣ соседнихъ и даже отдаленныхъ народовъ и всегда грозили евреямъ нашествіемъ на Палестину могущественнаго сѣвернаго народа Россовъ, изъ земли Магогъ (Великой Скиѣи), на коняхъ, въ броняхъ, со щитами и вооруженныхъ мечами. ⁹²⁾.

Бѣлокуроыя красавицы сѣверянки прельщали смуглыхъ южанъ. Даже египетскій фараонъ Рамзесъ III имѣлъ вторую жену, свѣтлокаштановую красавицу гетянку Изиду, которой имя на родномъ

⁹¹⁾ Евреи въ вообще семиты произносили шъ вмѣсто с. Книга Судей, Гл. 12, ст. 6

⁹²⁾ Ки. прор. Ісаіи. Глава 38, ст. 1—4. Гл. 39, ст. 1—4.

Магогъ отъ Ма—великій и гогъ—масса. Гогъ и Магогъ означали у евреевъ скивовъ. Геронимъ, объясн. къ Езек. Гл. 38, ст. 1. Иосифъ. Древ. I, 6, 3.

языкъ было Гемароцать. И такимъ образомъ эта дочь великаго народа Гетовъ сдѣлалась царицей Египта, послѣ замурованной фараономъ живою ея предшественницы, Тин.

Ко двору этого фараона какъ плѣнница, купленная у пиратовъ въ Карфагенѣ, также попала и блѣлая дочь несчастнаго царя Иліона Приама, юная красавица Лаодика. Она была тайно убита одной изъ прислужницъ царицы Тин, изъ ревности, и погребена Рамзесомъ съ царскими почестями. Саркофагъ изъ порфира съ ея муміей былъ найденъ въ 1881 г. и теперь хранятся въ музеѣ Булака, подѣ Каиромъ. На груди умершей былъ открытъ папирусъ, повѣствующій о ея горькой судьбинѣ. Мумію и папирусъ выдѣлъ въ 1881 г. нашъ извѣстный историкъ Д. Л. Мордовцевъ и подробности жизни и смерти этой „миловиднѣйшей дочери Приама и Гекубы“, какъ говоритъ Гомеръ, слышалъ отъ директора музея, знаменитаго египтолога Масперо, прочитавшаго найденный папирусъ.

Рамзесъ III Рамсинаитъ (изъ 20-й династїи) взошелъ въ 1250 г. до Р. X. Слѣдовательно, Троя пала отъ набѣга морскихъ пиратовъ—данаевъ въ послѣдней половинѣ XIII в., т. е. между 1250 и 1200 г. до Р. X. Эти цѣнные документы, какъ папирусъ, найденный на груди муміи дочери царя Приама, въ Египтѣ, такъ и надгробная плита троянскаго героя Энея, найденная въ Италїи, краснорѣчиво говорятъ намъ о томъ далекомъ прошломъ, жизни, вѣрованїяхъ и страданїяхъ представителей одного изъ царскихъ родовъ Гетовъ-Руссовъ, береговъ Эгейскаго моря и Дарданельскаго пролива, подтверждая въ то же время съ очевидной ясностью, что Троя, царь ея Приамъ, жена его Гекуба, сыновья Гекторъ, Парисъ, Дій, Троицъ, дочери Кассандра, Поликсена, Лаодика и др., съ такою простотою и любовью описанные Омиромъ, не мифъ, а самая реальная дѣйствительность, и что народъ, представителями котораго были перечисленные выше лица, говорилъ на древнемъ языкѣ Руссовъ, имѣлъ свои письмена и въ стихосложенїи пользовался гекзаметромъ. Теперь спрашивается, кто же былъ этотъ загадочный повѣствователь, такъ просто и картинно изобразившій намъ жизнь, нравы и вѣрованїя древняго, но близкаго и родственнаго намъ народа—Дардановъ-Троянъ, называвшихъ себя Гетами-Руссами.—кто былъ Омиръ?

Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Глава VII. Амазонки.⁸⁸⁾

О существованіи амазонокъ на Дону, берегахъ Азовскаго и Чернаго морей говорятъ почти всё древніе писатели. Большинство изъ нихъ повторяютъ одинъ другого, но между ними есть и такіе, съ которыми приходится серьезно считаться. Впервые объ амазонкахъ упоминается въ Иліадѣ. Онѣ приходили на выручку Трои. Пріамъ говоритъ (рапсодія III, ст. 188): „И я считался союзникомъ фригійянъ въ то время, когда пришли равныя по силѣ мужамъ амазонки“.

Потомъ о нихъ вкратцѣ говорятъ Гекатей (550 лѣтъ до Р. Х.), Эсхиль (525—456 г. до Р. Х.), Пиндаръ (522—442 г. до Р. Х.), Скилаксъ Каріандерскій (521—485 г.) и многіе др. Скилаксъ (Periplus, § 70) говоритъ: „Азія начинается отъ р. Тананса, и первый азіатскій народъ въ Понтѣ—Савроматы. Этимъ народомъ управляютъ женщины-амазонки“.

Наиболѣе пространно о нихъ говоритъ Геродотъ (IV, 110—117). „Въ то время, пишетъ этотъ историкъ, когда греки воевали съ амазонками, которыхъ скиеы называютъ *ойорната*, что по-гречески означаетъ *убійца мужчинъ*, амазонки были побѣждены на берегахъ Фермодонта (на южномъ берегу Чернаго моря), и греки отправились на родину, увозя съ собой на трехъ корабляхъ плѣнницъ. Въ открытомъ морѣ амазонки возмущились и убили всѣхъ мужчинъ. Но такъ какъ онѣ не умѣли управлять рулемъ, парусами и веслами, то, отдѣлавшись отъ мужчинъ, носились по морю по волѣ волъ и вѣтровъ и, наконецъ, пристали къ той части Мелійскаго (Азовскаго) моря, гдѣ находится мѣстечко Кремни. Оно лежитъ въ землѣ свободныхъ скиеовъ. Здѣсь эти женщины сошли съ кораблей и отправились искать жилищъ мѣсть,—разграбили первый попавшійся имъ табуны лошадей и затѣмъ, сѣвъ на нихъ, начали

⁸⁸⁾ Амазонки—безгрудны. По сказанію древнихъ писателей, амазонки (женщины-воины) у новорожденныхъ мальчиковъ, выувѣчивали ноги и руки и, такимъ образомъ, дѣлали ихъ неспособными къ войнѣ; у девочекъ же онѣ выжимали правую грудь, чтобы она не мѣшала имъ впоследствии владѣть оружіемъ. Отъ этого обычая амазонки и получили свое названіе.

грабить имущество скивовъ. Послѣдніе не знали, откуда появились эти новые враги, и были въ большомъ недоумѣніи. Принявъ ихъ сперва за мужчинъ, какъ бы однолѣтокъ, они вступили съ ними въ бой, но потомъ осмогравъ убитыхъ, убѣдились, что имѣють дѣло съ женщинами.

Послѣ этого, посовѣтовавшись между собою, скивы рѣшили больше ихъ не убивать и послали къ нимъ самыхъ молодыхъ изъ своихъ воиновъ въ томъ, приблизительно, числѣ, изъ какого, какъ они полагали, состоитъ войско амазонокъ. Молодые люди расположились лагеремъ вблизи стана амазонокъ. Когда тѣ увидѣли, что скивы пришли не съ цѣлью напасть на нихъ, то не стали обращать вниманіе на приходившихъ, и съ каждымъ днемъ эти два лагеря все больше и больше сближались. Молодые люди, какъ и амазонки, не имѣли ничего, кромѣ оружія и лошадей, и доставали себѣ средства къ жизни охотой.

Около полудня амазонки, въ одиночку или вдвоемъ, удалялись отъ лагеря... Скивы это замѣтили и стали дѣлать тоже самое. Одинъ изъ нихъ рѣшился подойти къ амазонкѣ, которая была одна. Она не оттолкнула его... Потомъ, продолжая Геродотъ, амазонка, не зная языка скивовъ, жестами дала понять новому знакомому, что завтра она придетъ съ подругой, съ тѣмъ чтобы и онъ привелъ товарища. Такъ и сдѣлали. Остальные юноши, узнавъ объ этомъ, послѣдовали ихъ примѣру и привлекли къ себѣ всѣхъ амазонокъ. Наконецъ оба лагеря смѣшались и стали жить сообща, каждый мужчина съ той женщиной, съ которой онъ впервые сошелся. Скивы никакъ не могли изучить языка амазонокъ, между тѣмъ какъ послѣднія живо привыкли къ языку своихъ мужей. На предложеніе молодыхъ скивовъ возвратиться всѣмъ имъ къ ихъ согражданамъ, амазонки отвѣчали:

— Мы никогда бы не могли жить съ женщинами вашего племени, такъ какъ привыкли употреблять лукъ, метать дротикъ и ѣздить верхомъ. Мирныя женскія занятія намъ неизвѣстны. Если вы желаете, чтобы мы остались вашими женами и хотите поступить справедливо, то отправляйтесь къ вашимъ родителямъ, потребуйте отъ нихъ вашу часть состоянія и возвращайтесь жить съ нами.

Молодые скивы такъ и сдѣлали.

Тогда амазонки сказали имъ:

—Намъ очень неудобно жить въ этой странѣ послѣ того, какъ мы отняли васъ у родителей. а также и опустошили ихъ поля. Но такъ какъ вы дорожите нами. какъ вашими женами, то сдѣлайте вотъ что: оставимъ эту страну, перейдемъ Танаисъ (Донъ) и будемъ жить по ту сторону этой рѣки.

Это предложеніе было принято юными скивами. Перейдя Танаисъ, они шли три дня къ востоку и три дня отъ Мелотійскаго моря къ сѣверу и, прійдя на то мѣсто, гдѣ теперь, т. е. во время Геродота, они живутъ, основали тамъ свои поселенія. Съ тѣхъ поръ, заканчиваетъ Геродотъ, женщины савроматовъ, т. е. переселенцевъ скивовъ, женившихся на амазонкахъ, сохраняя свой прежній обычай, ѣздятъ верхомъ на охоту вмѣстѣ съ мужьями и безъ нихъ, сопровождаютъ ихъ на войнѣ и носятъ одинаковое съ ними платье. Основной языкъ савроматовъ скивскій, но испорченный съ самаго начала, такъ какъ амазонки никогда не могли исполнѣть правильно изучить скивскаго языка.

На счетъ свадѣбъ у нихъ существуетъ обычай, встречающій дѣвушкѣ выходить замужъ, пока она не убьетъ хоть одного врага.

Такъ говоритъ объ амазонкахъ „отецъ исторіи“, великій Геродотъ. Правда, въ его повѣствованіи много фантастическаго, но есть доля и истины.

Гелланникъ, современникъ Геродота, говоритъ (fragm. 84) о нападеніи амазонокъ съ береговъ Азовскаго моря на Атику.

Лизій (459—390 г. до Р. Х.) пишетъ: „Амазонки первыхъ время были дочери Арея (богъ войны у скивовъ—Марсъ) и жили на берегахъ Чермодонта. Онѣ были единственныя изъ всѣхъ окружающихъ ихъ народовъ, носили желѣзное оружіе и первыя стали ѣздить верхомъ. При помощи лошадей онѣ брали въ плѣнъ бѣжавшихъ противниковъ совсѣмъ неожиданно, т. к. тѣ не знали еще верховой ѣзды, и оставляли далеко за собой тѣхъ, которые ихъ преслѣдовали. За свое мужество, по своему тѣлосложенію, онѣ считались скорѣе мужчинами, чѣмъ женщинами. ибо казалось, что онѣ болѣе превосходятъ мужчинъ своимъ мужествомъ, чѣмъ отличаются отъ нихъ внѣшнимъ видомъ“.

Философъ Платонъ (429—348 г. до Р. Х.) объ амазонкахъ сказалъ болѣе правдиво: „Я узналъ изъ древнихъ мифовъ и повѣрилъ, а что касается нынѣшняго положенія, то къ слову сказать, даже знаю, что безчисленное множество женщинъ, называемыхъ „савроматидами“, живетъ между народами, окружающими Понть.

Онѣ не только ѣздить верхомъ, но и носить луки и великое оружіе и упражняются въ ихъ употребленіи въ строю такъ же, какъ мужчины“ (De legibus, VI, p. 805).

Не умолчать объ амазонкахъ и Страбонъ: „Говорятъ, что амазонки живутъ въ горахъ (Кавказскихъ), возвышающихся надъ Албаніей... Онѣ жили смежно съ гаргареями по сѣверному скату той части Кавказа, которая извѣстна подъ названіемъ Громовыхъ горъ. Тутъ въ теченіе не менѣе мѣсяца въ году амазонки занимались садоводствомъ, посѣвами, скотоводствомъ, но преимущественно разведеніемъ лошадей. Самыя отважныя изъ нихъ промышляли охотою и занимались военными упражненіями. Всѣ онѣ съ малолѣтства выжигали себѣ правую грудь, чтобы свободнѣй дѣйствовать рукою при разныхъ эволюціяхъ, а въ особенности при метаніи коня. Кромѣ этого оружія онѣ употребляли также лукъ, сагарисъ — двойную боевую сѣкиру и щитъ и дѣлали себѣ шлемы, панцири и пояса изъ шкуръ дикихъ звѣрей. При наступленіи весны онѣ отправлялись на ближайшую гору, отдѣлявшую ихъ отъ гаргареевъ, и оставались тамъ два мѣсяца. Съ своей стороны и эти послѣдніе, слѣдуя древнему обычаю, поднимались туда же. Соединившіеся съ амазонками, они вмѣстѣ приносили богамъ жертвы, послѣ чего въ тайнѣ ночи соединялись безъ разбора... Происшедшіе такимъ образомъ дѣти дѣлились по ихъ полу: дѣвочки оставались при матеряхъ, а мальчики возвращались отцамъ“... (VI, 5).

О происхожденіи этого женскаго военнаго сословія Діодоръ Сицилійскій (1-й в. до Р. X.) повѣствуетъ: „когда амазонки поселились у Өермодонта, гдѣ женщины наравнѣ съ мужчинами занимались военными дѣлами, говорятъ, что одна изъ нихъ, облеченная въ царскую власть, отличалась силой и храбростью. Она составила изъ однѣхъ женщинъ войско, обучила его и побѣдила нѣсколько сосѣднихъ народовъ. Когда ея военная способность и слава возросли, то она стала безпрестанно предпринимать походы противъ сосѣдей. Счастье ей благоприятствовало и она стала выдавать себя за дочь Арея, мужчинъ же заставляла прядеть шерсть и исполнять всякія черныя работы. У новорожденныхъ мужскаго пола амазонки изувѣчивали ноги и руки и, такимъ образомъ, дѣлали ихъ негодными къ войнѣ. Царица эта, отличавшаяся умомъ и военными способностями, основала у устья Өермодонта большой городъ Өемискиру, съ роскошнымъ дворцомъ. Она также покорила все народы до Танаиса. Въ одномъ сраженіи царица эта пала геройскою смертию.

Дочь ея, наслѣдовавшая престолъ, подражала матери и даже превзошла ее своими подвигами. Отправившись въ походъ въ землю, лежащую за Танансомъ, она покорила все тамошніе народы до Фракіи. Потомъ завоевала большую часть Азіи и распространила свое могущество до Сиріи“... (II, 45, 46).

Принимать подобные рассказы на вѣру полностью едва ли есть основаніе. Достоверно лишь то, что у скинскихъ народовъ или саковъ женщины при нападеніи враговъ сражались вмѣстѣ съ мужчинами. Это и послужило поводомъ сочинять рассказы объ амазонкахъ, какъ объ отдѣльномъ военномъ сословіи. Хотя, признаться, въ то отдаленное героическое время, когда борьба за существованіе была обострена до крайности, могла возникнуть подобная община по инициативѣ такой сильной духомъ женщины, которую описалъ Дюдоръ Сицилійскій. Но все эти сказанія древнихъ историковъ страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ, — это отсутствіе даты, т. е. они не указываютъ времени дѣйствія этихъ лицъ, употребили часто при этомъ излюбленное выраженіе „говорятъ“, а кто говоритъ, — умалчиваютъ.

Донъ или Танансъ нѣкоторыми древними писателями назывался Амазоніей. Названіе же Тананса, какъ говоритъ Псевдо-Плутархъ, историкъ I в. по Р. X., получилъ по слѣдующей причинѣ. У одного героя-богатыря по имени Беросса (Беросъ) отъ амазонки Лепиды родился сынъ, котораго назвали Танансомъ. Рожденный возмужалъ и сталъ проявлять великія военныя способности, былъ во всемъ воздерженъ и ненавидѣлъ женщинъ, поклоняясь лишь одному богу Марсу. Но Венера возбудила въ немъ любовь къ собственной матери. Вначалѣ онъ мужественно боролся съ своею страстью, но, наконецъ, больше не могъ владѣть собой и, желая остаться невиннымъ, бросился въ рѣку Амазоній, отъ чего послѣдняя и получила названіе Тананса. (Танансъ. Гл. XIV; 1—2).

Понятно, приведенное Псевдо-Плутархомъ сказаніе есть легенда, но для насъ она имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ пророчески подсказываетъ бытъ нашего древняго казачества, этихъ богатырей—дѣвственниковъ, поклонниковъ Марса, отстаивавшихъ въ теченіе многихъ вѣковъ свободу и независимость родной земли.

Въ книгѣ Фл. Вописка „Жизнь божественнаго Авреліана“ читаемъ: „Въ триумфальномъ шествіи Авреліана шли со связанными руками взятые въ плѣнъ иберы (грузины), персы, геты, аланы и сарматы. Вели также 10 женщинъ—гетейнокъ, которыя сражались

вмѣстѣ съ мужчинами: многія другія были убиты. Надпись на триумфальной аркѣ гласила, что женщины эти изъ племени амазонокъ". (158, 1).

Тутъ вся разгадка легенды объ амазонкахъ. Женщины готовъ сражались вмѣстѣ съ мужчинами. Женщины савроматовъ, какъ говоритъ Николай Дамасскій (171, XXI, XXII), также сражались вмѣстѣ съ мужчинами и были также воинственны, какъ и ихъ мужья. Русскія женщины сражаются и теперь (1915 г.) въ рядахъ русской арміи. Въ XVI и XVII ст. жены и дочери донскихъ казаковъ шли въ битву съ врагами наравнѣ съ мужчинами. Это явленіе на Дону было обыкновенное.

Во время знаменитаго „Азовскаго сидѣнья“ въ 1641 г. въ битвѣ съ турками участвовало до нѣскольکو сотъ женщинъ. А вѣдь ихъ никто и не подумалъ назвать амазонками. Древнія авторы были позабыты, а новые нашли другой способъ выраженій. Но между древними историками есть и такіе, съ которыми приходится серьезно считаться. О нихъ мы и будемъ говорить.

Діодоръ Сицилійскій, историкъ I в. до Р. Х., пользовавшійся всѣми современными данными для составленія своей „Исторической Библіотеки“, говоритъ, что Александръ Македонскій въ своемъ побѣдоносномъ шествіи изъ Закаспійскаго края двинулся на западъ и вступилъ въ Гирканію, расположенную на южномъ берегу Гирканскаго (Каспійскаго моря), и приближался къ столицѣ этого царства Задракартѣ, гдѣ нынѣ Астрабать. Фалестрія, царица амазонокъ, владѣвшая всей землей отъ р. Фазиса (Ріона) до Тормодонта, почти до нынѣшняго Синопа, пожелала встрѣтиться съ нимъ на дорогѣ. Она была замѣчательной красоты и обладала необыкновенной физической силой, но еще больше славилась своими военными подвигами. Оставивъ свое войско на границѣ Горканіи, Фалестрія взяла съ собою только 300 амазонокъ, одѣтыхъ въ военные доспѣхи. Александръ удивился столь необыкновенному посѣщенію и спросилъ, для какой надобности она явилась. Царица смѣло отвѣтила, что она желаетъ отъ него имѣть ребенка, такъ какъ онъ превзошелъ всѣхъ мужчинъ своими подвигами, сама же она превосходитъ всѣхъ женщинъ своею силой и храбростью. Такимъ образомъ она надѣялась, что рожденный отъ нихъ ребенокъ превзойдетъ всѣхъ людей въ мірѣ. Александръ согласился на такое предложеніе и подарилъ Фалестріи 13 дней, послѣ чего отпустилъ ее съ богатыми дарами (II, 43—16. IV, 5, 24).

Квинтъ Курцій Руфъ, въ своей „Исторіи Александра Великаго“ (VI. 8. 35) къ приведенному сказанію Діод. Сицил. добавляетъ, что какъ только Фалестрія увидѣла Александра, то тотчасъ же соскочила съ лошади и, держа въ правой рукѣ переть собою два дротика, смѣло приблизилась къ царю. За ней стояли 300 другихъ женщинъ. Платье амазонокъ не совсѣмъ покрывало ихъ тѣло: лѣвая сторона у груди была обнажена, остальные части были прикрыты до колѣнъ. Фалестрія смѣло смотрѣла на Александра, безъ сомнѣнія удивляясь, что его наружность не соответствуетъ громкой славы. Когда спросили царицу о цѣли ея прибытія, она безъ всякихъ околнчностей сказала, что пріѣхала прижить отъ него дѣтей и что считаетъ себя достойной быть матерью его наследниковъ: что если у нея родится дочь, то она оставитъ ее у себя, а сына возвратитъ отцу. Александръ спросилъ, не желаетъ ли она сопутствовать ему на войнѣ: Фалестрія отвѣчала, что она никого не оставила управлять своимъ царствомъ и настоятельно просила, чтобы онъ не обманулъ ея надеждъ и ожиданій. Александръ склонился на ея предложеніе, послѣ чего продолжалъ свой походъ въ землю парфянъ, а Фалестрія возвратилась въ свое государство на юго-восточные берега Чернаго моря. О результатѣ этого историческаго свиданія древніе историки, къ несчастью, умалчиваютъ.

Итакъ, скиѣи-сарматы, они же *саки*, *чиги-геты*, *геты-Руссы*, *массагеты*, *варяги-Руссы*, *черкассы-казахи*, *азы* или *ясы*, *аланы*, *роксоланы* и другіе народы, населявшіе берега Азовскаго, Чернаго, Мраморнаго и Каспійскаго морей, переднюю Азію и нижнюю Италію были славяне, раздѣлявшіеся на многія независимыя племена и имѣвшіе свою высокую культуру и письменность. Военное сословіе этихъ племенъ называлось *гетами* или *готами*, а въ Приазовьѣ *азами*, *казами*, *касогами*, *касагами*, *казатами* или *казакатами* отъ *азъ* и *сакъ*. Дальше мы докажемъ, что и гунны, и хазары-блѣвѣжцы были также славяне, называвшіе себя на своемъ языкѣ *азъ*.

Геродотъ говоритъ, что самые умнѣйшіе люди, которыхъ онъ зналъ, были *скиѣи*.

Страбонъ также признаетъ скиѣовъ высоко нравственнымъ народомъ и говоритъ, что если они приняли что либо дурное въ свой обычай, то заимствовали это у грековъ и римлянъ.

Скифы изобрѣли сталь, огниво (скифскій мудрецъ Анахарсисъ), нелиняющія краски, выдѣлку сыромятныхъ кожъ и юфти; имъ было извѣстно бальзамированіе труповъ, музыка, живопись, ваяніе и проч.; имъ же принадлежать и первыя горныя работы и разныя открытія и изобрѣтенія. Адамъ Бременскій утверждаетъ, что скифамъ былъ издревле (раньше грековъ) извѣстенъ греческій огонь, который они называли вулканнымъ горшкомъ.

Всѣ древніе историки утверждаютъ, что скифы были лучшіе воины, а Свидасъ свидѣтельствуеъ, что они издревле имѣли въ войскахъ знамена. Чѣмъ доказывается регулярность въ ихъ ополченіяхъ, а у гетовъ передней Азии на знаменахъ и на щитахъ былъ гербъ, изображавшій *двуглаваго орла*, принятый Россіей въ XV в., какъ наслѣдіе своихъ славныхъ предковъ.

Называя славянъ скифами, греческіе историки (Геродотъ, Эратосѣенъ и др.) сами сознаютъ, что имя это не есть собственное названнаго народа, а дано имъ понтійскими греками отъ носимыхъ ими кожаныхъ щитовъ, какъ и имя скелоты—щитоносцы. Такое же распространенное названіе они носили, собственно южныя скифы, по ихъ вооруженію—*саки*, отъ сѣчь, сѣчники, сѣкирки, вооруженные *самарам* или сѣкирами. Славянами себя называли отъ любви къ славѣ, отчего собственные имена своихъ героевъ въ большинствѣ случаевъ соединяли со словомъ „слава“ и „честь“: Ярославъ, Владиславъ... (см. стр. 44). Собственное же имя ихъ, какъ наиболѣе древнее, по религіи, *Рось, Росъ, Русь, Рса*—роса, вода—поклонники воды, росы, отъ чего произошли и ихъ древніе боги: Воданъ, Водяной, *русалки* (водяныя дѣвы) и др.

Этимъ и объясняется, почему въ договорахъ Олега и Игоря съ греками всегда сопоставлялось крестьянину или христіанину (греку) имя Русъ, Русинъ, т. е. сопоставлялось двѣ религіи.

Военное сословіе Русовъ всегда носило названіе *Геть*.

Предки казачества.

Глава VIII.

Гуны и Хазары.

Вопросъ о происхожденіи народа Гунновъ трактуется историками до сего времени на разные лады. Римскій историкъ IV вѣка по Р. Х. Аммианъ-Марцелинъ, знавшій Гунновъ лишь по-наслышкѣ, говоритъ о нихъ какъ о народѣ будто-бы кочевомъ, жившемъ за Міотійскимъ (Азовскимъ) болотомъ, по тѣлесложенію и образу жизни сходномъ съ нынѣшними монголами, казымъками или киргизами. „Они, повѣствуетъ этотъ историкъ, имѣютъ звѣрскіе нравы и отвратительную наружность; въ дѣтствѣ надрѣзываютъ себѣ подбородокъ, лицо и щеки, чтобы не могли расти волосы. При величайшемъ безобразіи лица, кости у нихъ крѣпки, плечи широкія, и при томъ они такъ нескладны и нестройны, что кажутся какъ-бы двуногими скотами. Для изготовленія пищи не имѣютъ надобности ни въ огнѣ, ни въ прячостяхъ; питаются дикими кореньями и сырымъ мясомъ, которое кладутъ вмѣсто сѣдла на лошадь и распариваютъ скорою ѣздою; земледѣліе имъ чуждо; постоянныхъ жилищъ они не знаютъ, съ дѣтства скитаются по горамъ и лѣсамъ и привыкаютъ переносить стужу и голодь. Одежда ихъ полотняная или сшитая изъ кожъ лѣсныхъ мышей; они переменяютъ ее только тогда, когда она лоскутьями свалится съ тѣла. Они неразлучны со своими малыми, но крѣпкими лошадьми, на которыхъ ѣдятъ, пьютъ, спятъ и отправляютъ все дѣла; даже на общественныхъ совѣщаніяхъ все сидятъ верхомъ. Грязныхъ женъ и дѣтей своихъ возятъ за собою въ телѣгахъ. Стыда и пристойности не знаютъ и не имѣютъ никакой религіи; неспѣрная алчность къ золоту побуждаетъ ихъ къ набѣгамъ. Оружіе ихъ—копья и стрѣлы съ заостренными на концѣ костями: они умѣютъ искусно бросать арканы на неприятелей. Въ движеніяхъ своихъ чрезвычайно быстры,

внезапно налетают на вражескій строй со всѣхъ сторонъ, задираютъ, разсѣиваютъ, убѣгаютъ и потомъ опять неожиданно нападаютъ... У нихъ больше всего хвастаются убійствомъ враговъ, а вмѣсто того, чтобы снимать оружіе, они снимаютъ съ нихъ головы, сдираютъ кожу и съ волосами вѣшаютъ на груди коней⁹⁴⁾.

Въ другомъ мѣстѣ Амміанъ говоритъ, что „Гуннамъ царская власть неизвѣстна: они шумно слѣдуютъ за вождемъ, который ихъ ведетъ въ битву“ и т. д.

Достоверно извѣстно, что названный историкъ непосредственнаго знакомства съ этимъ народомъ не имѣлъ, а заимствовалъ сообщенія имъ свѣдѣнія отъ другихъ лицъ, а именно: въ описаніи наружности и образа жизни Гунновъ, ихъ нравовъ и обычаевъ онъ слово въ слово повторилъ Трога Помпея (I в. до Р. X.), повѣствующаго о жизни легендарныхъ Киммерійцевъ или Кмеровъ, изгнанныхъ будто-бы въ глубокой древности скивами изъ нынѣшней южной Россіи за Кавказъ, въ Малую Азію (по Геродоту). Это описаніе, перенесенное на Гунновъ, благодаря страху предъ ихъ губительнымъ нашествіемъ на Западную Римскую Имперію, дало поводъ римскимъ историкамъ увеличить эти страхи до фантастическихъ размѣровъ, а позднѣйшимъ причислить этотъ народъ къ монгольскому племени, вышедшему будто-бы изъ невѣдомыхъ глубинъ Азіи⁹⁵⁾.

Между тѣмъ Клавдій Клавдіанъ (конецъ IV и начало V в. по Р. X.) ясно и опредѣленно говоритъ, что Гунны жили по восточной сторонѣ Танаиса, считавшагося тогда границей между Европой и Азіей. Мѣстность эта для западныхъ жителей была крайнимъ востокомъ, а для насъ юго-восточная Россія, гдѣ протекалъ Донъ и Волга.

Юриандъ, писавшій спустя около ста лѣтъ послѣ смерти Аттилы, послѣдовавшей въ 453 г., основываясь неизвѣстно на какихъ источникахъ, описывалъ наружность этого вождя такъ: „малый ростъ, широкая грудь, волосы съ просѣдью, курносый (Simo naso), смуглый—онъ являлъ черты своего племени“. (Сар. XXXV). Однимъ словомъ, описываетъ его въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ, хотя выше онъ говоритъ о пылливомъ взорѣ Аттилы и гордой его осанкѣ. Далѣе Юриандъ, повторяя слова Трога Помпея и Марцел-

⁹⁴⁾ К. Ф. Воклеръ, Древняя Исторія, ч. III, кн. V. Амміанъ Марцеллинъ, XXXI, 2, 21.

⁹⁵⁾ Беръ, Трактатъ о Микробофалахъ, т. II № 6. СПб. 1860 г.

лина о безобразіи Гунновъ, говоритъ, что тѣ, кто могъ бы противостоять имъ на войнѣ, не выносили ихъ ужаснаго вида и въ страхѣ обращались въ бѣгство.

Этими послѣдними строками сказано все. Психическое явленіе — массовый страхъ передъ грознымъ врагомъ, трусливость деморализованныхъ войскъ уже разложившейся къ тому времени Западной Римской Имперіи историки той эпохи старались объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ какимъ-то невиданнымъ безобразіемъ своихъ противниковъ, вселявшихъ будто-бы въ войска сверхъестественный страхъ⁹⁶).

Авангардъ войскъ Аттилы, по извѣстіямъ современныхъ греческихъ и римскихъ историковъ, состоялъ изъ призюбскихъ Алаговъ, т. е. Азовъ — Саковъ или Казаковъ (см. гл. V). Эти то дикіе конники и коньеносцы своими отважными атаками и наводили ужасъ на всю западную Европу. Это знаемъ съ западными хрониками эпохи наполеоновскихъ войнъ и въ особенности 1813 и 1814 г.г., а также войны съ Германіей и Австріей въ 1914—1915 г., тотъ ясно увидитъ, что тѣми же или еще болѣе сгущенными красками рисовались дѣйствія казаковъ въ тѣхъ государствахъ, и живые хроникеры характеризовали этихъ доблестныхъ воиновъ, какъ какой-то дикій азіатскій народъ, чуть ли не хуже Гунновъ и Киммерійцевъ. За 15-ю верстами ходить недалеко. Въ австрійскихъ народныхъ листкахъ и проповѣдяхъ духовенства, а также въ раздаваемыхъ народу картинахъ, судя по газетнымъ сообщеніямъ (сентябрь 1914 г.), казаки изображались звѣроподобными существами, живущими въ дикихъ лѣсахъ. „Казаки, говорятся въ проповѣдяхъ, ѣдятъ сырое мясо и пьютъ кровь. Глаза ихъ ужасны, волосы до пояса, бороды до колѣнъ. Пики же ихъ — одинъ ужасъ“.

Не то же ли самое разсказывалъ про конницу Аттилы 15 вѣковъ тому назадъ запуганный народъ? Разказы эти занесены главными писателями на страницы исторіи и безъ провѣрки повторяются до сего времени.

Ни грязныхъ жень, ни дѣтей въ телѣгахъ за Гуннами не слѣдовало. Это — фантазія Амміана Марцеллина, приведенная имъ въ подражаніе Трогу Помпею. Онъ считалъ Гунновъ за сказочныхъ Киммерійцевъ, а потому и воспользовался готовымъ описаніемъ ихъ

⁹⁶) Неужели же Гунны были страшнѣе арабовъ, татаръ, калмыковъ и негровъ, которыхъ никто изъ европейцевъ никогда не боялся?

быта у Помпея. Кромѣ того, нашествія Гунновъ на западную Европу этотъ историкъ и не видѣлъ, такъ какъ событіе это произошло много лѣтъ спустя послѣ его смерти. Эту же ошибку повторили и послѣдующіе историки Юрнадъ и др. Движеніе на западъ Гунновъ—не переселеніе народовъ, какового въ сущности не было, такъ какъ всѣ народы Приазовья и сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, описанные въ I-мъ вѣкѣ Страбономъ, въ большинствѣ остались на прежнихъ мѣстахъ, какъ то: Малые Аорсы или Малая (Задонская) Русь, Аланы, Роксоланы, Чиги, Готы и др.⁹⁷). Это былъ походъ союзныхъ славянскихъ народовъ, устроенный стараніями греческихъ императоровъ для обузданія отложившихся отъ нихъ западныхъ провинцій, въ особенности Галліи и Италіи. Слѣдовательно, вопросъ о „монгольствѣ“ Гунновъ отпадаетъ самъ собою. Гунны или Унны (греки писали *Ούνοι*)—отъ латинскаго *unus*—одинъ, единеніе, союзъ народовъ.

Варшавскій профессоръ Д. Я. Самоквасовъ, занимавшійся долгое время изслѣдованіемъ о скивахъ, не нашелъ никакихъ монгольскихъ народовъ въ юго-восточной Европѣ, откуда Марцеллинь, Клавдіанъ, Юрнадъ и Прокопій (VI в.) выводятъ Гунновъ, т. е. съ восточныхъ береговъ Азовскаго моря, изъ Задонскихъ степей и низовьевъ Волги. Птолемей (II в. по Р. Х.) говоритъ о Гуннахъ, какъ о сѣдяхъ Роксоланъ и Бастарновъ. Армянскій историкъ V в. Моисей Хоренскій, сообщая о вторженіи Болгаръ съ сѣвернаго Кавказа въ Арменію, прибавляетъ, что мѣстность, гдѣ они поселились, получила названіе Ванандъ, т. е. земля Вендовъ, каковымъ именемъ историкъ называли славянъ съ древнѣйшихъ временъ⁹⁸).

Дионисій Періегетъ въ „Исторіи Вселенной“ о Гуннахъ (Унны или Θунны) говоритъ, что они принудили мидянъ заплатить имъ 40.000 золотыхъ монетъ и вообще имѣли такое множество золота, что дѣлали изъ него кровати, столы, кресла, скамейки и проч.

Изъ послѣдующихъ византійскихъ историковъ Прокопій (VI в.) по нравамъ и обычаямъ сближаетъ Гунновъ съ славянами. Кедринъ прямо говоритъ: „Гунны или Склавны“. Изъ западныхъ или ла-

⁹⁷) См. сказаніе Константина Багрянороднаго, въ гл. V.

⁹⁸) Озеро и городъ Ванъ в Орнианъ въ Арменіи и теперь сохранили древніи свои названія. Венетами или Вендами назывались славяне, жившіе въ первыхъ вѣкахъ нашей эры по берегамъ Балтійскаго моря отъ Эльбы до Вислы и на югѣ до Богеміи. Къ племени Венетовъ принадлежали: оботриты, биланды или виланды, укры, гевеллы, ретары или ретры (въ Ретіи, сѣверной горной Италіи), дуличале, сербы (серабы) и др. Теперь этияже именомъ называются остатки славянскаго населенія въ Шварцвальдѣ, на вѣтвяхъ Шваръ, въ 50 мил. востѣ Берлина.

тинскихъ писателей Беда Достопочтенный Гуннами называетъ западныхъ славянъ. Саксонъ Грамматикъ говоритъ о войнѣ Датчанъ съ Гунскимъ царемъ, бывшимъ въ союзѣ съ Руссами, причемъ подъ Гуннами разумѣтъ нѣкоторыя племена балтійскихъ славянъ. „Эдда древнѣйшая“ или Семундова упоминаетъ гунскихъ богатырей, въ томъ числѣ Ярислейфа, т. е. Ярослава, и вообще подъ Гуннами разумѣтъ славянъ. „Вилькинга-Сага“ называетъ городъ славянскаго племени Велетовъ столицю Гунновъ. Значительная часть древней Россіи у Юрнанда названа страню Гунновъ или Гуниваръ. Гольмольдъ говоритъ, что на языкѣ саксовъ славяне назывались собаками, по сближенію названія „гунъ“ съ нѣмецкимъ словомъ Hund. Пользуясь этимъ созвучіемъ, Саксы обратили наименованіе славянъ „гуннами“ въ бранное слово. Страна Гунновъ, по Гельмольду, называлась Гунгардъ (гунскіе города). Шафарикъ въ своемъ историческомъ трудѣ говоритъ, что въ Валисскомъ кантонѣ, въ Швейцаріи, потомковъ поселившихся тамъ когда-то славянъ нѣмцы и до сихъ поръ называютъ Гуннами⁹⁹).

Въ древнѣйшихъ историческихъ актахъ, начиная съ Птолемея, о Гуннахъ говорится какъ-то неопредѣленно, сбивчиво и не какъ объ отдѣльномъ народѣ, но какъ о группѣ, союзѣ нѣсколькихъ народностей, обитавшихъ гдѣ-то за Дономъ, служившимъ тогда границею между Азіей и Европой.

Прокопій (VI в.) называетъ Гунновъ обыкновенно Массагетами, т. е. Великими Саками-Гетами; Прискъ Риторъ, знавшій хорошо этотъ народъ и лично ведшій переговоры съ ихъ знаменитымъ вождемъ Атилой, почти вездѣ именуетъ ихъ скиѳами, т. е. именемъ собирательнымъ; Константинъ же Багрянородный Атиллу называетъ королемъ аварскимъ¹⁰⁰). Да и въ полномъ титулѣ Атилы, переданномъ Юрнандомъ, ни слова не говорится о гунскомъ народѣ. Вотъ его титулъ: „Атила всей Скиѳіи единственныи (только одинъ) въ мірѣ правитель (царь) — *Attila totius Scythiae solus in mundo regnator*“. Подобный титулъ былъ во все время принадлежностью русскихъ великихъ князей: „Великій князь всея Руси“ или „Всея Руси Самодержецъ“. Атила дѣйствительно объединилъ

⁹⁹) „Славянскія Древности“. Т. I, кн. 2—94.

¹⁰⁰) Византійскіе историки говорятъ о двойственности гунскаго народа, называя его то Вархунты (Менандръ), то Варъ-Хуни (Симоката), изъ чего надо полагать, что господствующимъ словесіемъ у славянъ-гунновъ былъ народъ Варъ или кавказскіе Авары.

всѣ славянскія племена Великой и Малой Сѣверн. т. е. Дибировско-и Задонской Руси и заключивъ тайный договоръ съ греками черезъ посредство посла, историка Приска, двинулся громить западныя римскія провинціи, почти уже отложившіяся отъ Византіи. Все это сдѣлало золото, драгоценныя дары греческихъ императоровъ и обѣщанная добыча въ западныхъ провинціяхъ. Изъ гуннскихъ царей, вѣрнѣе вождей, съ 376 по 465 г. известны: Донатъ, Харатонъ, Роа или Радо, котораго Юрнандъ называетъ Roas, а Прискъ—Руа басилеусъ, западные же историки воеводой сѣверовъ—Rhodas; потомъ Атилла и Эдила, сыновья Мундуха или Мундюка; Дангичицъ, Ирнаръ, Данчичъ (Danis) и Ярель—сыновья Атиллы. Изъ второстепенныхъ гуннскихъ вождей известны слѣдующіе: Валаміръ, Блѣдь, Гордь, Синніо, Боррикъ, Реннаръ, Булгуду, Хорсманъ, Сандиль, Заверганъ и др.

Имена Донатъ и Харатонъ христіанскія. Атилла, Эдила, Данчичъ (Дановичъ, т. е. сынъ Дона), Валаміръ, Гордь и другія суть славянскія.

У греческихъ историковъ VI и VII в.в. р. Волга называлась Тиломъ или Черной рѣкой (Θεοφλακτѣ), Атиллою (Μενανδρѣ), Аталіей (Θεοφανѣ) и Атель (Κοιστ. Βαγρ.). По-татарски рѣка эта называлась Эдиль, у арабскихъ писателей IX в. Игналь, у Осетинъ—Идиль. Слѣдовательно, грозный вождь Гунновъ носилъ имя великой русской рѣки Волги. Онъ подчинилъ своей власти всѣ волжскіе, приазовскіе, прикавказскіе и дибировскіе славянскіе народы, описанные въ V главѣ настоящаго изслѣдованія, т. е. Волгарь или Болгарь, Аорсовъ, Аланъ, Черкасоль, Чиговъ, Массагетовъ, Роксоланъ и др., а также привлекъ въ свой союзъ каспійско-кавказскихъ Аваровъ, воинственный и сильный народъ, известный и до сего времени, и съ ними двинулся къ Дунаю, чтобы продолжать начатую его предшественникомъ Радо войну съ греками¹⁰¹. Здѣсь встрѣтили его послы греческаго императора. Изъ записокъ Приска известно, какими условіями, дарами и данью откупились греки отъ

¹⁰¹ Прискъ (V в.) говоритъ о движеніи Аваровъ. Менандръ (VI в.) говоритъ о Варзуніахъ, а Θεοφλακτѣ Симокатта (VII) о народѣ Варъ-Хуни, двинувшемся въ Пелопонн.

Варуиъ Авестія, у иллировъ, по толкованію некоторыхъ,—богъ воды и бурныхъ морей. Варданъ по-Индоевропейски—Кубань. Дибаръ у гунновъ назывался Варъ, собственно именованіе его гетуніе, востокъ. По-Констант. Багратурелъ та же рѣка у иллировъ назъ. Варухъ или Варучъ. Имяице это ищичигами усвоено у тувасинцевъ. Если Варуиъ—богъ кипищихъ морей, Варданъ—бушная кипищая рѣка, какъ и Дибаръ (Варъ) у иллировъ, то изъ этого слѣдуетъ вывести, что народъ Варъ-Хуни то же что буиные, иллионскіе гунны. На Дуиу и теперь въ каждой станицѣ буиныхъ обички называются Варгунками. Доиъ въ отлѣице отъ Вардана назывался Тихій Доиъ.

столь грознаго завоевателя. Предпринимая походъ на западъ. Аттила въ то же время вооружилъ Малую или Казарскую Русь и послалъ ее отбить у персовъ покоренныя ими земли за Кавказомъ.

Какой страхъ массагетская конница навела на западныхъ жителей. — всѣмъ извѣстно. Даже сложилась половица: „гдѣ гуннскій конь ступнулъ, тамъ и трава не растеть“.

Массагеты любили украшать конскую сбрую, свои головные уборы и одежду золотомъ и серебромъ, носили яркіе красные или голубыя кафтаны, брили бороду, оставляя усы, а на бритой головѣ длинный чубъ; въ битвахъ были неустрашими и безпощадны для враговъ. Греческій историкъ Прокопій (VI в.) о нравахъ ихъ выразился такъ: „А Массагеты суть величайшіе пьяницы изъ всѣхъ смертныхъ“. Западные же историки описываютъ ихъ какъ самыхъ свирѣпыхъ и безобразныхъ по наружности, въ мірѣ людей. Убивъ врага, по словамъ этихъ историковъ, они припадали къ ранамъ и сосали изъ нихъ кровь. Не то же ли самое писали западные хроникеры о казакахъ въ 1813 и 1914 г.г. Въ 451 г. Аттила съ несмѣтною силою, простиравшеюся, по однимъ историкамъ, до 500, а по другимъ — до 700 тысячъ человекъ, черезъ рѣку Рейнь вторглся въ Галлію (нынѣшнюю Францію) и опустошилъ ее. На поляхъ Каталаунскихъ, гдѣ нынѣ Шалонъ на Марнѣ, его встрѣтили римскіе легионы подъ начальствомъ Аэція, бывшаго въ союзѣ съ королемъ Готовъ Теодорихомъ, а также съ Бургундами, Франками, Саксами и др. Произошла исполинская битва, въ которой сразились народы, сошедшіеся отъ Волги до Атлантическаго океана. Теодорихъ палъ въ битвѣ. Союзники были разбиты. На мѣстѣ битвы, по римскимъ историкамъ, осталось до 300 тыс. труповъ. Въ слѣдующемъ году Аттила черезъ Альпы двинулся въ Италію, взялъ приступомъ Миланъ и расположился станомъ на р. Минчіо. Тутъ къ нему явилось посольство отъ императора Валентиніана и съ крестомъ въ рукахъ самъ папа Леонъ. Грозный завоеватель умилился краснорѣчіемъ главы церкви и далъ миръ. Это обстоятельство въ достаточной степени подтверждаетъ преданіе, записанное въ „Вилькинга Сангъ“, въ „Нибелунгахъ“ и др. лѣтописяхъ, что Аттила былъ христіанинъ, какъ и его предшественники Донатъ, Харатонъ и др.

Въ 453 г. Аттила умеръ на Дунаѣ въ день своей свадьбы съ прекрасной Пльднкой, упившись, какъ говоритъ Юрнандъ, до безчувствія виномъ. Есть много данныхъ, что онъ былъ отравленъ.

Дворецъ Аттилы, стоявшій въ большемъ селеніи восточной Венгрии, былъ, по разсказу Приска, великолѣпнѣе другихъ его дворцовъ. Онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ, и обнесенъ деревянной оградой съ башнями. Внутри ограды было много домовъ: одни выстроены изъ досокъ съ *узкою* работой, другіе изъ тесаныхъ и выровненныхъ бревенъ. Между постройками была большая *баня*, сложенная изъ камня, привезеннаго издалека. Царскій домъ былъ больше другихъ и стоялъ на возвышеніи. Внутри у стѣнъ стояли скамьи, около которыхъ разставлены были столы на три, четыре и болѣе лицъ. Ложе Аттилы находилось по срединѣ большой комнаты: къ нему вели нѣсколько ступеней. Оно было закрыто тонкими, пестрыми занавѣсками, подобными тѣмъ, которыя были въ употребленіи у римлянъ и грековъ для новобрачныхъ. На пирахъ Аттилы гостямъ подавали отличныя яства на серебряныхъ блюдахъ, самому же царю только мясо на деревянной тарелкѣ, такъ какъ во всемъ онъ оказывалъ примѣрную умеренность. Пирующимъ подносили чарки изъ золота и серебра, а его чаша была деревянная. Изъ напитковъ употреблялись: вино, *медъ* и *камосъ* или *кама*, приготовляемый изъ ячменя, что то вродѣ браги или пива.

Одежда царя была также простая, безъ всякихъ украшеній, хотя отличалась опрятностью.

Оружіе, конская сбруя и головной уборъ также не имѣли никакихъ украшеній.

Посланникъ греческаго императора Прискъ, присутствовавшій на подобныхъ пирахъ, передаетъ обряды чествованія гостей и развлеченія, состоящія въ слѣдующемъ: пѣли былинныя, слушали смѣхотворныя и вздорныя рѣчи юродиваго (шута) скиѳа и ломаніе горбуна-грека, коверкавшаго языкъ латинскій съ гуннскимъ и готскимъ и т. п.

Когда Аттила вѣзжалъ въ свою столицу, его встрѣчали дѣвы, шедшія рядами, подъ тонкими бѣлыми покрывалами, которыя поддерживали съ обѣихъ сторонъ стоящія женщины; въ ряду было до семи и болѣе дѣвъ, а такихъ рядовъ было очень много. Эти дѣвы, предшествуя Аттилѣ, пѣли *скиѳскія* пѣсни. Когда, говорить далѣе Прискъ, Аттила очутился около одного дома, мимо котораго шла дорога къ дворцу, хозяйка вышла къ нему съ многими слуга-

ми: одни несли кушанья, другіе вино.— это у скивовъ знакъ особаго уваженія. Атиллѣ, сидя на конѣ, ѣлъ кушанья изъ серебрянаго блюда, высоко поднятаго слугами. Прискъ впущенъ былъ въ покои супруги царя Креки. Полъ тамъ былъ устланъ дорогими коврами. Царица лежала на постели. Вокругъ нея было много рабовъ. Рабыни, сидя на полу противъ нея, наводили красками на полотнѣ разные узоры. Изъ этого полотна шили покрывала, носимыя поверхъ одежды для красы—гунн¹⁰²).

Походить ли Атиллѣ и его дворъ на кочевниковъ Азии, — представляю судить читателямъ. Описанная выше Юриандомъ наружность Атиллы едва ли вѣрна, такъ какъ этотъ историкъ, писавшій спустя сто лѣтъ послѣ его смерти, ни слова не говоритъ, откуда онъ почерпнулъ эти извѣстія, а потому вопросъ этотъ мы оставимъ открытымъ.

Юриандъ намъ также говоритъ, что у Гунновъ существовалъ еще обычай совершать погребальное ширнество на могильномъ холмѣ, называемое *стравой*, шѣто вродѣ славянской тризны.

Когда Атиллѣ былъ на западѣ Казарская Русь, отправленная имъ за Кавказъ, громла Иверію и Арменію, которыя въ это время были уже подъ властью персовъ. Казаріей же и другими народами, населившими земли при Черномъ и Азовскомъ моряхъ, управлялъ старшій сынъ его Данчичъ. По смерти отца онъ вступилъ на престолъ и въ 467 году потребовалъ отъ Царьграда возобновленія договоровъ. Но императоръ Левъ, пользуясь продолжавшейся войной Руссовъ съ персами, смѣло отказалъ ему въ этомъ. Отказъ вызвалъ войну. Младшій и любимый сынъ Атиллы Ярень совѣтовалъ брату не начинать войны съ греками, когда не только пограничная Русь, Казары и Суроги, но и большая часть Великой Руси отвлечена войной съ персами въ Арменіи¹⁰³). Но Данчичъ не принялъ совѣтовъ брата и вмѣстѣ съ подвластными ему Гетами перешелъ Дунай, гдѣ и погибъ въ бою. Дѣла Казарской Руси разстроились. Война въ Арменіи кончилась неудачно. Персы преслѣдовали Казаръ за Кавказскій хребетъ и овладѣли ихъ гор. Бѣлградомъ (Валаполиемъ или Бѣлополиемъ), расположенномъ гдѣ-то на сѣверномъ Кавказѣ, а не на Дону, какъ думаютъ многіе, такъ какъ

¹⁰² Гунны на Дону называли старую одежду, лохмотья въ горной Галиціи и въ Карпатахъ у гундовъ подъ гуннами разумѣютъ верхнюю парадную одежду.

¹⁰³ Суроги — жители береговъ Сурожскаго или Каспійскаго моря.

до Дона персы проникнуть не могли. въ виду большой населенности этихъ мѣстъ. Въ Малой Скиѣи или въ Малой (Задонской) Руси начинаются междоусобицы. Разныя казарскіе народы враждуютъ между собою, а нѣкоторые изъ нихъ даже принимаютъ сторону Арменій, подкупленные золотомъ армянскаго воеводы Вартана¹⁰⁴). Такимъ образомъ обширная Гуннская монархія раздѣлилась и пала. На ея мѣстѣ по Дону, до Каспійскаго моря и Кавказскаго хребта, въ VII в. возстаетъ могущественная монархія Хазарская.

Глава IX.

Христіанство въ Приазовьѣ и древне-русская письменность.

Христіанство на восточные и сѣверные берега Чернаго и Азовскаго морей проникло весьма рано. Св. Апостоль Симонъ Канонитъ, извѣстный подъ именемъ Зилота (ревнителя закона), по вознесенію Христа, вмѣстѣ съ апостолами Андреемъ Первозваннымъ и Матвѣемъ, по сказанію древнихъ церковныхъ лѣтописцевъ, пошелъ проповѣдывать Св. Евангеліе въ Кавказскія страны. Симону выпало на долю проповѣдывать на западномъ побережьѣ Кавказа, гдѣ онъ и пребылъ до самой своей смерти. Дикіе нравы жителей этой области, древней Севасты, привыкшихъ къ кровавымъ жертвамъ и родовой мести, совсѣмъ не подходили къ кроткому ученію Христа о прощеніи обидъ и братской любви къ врагу. Симону пришлось терпѣть множество жестокихъ обидъ и гоненій и, наконецъ, принять мученическій вѣнецъ. Грузинскій царь Адеркій, гонитель христіанства, велѣлъ распять его на крестѣ. Немногіе ученики похоронили его, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно молился и жилъ, въ простой природной пещерѣ на берегу р. Псырта, близъ нынѣшняго Ново-Афонскаго монастыря.

По другимъ сказаніямъ, Андрей Первозванный изъ г. Едессы, послѣ двухъ дальнихъ путешествій, предпринялъ третье съ нѣсколькими спутниками въ Кавказскія страны, дошелъ до земли

¹⁰⁴) Казаки армянами назывались кушанскъ, кушачи или кушаки. «Исторія Георгія Монаха», ч. 1-я.

Иверской (Грузин). промель Триалетскую область до р. Чороха, выдающего въ Черное море близ нынѣшняго г. Батума, поднялся въ горную Сванетію, гдѣ апостолъ Матвій остался устранивать молодую паству, переправлять черезъ главный хребетъ въ Сегетію, а отсюда спустился на морской берегъ въ Чигію и Гетію, или Джигетію (проф. А. Н. Красновъ).

Въ 26 томѣ „Сборника матеріаловъ по описанію мѣстностей и племенъ Кавказа“ помѣщенъ выписка изъ гражданскихъ Синоксарій VIII и IX в.в., хранящихся въ Сіонскомъ соборѣ г. Тифлиса: изъ этой выписки видно, что Апостолъ Андрей проповѣдывалъ Евангеліе въ странахъ приморскихъ: Вифиніи, Понтѣ, Фракіи и Скиѣи, посѣтилъ великій городъ Севастополь (Сébastopolісь—древній Диоскурій, гдѣ нынѣ Сухумъ), потомъ пошелъ къ сѣверу въ страну Жи-Гетовъ (Чиговъ-Гетовъ), далѣе въ Голю и Тавро-скиюю (Крымъ); былъ также въ г. Боспорѣ, гдѣ нынѣ Керчь. Преданіе, занесенное Несторомъ, говоритъ, что Апостолъ Андрей посѣтилъ Дитирь, былъ на Кіевскихъ горахъ и даже въ Новгородѣ.

Апостольская проповѣдь на восточныхъ берегахъ Чернаго моря не погибла, и христіанство тамъ мало-по-малу укоренилось. Въ IV в. на мѣстѣ погребенія Симона Канонита былъ построенъ храмъ, развалины котораго возобновлены въ 1875 г. (Ново-Афонскій монастырь).

При Юстиніанѣ I въ (527--565 г.) христіанство на Кавказѣ дѣлается повсемѣстно господствующимъ; западное побережье покрывается торговыми городами грековъ, храмами и монастырями подъ прикрытіемъ сильныхъ крѣпостей. Особые архіереи стали управлять епархіями и въ резиденціи митрополита Пандундѣ, въ большомъ торговомъ городѣ, какъ и Севастополь. въ 551 г. строится великолѣпный храмъ Софіи, Премудрости Божіей, на подобіе Константинопольскаго. Туда стекались богомольцы изъ ближайшихъ и приазовскихъ странъ. Пышный расцвѣтъ христіанства на этомъ побережьѣ наступилъ въ XI и XII в.в., когда имперетинскіе цари сдѣлались владыками и Грузіи, и Абхазіи. Своими побѣдами Давидъ Возобновитель высоко поднялъ знамя христіанства надъ ма-сульманскими сосѣдями и объединилъ страну. Даже по современнымъ остаткамъ развалинъ можно судить, какое множество городовъ и храмовъ было на томъ побережьѣ. Начавшіяся съ XV в.

борьба христіанъ съ маеульманами, завладѣвшими даже всей Византійской Имперіей, привела страну въ упадокъ. (Статья проф. А. Н. Краснова „Русская Колхида“).

Помимо грековъ-колонистовъ христіанство рано распространилось и среди туземныхъ жителей восточнаго побережья Чернаго и Азовскаго морей, по низовью Дона и въ Крыму, а именно, среди Чиговъ, Черкасовъ, Аланъ, Гетовъ и Казаховъ; причѣмъ богослужебныя книги были переведены на мѣстные языки, господствующимъ среди которыхъ былъ древній славяно-русскій. О существованіи этой письменности еще въ языческій періодъ мы уже говорили въ VI главѣ; теперь же приведемъ лишь нѣкоторыя данныя изъ исторіи церкви Приазовья. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что Скиѣи, Сарматы и Индѣйцы (Синды Черноморскіе) имѣли уже въ его время (въ IV в.) слово Божіе на собственномъ ихъ языкѣ.

Блаженный Іеронимъ, современникъ Златоуста, въ посланіи къ Летин, его духовной дочери, говоритъ, что „Гуны изучаютъ псалтырь, хладная Скиѣи проникается пламенемъ истинной вѣры, рать (бѣлокурыхъ) Гетовъ носить съ собою походныя церкви“.

Церковный историкъ Созоменъ Саламинскій говоритъ о Скиѣяхъ, какъ о народѣ самостоятельномъ, неподвластномъ Имперіи (Византійской), у котораго множество не только городовъ, но и крѣпостей; что они имѣютъ обширную и богатую столицу Томіеъ. Онъ же называетъ Θεотила, родомъ скиѣа, автокефальнымъ архіепископомъ Томитанскимъ (городовъ Томи и Таны) и всѣхъ прочихъ епархій Скиѣи (кн. 7, гл. 26).

Валафридъ Страбонъ, извѣстный толкователь Библии, жившій въ первой половинѣ IX в. (былъ настоятелемъ въ Рейхенау), около 844 г. пишетъ: „Я слышалъ отъ вѣрныхъ братій, что у нѣкоторыхъ скиѣскихъ племенъ, преимущественно у Томитанъ, и до сего времени богослуженіе отправляется на ихъ собственномъ языкѣ“.

Герберштейнъ въ началѣ XVI в. и ученый миссіонеръ Крижаничъ, родомъ кроатъ, некрестившій во времена Алексѣя Михайловича всю Россію и даже побывавшій около 15 лѣтъ въ ссылкѣ въ Тобольскѣ, положительно утверждаютъ, въ особенности послѣдній, что Кубанскіе Черкасы—славяне и что богослуженіе у нихъ совершается на славянскомъ же языкѣ. (См. главу III).

Въ началѣ IV в. діаконъ Θεοφιλѣ, посвященный Евсевиємъ, былъ посланъ къ Пидамъ Черноморскимъ для поддержанія ихъ въ вѣрѣ. Онъ же потомъ былъ и первымъ епископомъ всей Босфораніи, подписавшимъ въ числѣ другихъ Символъ вѣры Никейскаго Собора въ 325 г.¹⁰⁵).

На актахъ Константинопольскаго Собора въ 381 г., гдѣ участвовали только азіатскіе епископы, имѣется подпись епископа провинціи Скиѳіи (Задонской) Геронтія, митрополія котораго была въ г. Томи на Таманскомъ полуостровѣ. На Ефесскомъ соборѣ, въ 431 г., подиивъ Тимофея, епископа епархіи Скиѳіи. Въ латинскомъ переводѣ подпись эта приведена такъ: „Тимофей, епископъ Томитанскій“, т. е. городовъ: Томи и Таны (на Дону).

На актѣ Константинопольскаго Собора, 449 г., читаемъ на Халкидонскомъ въ 451 г., значится подпись: „Александръ, епископъ области (самостоятельной, независимой) Томеонъ, епархіи Скиѳіи (Акты Соборовъ, т. II).

Вліяніе Томитанской митрополіи простиралось до половины VI в. на обѣ Скиѳіи, т. е. на Великую и Малую, но современн Юстиніана I-го въ актахъ соборовъ подпись Томитанскаго митрополита Скиѳіи прекращается, такъ какъ въ это время г. Тана былъ уже разрушенъ Гуннами, которые къ тому же вели войну и съ турецкими каганами, и съ союзникомъ ихъ Юстиніаномъ, такъ что въ области митрополіи оставалась только одна Босфоранія, заключающая въ себѣ полуострова Керченскій и Таманскій, отрѣзанный отъ твердой земли озерами и рукавами Кубани. Въ виду чего въ актахъ Константинопольскаго Собора 553 г. вмѣсто одной подписи являютсѣ двѣ: Іоаннъ, епископъ митрополіи Босфора, и Домеціанъ, епископъ народа Чиговъ или Чигін (*Δομετιανός τῶν Ζηζιχίων ἑθνεῶς*, или *Ζηζιχίας*¹⁰⁶).

Въ приговорѣ Синода Константинопольскаго противъ ереси Анонімя подписали тѣ же лица, т. е. Іоаннъ, епископъ Босфора, и Домеціанъ, епископъ Чигін.

Христіанство въ Чигін и Черкасіи соблюдалось, какъ обѣ этомъ сказано выше, въ чистотѣ еще долго. Въ XIII вѣкѣ, судя по из-

¹⁰⁵) Символъ библ. Кольтерта; Арта, изданіе Лаббе въ XVII в. Акты соборовъ, т. I. Соборъ Никейскій. На актѣ этого Собора исследователями мало обращено вниманіи, а между тѣмъ въ немъ говорится о Малой и Великой Скиѳіяхъ, въ которыхъ водворилось уже христіанство.

¹⁰⁶) По морской картѣ de Fréduce d'Ancone. Магга Ζηζιχία лежитъ на южной сторонѣ Кубанскаго лимана (Магга lago), за ней Alba Zichia.

вѣстіямъ греческаго историка Георгія Кодина, архіепископъ Чигинъ былъ возвышенъ въ санъ митрополита.

Въ уставѣ греческаго императора Льва Философа (886—911 г.г.) „О чинѣ митрополитичьихъ церквей, подлежащихъ патриарху Константинопольскому“, на 60 мѣстѣ поименована церковь Русская (Росіа), а рядомъ слѣдующая за ней церковь Аланская. Въ числѣ архіепископій, подчиненныхъ Константинопольскому патриарху, на 29 мѣстѣ Восторъ (Керчь) и на 39 мѣстѣ Мотраха (Тмутаракань), рядомъ съ Готіей, Судгіей и Фулой (города въ Крыму¹⁰⁷).

Русская церковь, упоминаемая на 60 мѣстѣ, до Олега не могла быть Киевской, такъ какъ тамъ князени языческіе князья съ языческой же дружиной. Въ договорѣ Олега съ греками также ни однимъ словомъ не упоминается о крещеной Руси, посѣдланія, а посѣдланія и торговельный бранъ въ Киевѣ встрѣчаются только въ княженіи Игоря. Кроме того, отдельные случаи обращенія въ христіанство дѣяровекіихъ руссовъ не могли ссозавить митрополитичьей церкви. Слѣдовательно, подѣ Русской митрополіей, управлительней, по актамъ Никейскаго Собора, церквями въ обшчихъ Сквиіяхъ, первоначально нужно понимать церковь Азовско-Донскую, съ городомъ Росіей, отмѣченномъ на древнихъ картахъ въ устьяхъ Дона и упоминаемомъ въ договорѣ грековъ съ генуезцами въ 1170 году. Это хазарско-тмутараканская Русь, о которой многократно говорятъ многіе древніе историки и географы и часть которой въ XIII в. вошла въ составъ татарскаго царства подѣ именемъ Руссовъ, Гетовъ и Чиговъ. Объ этомъ ясно и опредѣленно говорятъ также современники татарскаго владычества, греческіе историки Никифоръ Григора и Георгій Пахимерь.

Въ X в., съ появленіемъ на югѣ Россіи кочевниковъ, русская митрополія могла быть перенесена въ Киевъ. На это указываютъ и слова договора Игоря съ греками: „Мы же (христіане Руссы), елико насѣ крестилнся есмо, кликомся церковію Св. Ильи въ соборной церкви, предлежащимъ честнымъ крестомъ и харатьею сею, юже есть написано на ней“... „Хрестьянскую Русь водиша ротѣ (обѣту, присягѣ) въ церкви Св. Ильи, яже есть надѣ ручаемъ, конецъ посланичъ бесѣды въ Козарѣхъ“, т. е. въ Казарскомъ концѣ города, гдѣ и была построена церковь Св. Ильи переселившимися

¹⁰⁷) Codini de officiis. Варварское назаніе, т. I, стр. 370 и слѣд.

съ Дона въ Кіевъ христіанами казарами. изъ древне русскои Алаво-Донскои митрополіи.

Гдѣ собственно было мѣстоположеніе города Россіи, отмѣченнаго на картахъ Эдризи (XII в.) и Бенниказы (XV в.), трудно сказать, но только достоверно то, что городъ этотъ находился близъ устьевъ Дона и вѣроятно всего по лѣвой его сторонѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Азова или близъ него. Итальянцы еще и въ XIV в. продолжали называть Азовъ Таной, о чемъ свидѣтельствуютъ найденная тамъ въ 1889 г. надгробная плита венеціанскаго консула Іакова Кориаро, графа Арбѣ, хранящаяся въ Донскомъ музеѣ. Графъ Арбѣ, какъ видно изъ латинскои надписи на плитѣ, умеръ въ Танѣ въ 1362 г.

Въ русскоихъ лѣтописяхъ того времени городъ этотъ носилъ уже наименованіе Азова, отъ народа „Азовъ“ или „Язовъ“, какъ называла себя приазовская алаво-казарская Русь, а не отъ какого-то, какъ думаютъ нѣкоторые, половецкаго хана XI в. Азува, будто бы обитавшаго въ тѣхъ мѣстахъ и построившаго эту крѣпость.

Быть-можетъ это и есть часто упоминаемый историками алаво-каскій городъ—крѣпость Асъ-Кала¹⁰⁸). Слѣдовъ бывшей сильной венеціанскои крѣпости въ Азовѣ уже нѣтъ, она смыта Донскою, какъ смыта уже часть послѣднихъ турецкихъ укрѣпленій.

Casa degli Rossi итальянскихъ географовъ тоже означаетъ г. Азовъ-Россовъ. Турки, захвативъ итальянскую Тану, дали этому городу прежде существовавшее названіе, встрѣчаемое и у нѣкоторыхъ арабскихъ историковъ: Адзака, Ассака, Казака, Казавы, Казовы и Азова, т. е. города народа Асъ-Саковъ, т. е. Казаковъ. Что православное русское поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Азова существовало раньше XI в. и даже раньше X и IX, можно указать на слѣдующія данныя. Въ Азовѣ издревле существовалъ православный храмъ во имя Іоанна Предтечи, который, по старинному преданію казаковъ, считался покровителемъ этого города. Послѣ знаменитаго „Азовскаго сидѣнья“ казаки съ большимъ торжествомъ въ 1643 г. вывели изъ названнаго храма всю церковную утварь, иконы и колоколъ, хранящіеся въ настоящее время частью въ Воскресенскомъ соборѣ Старочеркасска, частью въ Донецкомъ Пред-

¹⁰⁸) Кала или кель—крѣпость, неприступное мѣсто по-персидски. Отъ этого русское слово и сказы, въ престоупчии. Асъ-Кала—крѣпость народа Асъ, какъ себя на своемъ языкѣ именовали алаво, казары и азовскіе Саки или Казаки.

теченскомъ монастырѣ, Воронежской губ., Богучарскаго уѣзда, въ 12 в. отъ Казанской станицы Донецкаго округа. Монастырь этотъ раньше былъ казачьимъ и находился въ предѣлахъ земли Донскихъ казаковъ. Туда и въ другіе монастыри престарѣлые и увѣчные воины донцы ходили на богомолье и часто удалялись на покой, принимая постриженіе¹⁰⁹⁾.

Изъ вывезенныхъ иконъ, свидѣтельствующихъ о древности азовскаго храма, замѣчательнъ образъ Іоанна Предтечи, писанный, судя по сдѣланной на немъ греческой надписи, въ 637 г. Образъ этотъ хранится въ Донецкомъ монастырѣ, а копія съ него въ старочеркасскомъ соборѣ и въ часовнѣ на Монастырскомъ урочищѣ, въ 7 вер. ниже Старочеркасска, гдѣ былъ раньше, въ XVI и началѣ XVII в., главный казачій станъ. Колоколь, въ видѣ шпорокаго конуса, гораздо шире, чѣмъ льютъ теперь, находится также въ Донецкомъ монастырѣ. Колоколь этотъ содержитъ въ себѣ большой процентъ золота и серебра и славится нѣжностью и мелодичностью звука. Вывезенная изъ того же храма изящной венеціанской работы мѣдное, посеребренное паникадило находится въ соборѣ Старочеркасска.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что богослуженіе у приазовскихъ народовъ съ IV в. совершалось на ихъ собственномъ языкѣ. Слѣдовательно, у нихъ была своя письменность и книги священнаго писанія. Алфавитъ былъ тотъ же, что и у Руссовъ-Троянъ, Гетовъ-Руссовъ Италіи (см. гл. VI) и славянъ береговъ Балтійскаго моря, хотя уже, съ теченіемъ времени, измѣненной. Алфавитъ этотъ очень древній, древнѣе греческаго и латинскаго и во многомъ сходенъ съ славянскимъ, т. е. съ Кирилловскимъ.

Въ VI гл. настоящаго изслѣдованія приведены нѣкоторые образцы письменности южныхъ Гетовъ-Руссовъ: теперь скажемъ нѣсколько словъ о древней письменности сѣверныхъ славянъ, употребившихъ почти тотъ же алфавитъ, какъ и Геты-Руссы Италіи.

Въ Берлинскомъ королевскомъ музеѣ находится такъ называемая „Сѣверно-славянская камен“, вырѣзанная на магнитномъ камнѣ. Древность этой камен, по изслѣдованію ученыхъ, не менѣе 2000 лѣтъ. Она изображаетъ моровую язву или чуму въ видѣ нагого скелета съ горящимъ черепомъ и бичемъ въ правой рукѣ.

¹⁰⁹⁾ Донскія дѣла. Кн. I-я, стр. 543 и 913.

Скелеть стоить на колесницѣ, въ которую впряжена пара львовъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ возки. Подъ ногами львовъ лежить другой скелеть, означающій смертоносный поѣздъ чумы. Скаковой ходъ чумы останавливаетъ сѣверная богиня жизни Іеунна, называемая также Идуною. Надпись, сдѣланная подъ фигурами, гласитъ: „А ни дверри отверри; ей тени ехан неби. Нехай ме Хела мти“. —Отъюдь дверей не отворяй, ея тень съѣхала съ неба. Пусть меня Гела отмститъ. Надпись позади чумы, отвѣсно: „Бѣдами оводеиен“.—Бѣдами, окруженна. За симъ слѣдуетъ надпись подлѣ возницы и колесъ: „Амфоні теме ваявѣя“.—Открыто это объявляетъ. Надпись надъ лежащимъ скелетомъ и подъ нимъ: „Его миене иноме и все инне мілоі его“.—Его имѣніе иному и все иное мілое его. За богиней на краю камня: „Ето Іеунна“.—Это Іеунна. Надпись по другой сторонѣ богини, на ея груди и ногахъ говорить о покаящихся въ пескахъ умершихъ отъ чумы: „Уні ураен песех немне тіхо“.—Они орають песокъ нѣмо, тихо. (Рис. 3).

- α ANI ΘΟΥΕΡΡΙ ΘΟΥΗΡΡΙ,
ΕΙ ΦΕΝΕ ΕΧΑΝ ΝΕΒΙ,
ΝΕΧΕΙ, ΜΕ ΧΕΛΑ ΜΘΗ.
- β ΒΘΑΜΥ ΘΩΘΘΕΗΝ.
- γ ΑΜΦΟΝΥ ΘΜΕ ΒΑΙΑΒΙΑ.
- δ ΕΡΦ ΜΙΕΝΕ ΙΝΟΜ.

Сѣверная камя.

Въ древности, какъ говорятъ лѣтописныя сказанія, при появленіи чумы держали всѣ двери запертыми, чтобы избѣгнуть зараженія, а когда лютость болѣзни прекращалась, то жители возвращались въ свои оставленныя жилища и входили въ нихъ черезъ окно. Чума изображалась всегда съ горячей головой. Гела была

богиней сѣверныхъ славянъ Венедовъ и Сорбовъ. къ которой они, какъ повелительницѣ подземнаго міра, обращались съ мольбой о дарованіи блаженной кончины и просили объ отмщеніи. Богиню эту нельзя смѣшивать съ скандинавскимъ адскимъ чудовищемъ Геломъ. Берлинская академія наукъ не могла истолковать этой надписи и это сдѣлать лишь славянинъ Воланскій, примѣняя только существующій славянской алфавитъ и говоръ древнихъ сѣверныхъ славянъ.

Этотъ выдающійся изслѣдователь древнихъ славяно-русскихъ памятниковъ изучилъ всѣ славянскія нарѣчія и такимъ образомъ пролить свѣтъ на жизнь и міровоззрѣнія нашихъ предковъ, доказавъ одно изъ выдающихся историческихъ явленій—глубокую древность славяно-русской письменности. Въ трудахъ его приведено множество надписей, подобныхъ вышеуказанной, и всѣ онѣ ясно подтверждаютъ высказанное имъ мнѣніе.

Помимо этихъ археологическихъ данныхъ на существованіе древней славяно-русской письменности указываютъ еще и слѣдующія историческія сказанія. Ксетій говоритъ, что царь скифовъ вызывалъ на бой Дарія ругательнымъ письмомъ въ 513 г. до Р. X.

Въ VI в. византійцы говорятъ о сѣверныхъ славянахъ, какъ о народѣ образованномъ, имѣющемъ свои собственныя письмена, называвшіяся „буквицей“. О томъ же говорятъ и скандинавскія саги.

Дитмаръ, епископъ Мерзебургскій (род. 975 г.), описывая храмъ Ретры, на южномъ берегу Балтійскаго моря, въ землѣ Ободричей, гдѣ вынѣ Мекленбургъ-Стрелицъ, говоритъ, что внутри его стояли идолы и на каждомъ изъ нихъ было написано его имя. Впоследствии снимки съ этихъ надписей были многократно издаваемы печатно. Занадные ученые того времени не могли истолковать эти надписи, такъ какъ не знали славянскаго алфавита, а позднѣйшимъ и въ голову не приходило примѣнить этотъ послѣдній.

Въ чешской пѣснѣ „Судъ Любуши“, дошедшій до насъ въ спискѣ IX в., говорится, что у престола этой княжны, во время народнаго собранія, стояли двѣ судныя дѣвы: у одной изъ нихъ былъ „мечъ крияду караючи“, а у другой „доски правдодатне“, т. е. доски законовъ. Это значитъ, что законы у чеховъ, въ то время еще язычниковъ, были уже писанные.

Константинъ Порфирородный говорить, что Хорваты, тотчасъ по принятіи христіанства, слѣдовательно, прежде, чѣмъ могли научиться латинской грамотѣ, собственными подписями подтверждали свою клятву папѣ не воевать съ другими христіанскими народами.

Феофанъ упоминаетъ о договорѣ болгаръ съ греками при Константинѣ Копронимѣ, въ 774 г., причемъ обѣ стороны обмѣнялись письменными договорами и грамотами¹¹⁰⁾. Если бы славянская грамота не существовала прежде у болгаръ, а была введена только при царѣ Борисѣ, то было бы трудно объяснить то процвѣтаніе болгарской письменности, которое началось еще при томъ же царѣ и достигло такой высокой степени при его пріемникѣ Симеонѣ.

Въ договорѣ Олега съ греками сказано: „Ношаху сѣи печати златы, а гостіе сребрны: нынѣ же увѣдѣвъ естъ князь вашъ посылати „грамоту“ ко царству нашему: иже посылаемъ сѣце, яко послахъ корабль селько“... „О работающихъ въ Грецехъ Руси у христіанскаго царя: аще кто умретъ, не урядивъ своего имѣнія, цн и своихъ не имать, да возвращатъ имѣнье къ малымъ ближнимъ въ Русь. Аще ли створитъ обриженье, таковый възметъ уриженое его кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдуетъ“. „Иже посылаемы бываютъ отъ нихъ (отъ Руссовъ) послы и гостье, да приносятъ грамоту ишиюче сѣце“. Нѣкоторые полагаютъ, что славяне-язычники пользовались уже въ IX и X в.в. азбукою Кирилловскою, но этого не можетъ быть, такъ какъ азбука эта употреблялась исключительно для книгъ Св. Писанія и распространялась среди славянъ христіанскими учителями, язычники же про нее знать не могли. Впрочемъ, въ самомъ житіи Св. Кирилла и не говорится объ изобрѣтеніи имъ письменъ, а употребляются неопредѣленные выраженія: „И тогда сложи письмена и нача бесѣду писати евангельскую“. Въ житіи Мефодія сказано: „Да ту яви Богъ философу словенскы книги, и абіе устрои въ письмена и бесѣду ставль“.

Объ изобрѣтеніи письменъ въ буквальномъ смыслѣ ничего не сказано. Объ этомъ говорить лишь монахъ Храбръ (списокъ XIV в.), но и тотъ добавляетъ, что на этотъ счетъ существуютъ и другія мнѣнія.

Что философъ Константинъ (Кириллъ) не изобрѣталъ славян-

---

¹¹⁰⁾ Theoph. Ed. Vol. 691 и 775.

скаго алфавита, а нашелъ его уже готовымъ, можно судить по слѣдующему мѣсту Паннонской лѣтописи о жизни этого славянскаго учителя, а именно: при путешествіи братьевъ въ Хазарію они посѣтили Крымъ и тамъ въ г. Корсуни „обрѣте евангелии и псалтырь Русскы (по другимъ спискамъ — *рушскыи*) письмены писаны“. Слѣдовательно, книги Св. Писанія на русскомъ языкѣ существовали въ Приазовьѣ раньше Кирилла и Мефодія. Многіе арабскіе писатели IX и X в. также опредѣленно говорятъ о существованіи у юго-восточныхъ Руссовъ, жившихъ по Дону и нижней Волгѣ, письменныхъ знаковъ, вырѣзываемыхъ на деревянныхъ дощечкахъ и камняхъ для обозначенія или именъ умершихъ, или названій боговъ, а также для предсказаній будущихъ событій (Массуди, Ибнъ-Фадланъ, Ибнъ-ниъ Надимъ и др.)

Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что въ 921—922 г.г. послѣ смерти русскаго язычника на Волгѣ Руссы сожгли его трупъ и на этомъ мѣстѣ насыпали курганъ, въ середину котораго водрузили большое дерево (столбъ) и написали на немъ имя умершаго и имя русскаго царя.

Скифскими письменами пользовались также и тюркскіе народы, жившіе въ Средней Азіи въ V и VI в. Такъ въ 568 г. тюркскій царь Дизабулъ заключилъ союзъ съ Восточной Римскою Имперіей и договоръ по этому поводу былъ написанъ скифскими письменами, за неимѣніемъ у тюрковъ своих¹¹¹⁾. Образцы этой письменности, большею частью на камняхъ, были собраны и прочитаны Томсономъ въ 1893 г. Они даютъ наглядную картину тюркской культуры 733 г. по Р. X. Прекрасное изображеніе ихъ можно видѣть въ книгѣ Л. Соппа „Турки и Монголы“, изданной въ Парижѣ въ 1896 г.

Надписи на известномъ, такъ называемомъ „Чингизовомъ камнѣ“, въ Монголіи, буквами прямоугольной формы, также указываютъ, что древне-скифскій алфавитъ былъ въ употребленіи у тюркскихъ народовъ до начала XIII вѣка.

П. К. Козловъ, посѣтившій въ 1908/9 г.г. центральную Монголію, въ могильникахъ мертваго города Хара-Хото, древней столицѣ Тангутскаго царства (XI—XIV в.в.), нашелъ свыше тысячи томовъ книгъ, писанныхъ на разныхъ языкахъ: китайскомъ, ти-

111) Л. Соппа, „Турки и Монголы“, Парижъ, 1896 г. 73.

бетскомъ, манджурскомъ, монгольскомъ, арабскомъ и на „неизвѣстномъ“. Не есть ли этотъ „неизвѣстный“ алфавитъ древній скифскій? Объ этомъ намъ скажутъ изслѣдователи—ориенталисты.

Глава X.

Хазары-бѣловѣжцы и переселеніе ихъ на Днѣпръ.

О хазарахъ или казарахъ впервые упоминаютъ историки V в. по Р. X., армянскій Моисей Хоренскій и греческій Прискъ Риторъ. Моисей Хоренскій говоритъ о нашествіи на армянскія владѣнія въ концѣ II и началѣ III в.в. „хазировъ“ (аз-ировъ), народа, жившаго по сѣверной сторонѣ Кавказскихъ горъ¹¹²). Государя хазировъ Моисей Хоренскій называетъ „хаканомъ“, словомъ, которое у него означаетъ владыку. Прискъ Риторъ, современникъ Хоренскаго, говоритъ о храбрѣмъ народѣ „акацирахъ“ или „кацирахъ“, „хазирахъ“, обитавшихъ къ востоку отъ Азовскаго моря и управлявшихся князьями. Сопоставляя эти извѣстія съ другими историческими данными, приведенными въ предшествовавшихъ главахъ, приходится прийти къ заключенію, что хазары или казары и казары, отъ *азъ* и *иры* или *ары*, не этнографическое названіе какого-либо отдѣльнаго народа, а просто оно означало „азовскіе люди“—люди *Азъ*: такъ „иръ, аръ, еръ“ на всѣхъ древне-арійскихъ языкахъ, въ томъ числѣ персидскомъ и современномъ осетинскомъ, означаетъ „мужъ“, „воинъ“. Персы называютъ себя *ирами*, осетины—*иرونъ*. Древне-славянскія названія *бойаръ*—боевой мужъ; волгары или болгары—волжскіе люди. Слѣдовательно, хазары—азъ-ары, т. е. мужи или воины народа „азъ“, какъ себя называли аланы и, какъ увидимъ ниже, сами хазары.

Названіе правителей хазаровъ „каганъ“ или „коганъ“ лингвисты объясняютъ различно. Всѣ склонны къ тому, что слово это восточнаго происхожденія и занесено въ Приазовье вмѣстѣ съ халдейскимъ ученіемъ, распространеннымъ въ то время. Но это не вѣрно. Правителей снѣжнаго смѣшаннаго арійско-тюркско-государства, V вѣка по Р. X., въ Закаспійской области также именовали каганами, коханами, позднѣе—кхаханами, кханами и просто хана-

¹¹²) Моисей Хоренскій въ переводѣ Эяля, стр. 134.

ми, каковое названіе у этого народа означало избраннаго народомъ главу, военначальника, обязаннаго заботиться о военной славѣ своего народа, но не деспота. Слѣдовательно, каганъ, коханъ и другія видоизмѣненія этого названія означали „коханый“, изблбленный, *любимъ-батка*, гетманъ, избранный народомъ правитель.

Выше сказано „тюрскаго“ потому, что такъ въ V и VI в. жителей Закаспійской низменности именовали греки. Издрелле же въ тѣхъ мѣстахъ господствовали Геты или, какъ иные ихъ называли, „индоскифы“, говорившіе на языкѣ санскритскаго корня. У нихъ была и своя письменность и даже литература. Въ V в. по Р. Х. они дѣлали переводы съ китайскаго языка; позднѣе они переняли отъ несторіанскихъ миссіонеровъ письменн. сирійскія, изъ которыхъ потомъ образовались письмена монгольскія, калмыцкія и манджурскія. Несторіане распространили въ тѣхъ мѣстахъ христіанство, задавленное впоследствии исламомъ.

Въ VII в., по распаденіи монархіи Атиллы, по р. Дону, отъ Азовскаго моря до Каспійскаго и по нижней Волгѣ возникло новое государство—Хазарское, подъ управленіемъ кагановъ.

Кіевскіе поляне, по Нестору, платили дань хазарамъ. Это подчиненіе должно было оказать вліяніе на жизнь и языкъ днѣпровскихъ славянскихъ народовъ, а потому весьма вѣроятно, что кіевскіе князья въ тѣ времена также назывались каганами. Иначе чѣмъ же объяснить приведенное въ похвальномъ словѣ кіевского митрополита Иларіона, обращенномъ къ Св. Владимиру, наименованіе этого князя „каганъ“: „Похвалимъ же и мы по силѣ нашей малыми похвалами великая и дивная створшаго нашего учителя и наставника великаго Когана (излюбленнаго правителя) нашей земля --Владимера“¹¹³).

Какая народность первоначально стояла во главѣ вновь образованной Хазарской монархіи—неизвѣстно, но судя по тому, какую важную роль въ Гуннскомъ государствѣ играла Малая (Задонская) Русь, Алане, Чиги, Геты и другія славянскія народности, обитавшія въ Приазовьѣ, можно съ достовѣрностью сказать, что славян-

¹¹³) Чтен. Общ. Истор. 1848 г. № 7.

скій элементъ въ той монархіи былъ господствующимъ, хотя въ Прикаспійскомъ краѣ могъ преобладать элементъ и тюркскій.

Хазары имѣли правильное гражданское устройство и построили въ предѣлахъ своихъ владѣній много укрѣпленныхъ городовъ, слѣды отъ которыхъ сохранились и до настоящаго времени. Изъ нихъ по лѣтописнымъ сказаніямъ извѣстны: Осенева, Сугровъ, Шуркань, Рукомъ, Балинь, Чевилуевъ и какъ столица царства — Итиль или Атель, при устьяхъ Волги, а потомъ въ первой половинѣ IX в. стала извѣстна крѣпость Саркель на р. Дону. Лѣтописецъ Несторъ еще упоминаетъ о хазарскомъ городѣ Бѣловежъ, стоявшемъ гдѣ-то въ виду Кіева, для угрозы и удержанія въ покорности полянь.

Нѣкоторые историки полагаютъ, что Саркель и Бѣловежа одинъ и тотъ же городъ, другіе, напротивъ, утверждаютъ, что Бѣловежа стояла у верховьевъ р. Сѣвернаго Донца, близъ нынѣшняго Бѣлгорода, на большой дорогѣ, идущей съ нижней Волги и средняго Дона на Кіевъ. Это послѣднее предположеніе отчасти подтверждается и указаніями древнихъ картъ, изображающихъ Россію до нашествія татаръ. На этихъ картахъ г. Бѣловежа поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Бѣлгородъ, на правомъ берегу р. Сѣв. Донца. Шуркань — ниже лѣваго притока Донца — Жеребца; еще ниже Чевилуевъ, а Сугровъ при устьяхъ р. Айдара, также лѣваго притока Донца.

О построеніи г. Саркела императоръ Константинъ Багрянородный говоритъ, что около 835 г. хазарскій каганъ и хазарскій бегъ (пех) прислали къ императору Теофану послы съ просьбой построить имъ на Дону крѣпость. Императоръ исполнилъ ихъ просьбу и отправилъ на своихъ хеландіяхъ спассирокадидата Петру съ мастерами и рабочими. Въ Херсонѣ (Таврическомъ или Крымскомъ) Петрона пересѣла на плоскодонныя суда, которыя могли ходить по Азовскому морю и р. Танансу. Онъ доплылъ до назначеннаго мѣста этой рѣки и тамъ остановился. Такъ какъ въ этомъ краю не оказалось камня, годнаго для зданій, то греки устроили печи, приготовили кирпичъ и затѣмъ воздвигли крѣпость, названную Саркель, что значитъ „Бѣлая Гостинница“, по объясненію Константина Багрянороднаго, по другимъ — „Бѣлый замокъ“. Современникъ Константина Леонтій, сообщающій то же извѣстіе, хотя

въ болѣе короткихъ словахъ. прибавляетъ, что въ Саркелѣ находился хазарскій горнизонъ въ 300 человекъ, который время отъ времени смѣнялся. Изъ этихъ извѣстій видно, что Саркель не былъ городомъ съ его торговлей и шумомъ жителей, а небольшая, хотя и сильная крѣпость. построенная для защиты отъ неприятелей, а такія крѣпости строятся не внутри государства, а только по границамъ его.

Константинъ Багрянородный указываетъ на Саркель, какъ пограничную крѣпость съ печенѣгами. Кедринъ, писатель XI в., говоритъ уже прямо, что Саркель былъ построенъ для защиты отъ печенѣговъ. Лембергъ въ своемъ изслѣдованіи „О положеніи Саркела“ замѣчаетъ, что въ эпоху его построенія печенѣги кочевали въ степяхъ поволжскихъ, т. е. къ сѣверу отъ Хазарскаго государства. Слѣдовательно, мѣстоположеніе Саркела надо искать въ мѣстности, гдѣ Волга сближается съ Дономъ, т. е. близъ Переволоки, гдѣ впоследствии были казачьи городки Рига и Паншинскій, на островѣ близъ нынѣшней Качалинской станицы. Паншинское городище занимаетъ мѣстность длиною около 350 саж. и шириною 120 саж. Оно состоитъ изъ множества бугровъ и кургановъ, нарытыхъ безъ всякаго порядка; земля перемѣшана съ битымъ кирпичемъ и черепками глиняной посуды.

Что Саркель былъ именно въ той мѣстности, подтверждается слѣдующими историческими данными. Константинъ Багрянородный говоритъ, что „Тавансъ идетъ отъ Саркела“, иначе говоря: крѣпость эта стояла на томъ мѣстѣ, откуда начинался судовой путь по Дону съ Волги въ Азовское море.

Изъ записокъ митрополита Пимена, плываго Дономъ въ Азовъ въ 1389 г., видно, что суда его, миновавъ въ воскресенье устье р. Медвѣдницы, во вторникъ достигли до городища Серклин, которое Карамзинъ признаетъ за Саркель. Пимень плылъ весной. Фарватеръ рѣки путешественникамъ былъ мало знакомъ, а потому они могли подвигаться впередъ только днемъ и то съ осторожностью. Едва ли они могли летѣть при попутномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ на всѣхъ парусахъ. Опытные современные судоводцы говорятъ, что теперь они при попутномъ вѣтрѣ на парусныхъ судахъ могутъ дѣлать въ часъ по 10 верстъ и въ три дня отъ устьевъ Медвѣдницы могутъ дойти до станицы Нижне-Чирской или Верхне-

Курмоярской, но не далѣе. По тому же времени, когда приходилось дѣлать каждый шагъ ощущую и съ большою осторожностью, чтобы не налетѣть на мель при большомъ разливѣ Дона, суда на третій день могли дойти не далѣе станицы Качалинской и вообще Переволоки. Что у хазаръ были укрѣпленія между Волгою и Дономъ, повѣствуетъ и арабскій географъ Масуди, жившій въ половинѣ X в. Онъ говоритъ о походѣ Руссовъ въ 913 г. на 500 судахъ въ Каспійское море и поясняетъ, что на Переволокѣ стояла многочисленная хазарская стража, чтобы удерживать какъ приходившихъ Дономъ изъ Азовскаго моря, такъ и наступающихъ съ сѣвера сухимъ путемъ.

Цымянское городище, близъ хут. Попова, на лѣвой сторонѣ Дона, которое нѣкоторые археологи признаютъ за остатки Саркела, могъ быть и другой торговый городъ Хазаріи. При раскопкѣ этого городища членомъ Московскаго Археологическаго общества Вл. Ив. Сизовымъ въ 1883 и 1884 г.г. были найдены остатки христіанскаго храма, мраморныя колонны, бронзовые и мѣдныя креслы, монета „серебро Владимірово“ и многіе другіе предметы, хранящіеся въ Донскомъ музеѣ.

Извѣстный славистъ Шафарикъ говоритъ, что въ русскомъ языкѣ много словъ персидскихъ, занесенныхъ будто бы въ него сарматами, какъ-то: бугоръ, курганъ, дѣй, богатырь, стряпчій, амбаръ, буза, чертогъ, саръ или царь, богъ, топоръ и др. Кала, а отъ него скала, кель и скель—слова также персидскія, означающія крѣпость, неприступное мѣсто. Саркель—царская крѣпость. Аланскій городъ—крѣпость въ Приазовьѣ Аель-Кала тоже означаетъ Азовская крѣпость или крѣпость народа Азовъ¹¹⁴⁾.

По историческимъ изысканіямъ, какъ сказано выше, хазары не представляли изъ себя какой-либо особой народности. Это было государство, составленное изъ разныхъ племенъ, какъ-то: тюрковъ, пришедшихъ изъ-за Каспійскаго моря, кабардинцевъ (кабарь), уг-

¹¹⁴⁾ Въ русскомъ языкѣ есть слова не персидскія, а общія всѣмъ древне арійскимъ языкамъ. Кроме того въ языкѣ славянъ и литовцевъ есть слова талейскія, относящіяся къ культу религіи. Финскійскій Ваальъ есть вавилонскій Ваальъ или Веель—бѣды. Валтоосъ, балта по-литовскія также означаютъ бѣды. Набу или небо—божество у аваллонитъ. Валтасаръ—Вель-саръ-унуръ (по календарнымъ именованіямъ)—Бѣдый царь. Мардукъ, богъ Вавилона,—богъ или духъ смерти. Мар, мара, (отъ корня меръ—смерть. Сарматы, по Страбону, бросали въ бой, кричали: мара, мара, т. е. смерть! смерть! На Дону старухи часто бранятся: мара тебѣ воляма! Въ подобныхъ словахъ буквы *л* и *е* замѣняютъ одна другую. Искъ означенныя слова занесены въ Халдею древними культурными арійскими народами—аккадцами и шумерами, а на Причерноемъ плоскогорьѣ и въ Индію Саками и Геттами-Руссами.

ровъ, аланъ, Казаховъ, Черкасъ, Чиговъ, Гетовъ-Руссовъ и др. Прочной и однородной національности здѣсь не выработалось. Государство сошло со сцены, не оставивъ никакого опредѣленного этнографическаго типа въ исторіи. Существованіе различныхъ племенъ, не слившихся въ одинъ народъ, объясняетъ намъ и то замѣчательное разнообразіе религій, которое мы встрѣчаемъ здѣсь въ эпоху процвѣтанія хазарскаго государства. Нѣкоторые историки полагаютъ, въ томъ числѣ и Иловайскій, что въ городахъ этого царства разсѣяно было значительное количество еврейскаго населенія. Но это не совсѣмъ вѣрно. Слѣдующія документальныя данныя говорятъ о томъ опредѣленно.

Въ VIII в. хазарскій царь, при дворѣ котораго евреи проповѣдники играли весьма видную роль, добровольно принялъ еврейскую вѣру и обратилъ въ нее часть своего народа.

Около половины X в. главный министр испанскаго калифа, еврей Хасдаи-Иъ-Шапрутъ, узнавъ, что на востокъ будто бы находится самостоятельное еврейское царство, отправилъ къ хазарскому царю приветственное письмо съ просьбой сообщить ему, откуда онъ ведетъ свое происхожденіе. Хазарскій царь Іосифъ отвѣтилъ длиннымъ посланіемъ. Опровергая раздѣляемое Хасдаи-Ибнъ-Шапрутомъ заблужденіе—будто-бы хазары потомки выходцевъ изъ израильскаго царства, онъ подробно рассказываетъ объ обращеніи хазаръ въ еврейство. Изъ этого письма мы узнаемъ, что первый принялъ это вѣроученіе царь Буланъ. Всѣ слѣдующіе за нимъ хазарскіе цари носили еврейскія имена: Обадія, Хискія, Манассія I, Ханука, Исаакъ, Завулонъ, Манассія II, Ниски, Менагемъ, Веніаминъ и Ааронъ. Въ пришествіи Мессіи онъ и его народъ вѣрять, но ничего опредѣленнаго объ этомъ не знаютъ. Выражая удовольствіе по поводу письма Хасдаи, Іосифъ заканчиваетъ свое посланіе слѣдующими словами: „Мы обращаемъ наши взоры на Іерусалимъ и вавилонскія академіи. Да будетъ угодно Богу содѣйствовать дѣлу освобожденія. Ты ищешь, что жаждешь видѣть меня; я также жажду узнать тебя и твою мудрость. Еслибъ это желаніе могло исполниться, и я имѣлъ бы возможность говорить съ тобою лицомъ къ лицу, то ты былъ бы мнѣ отцомъ, а я тебѣ сыномъ; я ввѣрилъ бы тебѣ управленіе моимъ государствомъ“. Слѣдовательно, въ Хазаріи были только еврей-проповѣдники и, быть-можетъ, еще купцы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что византійское правительство неоднократно дѣлало попытки обратить въ христіанство и народъ хазарскій, такъ какъ свѣтомъ этого ученія были уже озарены многіе народы восточнаго побережья Чернаго моря еще съ IV вѣка. но встрѣчая съ одной стороны прѣпятствіе отъ еврейства, а съ другой—волнуемое внутри иконоборствомъ (VIII в.), оно не могло сосредоточить свою энергію на распространеніи Св. Евангелія въ данной мѣстности.

Во второй половинѣ IX в. по просьбѣ хазарскаго кагана, славянскіе апостолы Кирилль и Меѳодій обратили въ христіанство многихъ его подданныхъ. Передъ этимъ братья-апостолы, прибывъ въ г. Корсунь, на Таврическомъ полуостровѣ, нашли тамъ Евангеліе и Псалтырь, написанные русскими письменами, и, научившись читать и говорить на этомъ языкѣ (Паннонская лѣтопись), стали проповѣдывать христіанство въ Хазаріи.

Въ изслѣдованіи Бодянскаго „О времени пропхожденія славянскихъ письменъ“ говорится, что Кирилль упрямилъ своего брата Меѳодія сопутствовать ему въ Хазарію, „зане умѣяше языкъ словенскъ“. Слѣдовательно, братья хорошо знали, что въ странѣ хазарь они будутъ имѣть дѣло съ славянскими племенами и вотъ, какъ необходимое пособіе для ихъ проповѣднической дѣятельности, въ Корсуни имъ попадаются книги Св. Писанія, переведенныя уже на русскій языкъ. Многіе арабскіе историки IX и X в. опредѣленно говорятъ, что Руссы и славяне говорили на одномъ и томъ же языкѣ. Слѣдовательно, господствующій элементъ въ Хазарской монархіи былъ славянской¹¹⁹⁾.

Въ 965 г. Святославъ, великій князь Кіевскій, сокрушилъ могущество Хазарскаго царства и взялъ многіе ихъ города. Окончательное же распаденіе этой монархіи совершилось въ 1021 г. Многіе бѣловещцы, какъ говоритъ лѣтописецъ, тѣснимые съ одной стороны половцами и тюркскими народами, пришли въ 1117 г. въ Кіевскую Русь, гдѣ имъ Владиміромъ Мономахомъ были отведены земли для поселенія.

Изъ договора Игоря съ греками въ 945 г. видно, что въ то

¹¹⁹⁾ Абуль-Касумъ въ „Книгѣ путей и государствъ“ (2-я половина IX в.) говоритъ: „руссы русскіе—они же суть племена изъ славянъ—вывозятъ мѣхъ изъ дальнихъ концовъ Славоніи къ Русскому (Черному) морю и царь Рука (Византія) беретъ съ нихъ десятину. А если желать, то ходить на корабляхъ по р. Славоніи (Волгѣ), проходить по залуу хазарской столицы... Ходить по морю Джурджана (Каспійскому)... Провозить товары на верблюдахъ въ Багдадъ.

время въ Кіевѣ уже была цѣлая окраина, населенная хазарами-христіанами съ церковью Св. Ильи.

Карамзинъ во II т., стр. 78 „Ист. Госуд. Рос.“ говоритъ, что третій сынъ Владимира Мономаха Ярополкъ воевалъ въ окрестностяхъ Дона; взялъ три города въ области Половецкой: Балинъ (бѣлый), Чевшлюевъ и Сугровъ; плѣнилъ множество „ясовъ“, тамъ обитавшихъ, и въ числѣ ихъ прекрасную дѣвицу, на которой онъ женился. Около того же времени Владимиръ выгналъ изъ Россіи берендѣевъ, печенѣговъ и торковъ, новыхъ пришельцевъ: тѣсные половцами и разбитые ими близъ Дона, они искали убѣжища въ окрестностяхъ Переяславля, но любя грабежъ, не могли кочевать тамъ спокойно. Однако-жъ многіе изъ нихъ остались на Днѣпрѣ, были извѣстны подъ общимъ именемъ *черныхъ клобуковъ* или Черкасовъ и служили Россіянамъ. (Воскресенскій списокъ). О томъ, *черные клобуки*, т. е. черныя шапки, барашковыя, назывались Черкасами, говоритъ и Кіевская лѣтопись: „И скопя свою дружину пойде, пойма съ собою Вячеславль полкъ весь и вся Черные Клобуки. еже зовутся Черкасы“. Лѣтопись Владимірова времени упоминаетъ еще о бѣловежцахъ, охотно принятыхъ великимъ княземъ. „Эти обитатели нѣкогда знаменитой крѣпости казарской на берегахъ р. Дона, взятой мужественнымъ княземъ Святославомъ, спасаясь отъ свирѣпости половцевъ, основали новый городъ въ верховьяхъ р. Остера и назвали его именемъ древняго или Бѣлоу-Вежей, коей извѣстны развалины (въ 120 вер. отъ Чернигова) свидѣтельствуютъ, что въ ней находились каменные стѣны, башни, ворота и другія зданія. Казары, наученные греками, строили лучше нашихъ предковъ“. (Карамзинъ).

Изъ приведеннаго слѣдуетъ, что поименованные выше города построены были *Ясами* или *Асами*, т. е. хазаро-аланами, которые на своемъ языкѣ, какъ говоритъ лѣтопись и путешественникъ XIV в. Юсафато Барбаро, сами себя называли „Ась“, но не половцами, какъ многіе думаютъ. Лѣтопись ясно говоритъ, что въ тѣхъ городахъ обитали „ясы“. Половцы, т. е. полевники или степняки, обитавшіе раньше въ Прикаспійскихъ песчаныхъ степяхъ, отчего нѣкоторые историки ихъ называютъ команамъ или куманамъ (отъ кумъ—песчаная степь), были тюркаго племени (племя кочевое), имѣли только становища, ханскія ставки, и городовъ не строили; по крайней мѣрѣ, лѣтописцы объ этомъ ничего не говорятъ.

При распаденіи въ XI в. разноплеменной хазарской монархіи, славянской элементъ съ Дона двинулся ближе къ Киевской Руси, отчего тюркскія племена изъ Прикаспія усилились и завладѣли въ нижнемъ теченіи Дона и Донца раньше построенными тамъ городами и вскорѣ совсѣмъ ихъ разорили, такъ что въ послѣдующихъ вѣкахъ о тѣхъ городахъ никакихъ уже извѣстій не имѣется, кромѣ Азова и Ахаса, упоминаемаго въ началѣ XVI вѣка Герберштейномъ.

Гор. Ахасъ, вѣрнѣе — Ак-азъ, т. е. Бѣлый или свободный городъ народа Азовъ¹¹⁶).

Въ предѣлахъ нынѣшней области войска Донскаго хазарскихъ городищъ очень много, какъ и въ сосѣдней Воронежской губерніи. Всѣ они расположены или по большимъ воднымъ путямъ, по р.р. Дону, Донцу и судоходнымъ въ то время: Медвѣдицѣ, Иловѣ, Хопру, Бузулуку, Воронежу и др., или по торговымъ караваннымъ дорогамъ, идущимъ отъ устьевъ Волги, Дербентскаго прохода (Абабъ-Бабъ — большой путь) и Крестоваго перевала черезъ Кавказскій хребетъ на сѣверъ въ землю Суздальскую и на сѣверо-западъ въ Кіевъ, черезъ переправы на р. Дону: Цымянскую, Бабекую, гдѣ нынѣ станица Константиновская, и Акайскую. О городищѣ при цымянской переправѣ сказано уже выше. Городище при Бабекой переправѣ (Великій перевозъ — по Герберштейну), находящееся нынѣ въ юртѣ Золотовской станицы, еще мало изслѣдовано¹¹⁷; оно находится на большомъ, незатопляемомъ весенней водой островѣ между Старымъ и Новымъ Дономъ; на мѣстѣ его хорошо замѣтны основанія толстыхъ стѣнъ и башенъ, кладеныхъ на извести и цементѣ изъ тесанаго бѣлаго песчаника и хорошо обожженнаго кирпича, съ верхней и нижней сторонами квадратной формы. Одна изъ стѣнъ шла по самому берегу Дона, длиною около полуверсты, съ башнями въ разстояніи одна отъ другой на 5 сажень. По всему разбросаны небольшія курганы и ямы съ мусоромъ изъ битаго кирпича и черепковъ.

¹¹⁶ Акъ по-татарски — бѣлый, а слово бѣлый въ то время означало свободный, никому неподвластный. Рѣдководелье гунигскаго періода, Бѣлая-Велка на Дону, Донцѣ, Остерѣ, въ низовьяхъ Дибира и при устьяхъ Буга означали „свободные города“. Всѣ они были построены народомъ „Азъ“, Черкасами или казаками, Азъ-Саками.

¹¹⁷ Названіе Бабекая отъ „бабъ“ — ворота, путь. Слово это очень древнее; оно встрѣчается еще въ языкѣ халдейскомъ, а потомъ арабскомъ. Вавилонъ или Вавилонъ — широкіе ворота.

Схематическій планъ хѣтеноложени Бабекаго или Золотовскаго городища мною представленъ въ Донской музей. *Авт.*

Мѣстоположеніе этого города было чрезвычайно красиво. Герберштейнъ въ своихъ „Запискахъ о Московскихъ дѣлахъ“ говорить, что на четыре дня пути выше Азова и на одинъ день выше устьевъ Дона на Дону былъ городъ Ахасъ, славившійся красотой своего мѣстоположенія и обиліемъ богатствъ. Указанныя разстоянія какъ нельзя болѣе соответствуютъ расположенію названнаго городища, находящагося въ 150 вер. отъ Азова и въ 30—35 вер. отъ стараго устья р. Сѣвернаго Дона, бывшаго близъ нынѣшней станицы Раздорской. Надо полагать, что городъ этотъ въ концѣ XIV в. былъ разрушенъ, какъ и Азовъ. Тамерланомъ и во времена Герберштейна (1517—1526 гг.) была лишь свѣжа память о немъ.

Этнографическаго названія половцевъ мы не знаемъ. Татары называли ихъ своими конюхами. Киргизы—лучшіе конюхи во всей Средней Азии. Это быть-можетъ и были потомцы. Можетъ-быть это были и нынѣшніе кумыки Терской области, занимавшіе раньше земли по р. Кумъ и по берегамъ Каспійскаго моря. Владиміръ Мономахъ много разъ ихъ прогонялъ въ Задонскія степы, но они, какъ племя кочевое, всякій разъ снова возвращались и нападали на русскія предѣлы. Рубруквисъ ихъ называлъ команами, русскія лѣтописи половцами, т. е. стенниками, ползниками, живущими въ полѣ. Выше приведены данныя, что хазары христіане изъ Приазовья стали переселяться въ Киевскую Русь и даже въ самый городъ Кіевъ еще раньше похода Святослава въ Хазарію: походъ этотъ, надо полагать, былъ предпринятъ собственно противъ хазаръ тюрокъ въ Прикаспійскія степи, о чемъ неоднократно упоминають арабскіе историки того времени, какъ, напримѣръ, Масуди подъ 913 г. и др.

Во времена князя Игоря хазары христіане населяли въ Кіевѣ уже двѣ улицы. Лѣтописецъ Несторъ (Солф. списокъ) говоритъ: „кляся Игорь (при заключеніи съ греками мирнаго договора) и вся мужіе его, елико поганыхъ Русь, Перуномъ, положивъ предъ истуканомъ щиты свои и обнаженные мечи, а христіанскую Русь водиша къ ротѣ (присягѣ) къ церкви Св. пр. Ильи, иже есть нарицаемъ конецъ Пасынецъ бесѣды и Казари: се бо бѣ соборная церковь“.

Хазары бѣловекцы также были христіанами, такъ какъ лѣтописъ о ихъ язычествѣ ничего не говоритъ.

Съ верховьевъ Остера, впадающаго въ Десну, а также изъ Кіева хазары, которыхъ польскіе лѣтописцы X в. именовали черкасами и казаками, усилившись новыми переселенцами съ Кубани и Дона, завладѣли вѣтъ нижнимъ теченіемъ Днѣпра и построили близъ устьевъ этой рѣки, немного выше впаденія въ нее Ингула, новый городъ подъ ихъ старымъ любимымъ названіемъ „Бѣловежа“, т. е. свободный городъ. Около того же времени появляется Бѣловежа и при устьяхъ Буга. Эти Черкасы-Бѣловежцы впоследствии стали именоваться казаками бѣлгородскими, т. е. людьми свободными, не подвластными никому. Греческій Импер. Константинъ Багрянородный подъ 948 г. говоритъ объ упорной битвѣ Казаховъ или казацкаго народа съ тюрскими племенами, въ которой казаки остались побѣдителями.

Укрываясь въ недоступныхъ дебряхъ Днѣпровскихъ пороговъ, Черкасы-Казаки къ концу X в. стали уже грозой для соседнихъ враждебныхъ племенъ. Видя ихъ силу и храбрость, польскій король Болеславъ Храбрый въ борьбѣ съ братьями за престолъ пригласилъ (въ 992 г.) казачество къ себѣ на службу и съ ихъ помощью поотнялъ у братьевъ удѣлы и распространилъ границы своего государства отъ Дуная и низовьевъ Днѣпра до Балтійскаго моря¹¹⁸).

Оберегая границы Польскаго и Русскаго государствъ на югѣ отъ вторженія разныхъ тюрскихъ племенъ, Черкасское казачество въ то же время вело упорныя войны съ тѣми же племенами въ низовьяхъ Дона и на Кубани, отдавшись подъ покровительство русскихъ князей. Область эта, извѣстная по лѣтописнымъ сказаніямъ подъ древнимъ ея названіемъ Тмутаракани, досталась въ удѣлъ сыну Владимира Святого (отъ Рогнеды) Мстиславу. Этотъ храбрый и предприимчивый князь въ союзѣ съ греками уничтожилъ послѣдній оплотъ кагановъ въ Тавридѣ и отдалъ этотъ полуостровъ своимъ союзникамъ. Вскорѣ онъ подчинилъ своей власти и остальные казацкія общины, жившіе за Кубанью, извѣстныя у Нестора подъ именемъ Касоговъ, по другимъ лѣтописямъ—Касаговъ, а у грековъ—Казаховъ, рѣшивъ этотъ вопросъ, чтобы не губить дружину, единоборствомъ съ ихъ предводителемъ, богатыремъ Редедей.

Что эта часть казачества отдалась добровольно подъ покрови-

¹¹⁸) Исторія Польши. Лѣтописное сказаніе о Малой Россіи. Ригельманъ. 1785—86 г. изд. 1847 г. стр. 10.

тельство русских князей, видно уже из того, что предводитель их Редя сам предложил Мстиславу единоборство, говоря: „на что губить дружину? одолжи меня и возьми все, что имѣю, жену, дѣтей и страну мою“. Мстиславъ, бросивъ оружіе, схватился съ великаномъ. Князь остался побѣдителемъ, и вся страна покорилась добровольно.

По смерти отца Мстиславъ вознамѣрился завладѣть великокняжескимъ престоломъ и съ этой цѣлью, собравъ подвластныхъ ему казаръ, Черкасовъ или казаковъ, изъ Приазовья двинулся на Днѣпръ. Кіевскаго великаго князя Ярослава не было въ столицѣ. Кіевляне затворились и не пустили Мстислава, но Черниговъ сдался ему безъ сопротивленія.

Ярославъ, бывшій въ это время въ землѣ Суздальской, посѣщилъ въ Новгородъ и обратился за помощію къ преданному ему варяжекому полководцу, уже престарѣлому Якуну. Этотъ знаменитый въ свое время витязь съ 15 тыс. отборнаго войска немедленно двинулся внизъ по Днѣпру. Ярославъ съ своею дружиною слѣдовалъ за нимъ. На берегу р. Руды, близъ Листвена, 1024 года произошла кровавая битва двухъ братьевъ за великокняжескій тронъ. Мстиславъ, поставивъ преданныхъ ему черниговцевъ и сѣверянъ въ центрѣ своего войска, любимую же дружину, конниковъ казаковъ-Черкасовъ, вооруженныхъ саблями и копьями, по крыламъ. Битва была упорная. Варяги стояли мужественно. При свѣтѣ молніи страшно блистало оружіе, говоритъ лѣтописецъ. Наконецъ, стремительная атака казацкихъ дружинъ рѣшила битву. Якунъ и Ярославъ съ немногими остатками своихъ войскъ бѣжали въ Новгородъ.

Скоро Мстиславъ изъявилъ рѣдкое великодушіе и добровольно уступилъ великокняжескій престолъ Ярославу, оставивъ за собою всю лѣвую часть Днѣпра и Тмутараканское княжество, Ярославу же отдалъ правую.

Тмутараканское княжество было во владѣніи русскихъ великихъ князей до временъ Владимира Мономаха, когда усилившіеся половцы окончательно отрѣзали все Приазовье отъ Днѣпра, и казацкія общины, занимавшіе земли по восточнымъ берегамъ Азовскаго моря, были предоставлены самимъ себѣ. О судьбѣ этого на-

рода сказано въ III главѣ настоящаго изслѣдованія: „Черкесія и ея прошлое“.

Изъ приведенныхъ въ предшествовавшихъ главахъ данныхъ видно, что казачество выступило на историческое поприщѣ подъ своимъ собственнымъ именемъ гораздо раньше Батыева нашествія и даже было извѣстно въ глубокой древности: народъ Казосъ, по Дарету и Диту (XIII в. до Р. X.); Азы и Саки или Азсаки, съ гортаннымъ предыханіемъ — Казсаки или Казаки, по Страбону (I в. по Р. X.); Кушаки, по армянскимъ историкамъ V в. (Геор. Монахъ, греч. историкъ); Казахи, по Констант. Багрянородн. (X в.) и по Нестору — Ясы и Касоги.

Подъ именемъ Черкасовъ (Сер-Асовъ) по Свѣтонію и Птолею (II в. по Р. X.) и по позднѣйшимъ историческимъ актамъ, даже до XVIII вѣка.

Подъ именемъ Гетовъ въ теченіе 35 вѣковъ, начиная съ похода Гетовъ въ Египетъ и переселенія Гетовъ-Руссовъ въ Италію. Крупная надпись Рамзеса II на камнѣ храма Мединетъ-Абу въ Фивахъ говоритъ, что онъ былъ окруженъ Гетами въ битвѣ при Каденѣ и остался цѣлъ среди тысячъ. Подъ именемъ мореходцевъ Чиговъ или Чиговъ-Гетовъ — начиная со Страбона до настоящаго времени, т. е. въ теченіе почти 20 вѣковъ.

Слѣдовательно, названіе народа „Казаки“, отъ *Асъ* и *Саки*, есть собственное, о чемъ свидѣлствуютъ историки въ теченіе многихъ вѣковъ, а потому домыслы нѣкоторыхъ нашихъ лингвистовъ, что будто-бы названіе это явилось съ востока и „по всей вѣроятности“ татарскаго происхожденія, не имѣютъ подъ собою никакой почвы такъ какъ въ татарскомъ языкѣ не было и нѣтъ корней, отъ которыхъ можно бы произвести это названіе. Кромѣ того, татарскій языкъ, какимъ онъ представляется въ настоящее время, сравнительно новый и произошелъ отъ смѣшенія многихъ языковъ, говоровъ и нарѣчій и въ который вошло очень много словъ древне-персидскихъ, славянскихъ, остатковъ древнихъ арійцевъ Средней Азіи, монгольскихъ, арабскихъ и другихъ народовъ, съ которыми эти полудикія орды въ теченіе вѣковъ сталкивались и смѣшивались¹¹⁹⁾.

¹¹⁹⁾ Въ татарскій языкъ изъ славяно-русскаго перешли слѣдующіе слова: ата — отецъ, русское тата, тати, ати, ади, бата. Бабай — дѣдъ, свиное (по Геродоту) папай — богъ, отецъ, сербское баба — дѣдъ, русское дѣда, бабка. Казакитъ — поддѣвка, казакитъ. Шланиа — шлана, Тасма — тесма.

До XI в. у татаръ не было ни наукъ, ни искусствъ, ни литературы и даже письменности. Все это они заимствовали у другихъ народовъ. Самое названіе „татары“ не принадлежитъ этому народу, а дано имъ другими. Нѣкоторые недавно указывали въ печати, что въ киргизскомъ языкѣ есть слово „казакъ“ и что часть этого народа и теперь называетъ себя казаками. произнося это названіе какъ *кайсакъ* или *казакъ*. Что же изъ этого слѣдуетъ? У насъ въ арміи есть названія: керасиры, гусары, уланы, драгуны и др. Развѣ это русскія названія частей войскъ? Слово солдатъ вѣдь тоже не русское. Киргизы—кайсаки есть остатки прежнихъ ордынскихъ казаковъ, раньше служившихъ въ татарскихъ войскахъ и составлявшихъ нерѣдко отряды ханскихъ тюлюкхановъ. Они произошли отъ смѣшенія древнихъ коренныхъ казаковъ съ татарами и подъ влияніемъ магометанства настолько ассимилировались, что только сравнительная антропология можетъ доказать, что въ жилахъ ихъ течетъ больше аріейской крови, чѣмъ монгольской или турецкой.

Сенковскій въ статьѣ „Казакъ“ еще въ 1834 г. говорилъ: „Мы не думаемъ, чтобы можно было разсуждать о происхожденіи слова „казакъ“ безъ пособія ориентализма и его исторической критики“. Можетъ-ли подобнымъ взглядомъ руководиться серьезный историкъ казачества въ то время, когда передъ его глазами проходитъ вся многовѣковая жлзнь народовъ Приазовья съ собственными и нарицательными именами: Казосъ, Асъ или Азь, Азь-Саки, Казахи, Касоги, Касаги, Кушаки и др. и искать гдѣ-то въ туманной исторіи востока объясненіе имени, которымъ съ гордостью называлъ и называется себя въ теченіе многихъ вѣковъ своеобраз-

---

влатна—подолго. Жей—шея (шей), рубецъ. Сирга—серьга. Плазакъ—браслетъ, на Дону бязилки в бязилки, отъ греческаго бязилеусъ—шаръ, парекы украшенія. Баламыкъ—балтушка. Май—масло. Гарниты—горница. Кривъ—хривъ. Вальсакъ—бальзамъ. Арышъ—роза. Богдай—шеница (Богъ дай). Соло—оноса (солодъ). Карбизъ—арбузъ. Бакча—багшанъ, огородъ. Кабесты—капусты. Макъ—макъ. Кабакъ—тыква, на Дону также кабакъ. Каузыкъ—дегъ, каузы; по малороссійски каузы—арбузъ. Патузъ—подносъ. Чайнекъ—чайникъ. Чышакъ—чайная. Тирлякы—тарелка. Караватъ—кровать. Сказемъ—сказенка. Эшкякъ—шкафъ. Учалъ—олягъ. Шумала—помело. Ухуатъ—ухватъ. Чувиль—чугунъ, на Дону—чугунъ. Лаканъ—лоханъ. Таклы—мылка (отъ толкать, толочь). Казтъ—клять. Кашма—заборъ (калма). Амбаръ—амбаръ. Землякы—землянка. Тяже—тяжъ (тянуть). Дуга—дуга, отъ слова тугой. Эплекъ—шлемъ. Неурекъ—потреба. Атъ—лошадь, конь. Атъ збуры—сбруа. Аепк—овинъ. Казу—кузовъ. Саламъ—солома. Начилька—носилки. Пудавка—пудовка. Алаша—мерный, лошади. Казы—коза. Ана—мать. Ана казы—гусь, осетри. газъ, отрусское гасъ. Ата казы—гусакъ. Ана курсы—индюки. Ата курсы—индюкъ. Куке—кукушка. Ала карга—ворона, на Дону также карга. Кара карга—грачи. Чалы—судой. (На Дону чалы—лошадь сѣро-гнѣдая). Сакъ—осторожный. Дузь—алон, извѣстляны. Пуль—пули. Ядры—дробь. Алтынь—золото. Золотая монета—алтынь тынык (золотая денга). Кляша—кляда. Станъ—станокъ. Струкъ—стругъ (стружить) и многіе другіе.

ный народъ—казаки. Правда, на востокъ можно искать лишь отклики названій этого древняго и свободолюбиваго народа, занесенные туда вмѣстѣ съ походами древняго гетскаго казачества и его колонизаціей.

О нашествіи Скивовъ, Массагетовъ и Саковъ на Переднюю Азію говорятъ Геродотъ, Страбонъ и другіе древніе историки и даже еврейскіе пророки Іеремія и Іезекіиль. Походы эти совершались черезъ Кавказскій хребетъ и изъ-за Каспійскаго моря. Геродотъ даже говоритъ о 28 лѣтнемъ господствѣ Скивовъ надъ Азіей (IV, I). Естественно, что этотъ предприимчивый народъ послѣ каждаго нашествія оставлялъ въ покоренныхъ имъ земляхъ своихъ представителей, частью въ теченіе вѣковъ смѣшавшихся съ мѣстными жителями и вполне ассимилировавшихся, а частью въ цѣлости сохранившихъ до послѣдняго времени свой первоначальный арійскій типъ. Древніе Геты-Россы въ Гедросіи, гдѣ нынѣ Белуджистанъ (станъ Белучей), достаточно удержали свой арійскій обликъ, хотя языкъ ихъ подъ страшнымъ давленіемъ магометанства потерпѣлъ довольно значительныя измѣненія. Въ малодоступныхъ ущельяхъ Гиндукуша и по западному склону Памировъ сохранился чрезвычайно красивый короткоголовый арійскій типъ съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами. Это племена гальчи и ягнаубъ. Магометане ихъ называютъ кифирами (невѣрными). Многовѣковая борьба этого малочисленнаго народа съ тюрскими племенами закалила ихъ духъ и воспитала гордость и стремленіе къ свободѣ и независимости. Гальчи считаютъ себя потомками благородной расы, той арійской расы, которая оставила намъ великіе письменныя памятники—Авесту и Ригъ-Веду и предкомъ своимъ того, „има котораго прославляется множествомъ устъ“. Языкъ ихъ, арійскаго корня, мало изслѣдованъ. По религіи они язычники и сохранили многіе обычаи предковъ, напр., поклоненіе домашнему очагу.

Населеніе современнаго Афганистана, по типу, языку и образу мыслей, состоитъ изъ арійскихъ элементовъ. У многихъ афганскихъ племенъ, обращенныхъ въ исламъ, даже сквозь новую обрядность просвѣчиваютъ обычаи, аналогичные обычаямъ кяфировъ и гальчей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ древности обитатели этой мѣстности были болѣе чистой расы; теперь среди нихъ много монго-

ловъ, тюрокъ, семитовъ-евреевъ и арабовъ, потомковъ завоевателей и переселенцевъ, явившихся туда въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. У тюркскихъ племенъ всей Средней Азій, извѣстныхъ подъ разными названіями: туркменъ или туркомановъ, киргизовъ, каракалпаковъ, узбековъ и др., также течетъ не мало арийской благородной крови. Помимо этихъ остатковъ древнихъ арийцевъ (Гетовъ-Руссовъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Индоскиновъ), въ Азію насильственно было переселено татарами много десятковъ тысячъ славянъ съ юга нынѣшней Россіи, въ томъ числѣ и казковъ изъ Приазовья, непожелавшихъ вмѣстѣ съ татарами принять исламъ (въ XIV в.). Такъ, напримѣръ, къ лѣтописямъ сохранилось одно сказаніе, изъ тысячи такихъ случаевъ, что одинъ золотоордынский ханъ, ревностный масульманинъ, подарилъ своему азіатскому надшаху и калифу сразу около 30 тыс. русскихъ воиновъ, набранныхъ для службы въ Золотой Ордѣ. Ихъ завели въ глушь Малой Азій и на пути близъ Багдада, окруживъ своими войсками, заставили принять масульманство, совершить обрѣзаніе, переодѣться въ восточный военный костюмъ и въ такомъ видѣ предстать на смотръ предъ грозныя очи калифа. Такимъ же образомъ русскихъ воиновъ посылали на службу и въ глубь Средней Азій и даже въ Пекинъ.

Гарнизоны въ Пекинѣ, Багдадѣ, Каирѣ и городахъ Туркестана очень часто состояли изъ русскихъ плѣнниковъ и рекрутъ. Всѣ войны въ Азіи монголы вели, расходуя на это русскихъ воиновъ и плѣнниковъ. Остатки этихъ-то невольныхъ переселенцевъ и встрѣтилъ въ 60 годахъ XIX в. венгерскій ученый путешественникъ Вамбери въ сѣверномъ Афганистанѣ подъ именемъ хезире, хозаре, т. е. хазарь, а также и Гунновъ. Отъ остатковъ этихъ-то насильственныхъ переселенцевъ, а главнымъ образомъ отъ древнихъ Гетовъ-Руссовъ, владѣвшихъ въ древности Средней Азіей, и потомъ вновь проникшихъ туда, какъ завоеватели, и образовалось среди дикихъ тюркскихъ племенъ нарѣчіе, какъ болѣе другихъ обработанное и имѣвшее много общаго съ языками арийцевъ, — „джигатайское“ или „джигетское“, на которомъ въ началѣ XVI в. написалъ свои знаменитыя „Записки“ андижанскій ханъ Сехиръ Эддинъ Мохаммедъ Бабуръ, покоритель Индіи, принявшій послѣ этого титулъ Великаго Могола, а потомъ, въ первой половинѣ XVII в., составилъ генеалогію татарскихъ хановъ хивинскій ханъ

Абуль-Гази. Вотъ почему, какъ отголосокъ имени и славы древнегетскаго казачества, заброшеннаго въ глубь Средней Азіи, и какъ подражаніе ихъ удали и ухваткѣ, явилось тамъ, собственно въ джигатайскомъ нарѣчій, наименованіе свободнаго, никому неподвластнаго вонна „казаклыкъ“, „казакламакъ“, часто употребляемое Бабуромъ, съ тюрско-татарскимъ глагольнымъ окончаніемъ „макъ“, а у масульманъ наименованіе воиновъ „гази“, въ смыслѣ побѣдителя, и слово „газабать“—война за отечество, священная война¹²⁰). И это все, что могли найти ориенталисты на востокъ для объясненія слова казакъ.

Выше сказано (стр. 156), что Геты-Руссы въ древности владѣли Средней Азіей,—на это существуютъ положительныя указанія, добытыя современными научными изслѣдованіями¹²¹).

Въ концѣ XVIII в. у арійцевъ Индіи были найдены два замѣчательныхъ памятника древней арійской литературы, занесенные туда, судя по многимъ, приведеннымъ въ нихъ указаніямъ, изъ странъ болѣе сѣверныхъ, чѣмъ Индія,—это книги Авеста (вѣсть, извѣстіе, свидѣтельство), написанная на языкѣ, близко стоящемъ къ языку пельви (древне иранскому, языку парси или пороси, а этотъ послѣдній къ древне русскому), и Ригъ-Веда (сладкъ, собраніе знаній), написанная на языкѣ санскритскомъ, считающемся прародителемъ всѣхъ европейскихъ языковъ.

Въ книгахъ этихъ собрано множество поученій, изреченій, законовъ и гимновъ въ честь боговъ и разныхъ явленій природы древней родины арійцевъ, покинутой ими въ глубокой древности, вслѣдствіе постигшихъ страну наводненій, а потомъ засухъ (сушны) и другихъ бѣдствій, превратившихъ ее въ пустыню.

По указаніямъ Ригъ-Веды и Авесты, родина арійцевъ—страна „совершеннаго творенія“, „утренней зари“, страна „въ срединѣ между водъ“ (рѣкъ), ограниченная съ сѣверо-востока, юга и сѣверо-запада высокими горами, откуда брали свое начало семь рѣкъ, сливавшихся въ одно общее русло, подобно вѣтвямъ дерева, сходившимся въ одинъ общій стволъ, несшимъ свои воды въ море.

Изслѣдованія показали, что страна эта—наше Семирѣчье, въ

¹²⁰) „Бать“ или батъ, а отъ этого наше бата и батюшка, персидское пата, индусское патя, греческое патресь, латинское патеръ—слова часто арійскія. Названіе газанъ, отъ ази, лъъ а ась, связывается съ народомъ „азъ“, Азми-Саками береговъ Азовскаго моря.

¹²¹) „Родина народовъ арійской расы, гдѣ она была и стого покинута“. А. П. Чанковскій. М. 1914 г.

Средней Азии, въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, гдѣ текутъ рѣки: Чу (Чумури или Сарасвати по Ригъ-Ведѣ), бывшая когда-то главной рѣкой этой системы, бравшая свое начало съ высокой горной долины, гдѣ нынѣ озеро Иссык-Куль, а теперь полусухая, теряющаяся въ песчаныхъ степяхъ: Сыръ-Дарья (Сира по Ригъ-Ведѣ), Аму-Дарья (Ямуна по Ригъ-Ведѣ), Яна-Дарья, Ардвигура-Анаити, сухія русла которыхъ и теперь видны, и др. Всѣ эти рѣки, сливаясь въ одну, несли свои воды на западъ, въ Каспійское море: русло это и теперь замѣтно.

Рѣки и горы, изъ которыхъ онѣ вытекаютъ, сохранили по настоящае время почти тѣ же названія, что и 4 тыс. лѣтъ тому назадъ.

Названіе рѣки „Дарья“ и именно Ямуны въ Авестѣ встрѣчается три раза — Ямуна-Дарья. Въ Ригъ-Ведѣ названія „Дарьи“ нѣтъ, но за то упоминается Сира и Ямуна (ч. IV, гл. III, гимнъ VI, § 17) — „берега Ямуны гремѣли моимъ богатствомъ“... „чтобы счастливо Суна (Чуна, Чу) и Сира орошали насъ своимъ молокомъ“ (ч. III, гл. VIII, гимнъ VII, § 8).

Воспѣтая арийскими пѣвцами мѣстность, орошаемая „ семью потоками, спускавшимися съ небесъ“, и тысячами каналовъ, была въ высшей степени плодородна, съ благоприятнымъ для развитія культуры климатомъ.

Многочисленные города, роши, луга и тучныя нивы покрывали ея плодородныя равнины. Всюду царили миръ и благоденственный покой. Народъ, населявшій эту мѣстность, стоялъ на такой высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія, до которой еще не поднимался не одинъ народъ древности.

Религія народа есть вѣрнѣйшее мѣрило культурнаго его развитія. Арийцы Семирѣчья вѣровали въ Единого Бога, „сотворившаго всю вселенную: первоначально воздушную влагу (хаосъ), а потомъ небо и землю. Этотъ Великій и Мудрый Богъ возникъ самъ собою съ блескомъ, придавая всему свою красоту и силу“. (Ригъ-Веда, ч. 8, гл. 3, гимнъ XI).

Ст. 3: „Тотъ кто есть нашъ отецъ, кто породилъ и совмѣщаетъ въ себѣ всѣ существа, знаетъ каждый міръ“.

Ст. 5: „Влага (хаосъ) несла въ своей груди Того, превыше

неба и земли, боговъ и Асуровъ. Того, кто даетъ свѣтъ вѣмъ божескимъ существамъ“.

Ст. 6: „На пупѣ Бога несотвореннаго покоился Экамъ, въ которомъ находились все мѣры“.

Ст. 7: „Вы знаете Того, кто создалъ все эти вещи,— это Тотъ самый, который есть внутри васъ. Но въ нашихъ глазахъ все это покрыто какъ бы сѣткой сѣбга... Наши сужденія темны“...

Вотъ въ какой древности наши предки арийцы признали первопричиной вселенной „единое самозарождающееся начало“. Единого Бога, стоящаго „превыше неба и земли“ и вѣхъ выдуманныхъ людьми боговъ и обоготворенныхъ народныхъ героевъ Асуровъ, признали Того самого, который внутри насъ и образно толковали, что на пупѣ Бога несотвореннаго покоился какой-то объектъ—Экамъ, въ которомъ находились все мѣры.

Не видна ли въ этомъ гимнѣ цѣлая космогоническая система, показывающая, какъ далеко ушли наши предки въ области мысленія 4 тыс. лѣтъ тому назадъ.

Въ Ригъ-Ведѣ три раза упоминается рѣка Раса, наполнявшаяся „водой стремительной“. Значеніе этой рѣки опредѣляется въ гимнѣ священному напитку Сома, гдѣ авторъ проситъ „послать къ нимъ росу покровительницу“ и пусть она у нихъ будетъ тѣмъ же, „чѣмъ есть рѣка Раса для странъ, кон она обтекаетъ“. (Веда. 7. 8. XXIX, § 6). Какъ въ Ригъ-Ведѣ, такъ и Авестѣ росы и дающія ихъ зори, а въ особенности вода воспеваются во множествѣ гимновъ.

„Вы, о Зори, для вашихъ щедрыхъ обогатителей открыли это настбище (небесное), гдѣ раздастся взрывъ (громъ) и откуда сбѣгаютъ семь потоковъ“ (Веда, ч. 7, гл. 8, гимнъ 8, § 8).

Въ Авестѣ (Ясна. LXIV) молитва генію водъ, собственно рѣкъ Ардвигура-Анантѣ:

„Достойна жертвоприношеній отъ тлѣснаго міра“. „Чистая, развивающая дѣятельность, дающая процвѣтаніе стадамъ“.

„Дающая процвѣтаніе земнымъ существамъ, земнымъ владѣніямъ, странамъ“.

„Очищающая сѣмя вѣхъ людей“.

„Очищающая утробу женщинъ для дѣторожденія; дающая вѣмъ женщинамъ молоко; воду громадную, слышную издалека, текущую съ силой съ высоты Хукайрыи къ морю Воурукана (Каспійскому), гдѣ все устья рѣкъ соединяются; рѣка принимаетъ каналы (1000.)

длинной 40 дней пути для человека, идущаго на крѣпкихъ лошадахъ”.

Также: „Воды, будьте въ радости; жрецы приносятъ жертвы святымъ водамъ“.

„Воды, я прошу у васъ дара большой цѣнности. Дайте его мнѣ, воды свѣтлыя, земли и растенія. Дайте мнѣ даръ лучшій, что есть еще чудеснѣе, что есть еще дорожее, чѣмъ это“...

Поклоняясь единому Богу, творцу неба и земли, арийцы въ то же время обоготворяли и кормилицы — рѣки, воду, какъ единственный источникъ ихъ благосостоянія, посвящая ей многіе гимны. Словомъ, въ Аріанѣ былъ распространенъ культъ поклоненія водѣ, росѣ.

Изъ приведеннаго выше гимна росѣ и рѣкѣ Расѣ, обтекающей страны, т. е. дающей питаніе цѣлой странѣ, какъ и роса для отдельной мѣстности, ясно видно, что подъ словомъ „роса“ понимается влага, вода атмосферная, а подъ „Раса“ — вода, текущая въ массѣ, рѣка или цѣлая система рѣкъ.

Аріану постигли разныя бѣдствія: горная долина, откуда главная рѣка всей системы Сарасвати брала свое начало, провалилась и на томъ мѣстѣ образовалось замкнутое со всѣхъ сторонъ большое горное озеро Иссыкъ-Куль, недавшее истока. Сарасвати обмѣлѣла, а потомъ совсѣмъ пересохла. Главные притоки ея Спра и Ямуна-Дарья, ударившись въ пустое русло исчезнувшей рѣки, наводнили центральную, самую культурную часть страны, образовавъ тамъ болота и топи. (Въ Араль онѣ прошли только въ концѣ XVI в. Абуль-Гази). Въ другихъ мѣстахъ появился засухи отъ недостатка воды. Прежде цвѣтущая страна, названная въ Ригъ-Ведѣ землей „совершеннаго творенія“, превратилась въ пустыню. Жители стали выселяться въ сосѣднія азіатскія и дальнія страны, въ Бактріану, Согдиану, Иранъ и Малую Азію, Индію и даже въ Европу черезъ Босфоръ, Дарданелы, Кавказъ и на Волгу по восточному берегу Каспійскаго моря.

Зороастръ, вѣрнѣе — Зердестъ, написавшій Авесту по внушенію „творца блага и добра“ Аура-Мазды (*ми* — великій и *эдо* — крыша по-славянски, небо, какъ и звѣзда — свѣтъ-неба) на возвышенномъ берегу Дарьи, въ области Аріана-Ваеджа, въ гор. Раи, въ священнѣйшей рощѣ, говоритъ о семнадцати выселкахъ арийцевъ въ разныя страны.

Для насъ же во всей этой повѣсти имѣють важное значеніе слѣдующія данныя: 1) арійцы Семпрѣчья болѣе чѣмъ за 2 тыс. лѣтъ до Р. Х. стояли на высокой степени развитія, владѣли науками и искусствами и имѣли свою обработанную письменность. о чемъ свидѣлствуютъ оставленные ими книги; 2) языкъ этихъ книгъ близко стоялъ къ языкамъ пельви (древне-персскому) и парси или парси (росъ, раса), верибе — къ древне-славянскому. т. к. по изслѣдованію Петрашевскаго, проф. вост. языковъ въ Берлинѣ. языкъ Зендъ-Авесты или Зендашты (жизнедателя) есть родовой и для санскритскаго, и для славянскаго, но самое большое сходство онъ имѣетъ съ польскимъ, на который онъ и перевелъ Авесту въ 50-хъ годахъ XVIII в.; 3) въ Аріи была рѣка Раса и существовала культъ поклоненія водѣ, росѣ. О большой рѣкѣ Расѣ или Араксѣ въ Средней Азіи, теряющейя въ болотахъ и тоняхъ и только однимъ рукавомъ вливающейя въ Каспійское море говоритъ и Геродотъ (I, 202 и 215), а также и Страбонъ. На этой рѣкѣ жили массагеты, храбрый и гордый скинскій народъ; 4) рѣка Раса въ Аріи, р. Раса въ Троадѣ, Ра, Раса, Арасъ и Русская рѣка — Волга въ древности, рѣки Росъ и Руса во многихъ мѣстахъ Россіи, названія народа Руссы, Россы, *Ресы — пелазги, Расы — Сербы въ древности, Расы и Расены въ Этрурии, наши русалки и русальныя игрища у русскихъ и славянъ, слово рай, встрѣчающееся только у славянъ, а также Вендидадъ (первыи 5 книгъ Авесты), названія славянъ *вендани*, древній гор. Винета или Венета на о. Волниѣ (Готландѣ) — все это связываетъ древнюю Аріану со славянскимъ міромъ. Славяне-скины переселились въ Европу въ глубокой древности, 1500 лѣтъ до Р. Х., какъ говорили Геродоту сами скины. Первый человекъ, поселившійся въ скиніи, былъ Таргитай; родителями его были Папай (отецъ, богъ), а матерью дочь рѣки, рѣчная нимфа, русалка. (IV, 5—7).

О культѣ поклоненія водѣ у славянъ — русальяхъ говоритъ и Несторъ (Ливр. счис., годъ 1068), а также въ XI и XII в.в. антипатр. Феодоръ Вальсамонъ и болг. митр. Дмит Хоматинъ, въ толкованіяхъ къ греческой кормч. кн. Позднѣе сказаніе о *русальныхъ* играхъ мы находимъ въ житіи преп. Нифонта, въ Прологѣ (рукоп. 1432 г. № 6940 Им. пуб. б.).

Въ „Стоглавъ“ Москов. соб. 1551 г. (вопр. 14) сказано: „Ру-

салии о Іоаннѣ днѣ, въ навечеріи Рож. * и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы въ ночное плещеваніе и на безчинный говоръ, и на плясаніе, и на скаканіе, и на богомерзскія дѣла“....

Русальи совершались на берегахъ рѣкъ и озеръ и оканчивались всенароднымъ купаньемъ. Купанья эти совершаются и теперь въ захолустныхъ хуторахъ и станцияхъ Дона, обыкновенно послѣ молебствія по полямъ о ниспосланіи дождя. Купаютъ всѣхъ, нерѣдко и священниковъ. Въ народѣ 7-я недѣля послѣ Пасхи наз. Семикомъ и *русальною*. Четвергъ на этой недѣлѣ въ Малор. наз. *русей. и*. Пѣсни, поющіяся на 7 недѣлѣ, — *русальными*. Заговѣнье послѣ Троицы — русальнымъ заговѣньемъ. Все это остатки древняго культа поклоненія водѣ, *расъ*, *росѣ*, занесенныя изъ Аріаны. Отъ того религіознаго культа и произошло названіе народа Россы или Руссы, а отъ народныхъ героевъ аріицевъ Асуровъ (Ригъ-Веда) — народъ *Асъ* или Инды Черноморскіе (Страб. XI, 2. 1).

Оставшіеся въ Азіи славяне-арійцы, извѣстные подъ именемъ индоскиновъ, распространили свою культуру и языкъ между соседними народами. Вотъ отчего въ азіатскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и въ джигатайскомъ нарѣчій Бабура и Абуль-гази, встрѣчается много словъ съ славянскими корнями. Эти же корни перешли и въ татарскій языкъ.

Глава XI.

Татарское нашествіе.

Современная историческая наука насъ учитъ, что въ политической, какъ и въ естественной исторіи, нѣтъ скачковъ. Катастрофы и неожиданности составляютъ лишь исключенія; по эти неожиданности, если вдуматься внимательнѣй въ ходъ историческихъ событій, то не трудно увидѣть, какъ долго, упорно и послѣдовательно, неумолимой логикой событій, подготовляются онѣ и потомъ вдругъ разражаются надъ политической жизнью народа въ видѣ катастрофъ и страшныхъ переворотовъ, иногда совсѣмъ измѣняющихъ географическую карту странъ. Историческія событія текутъ, какъ рѣка, тянутся закономѣрно, одно за другимъ, какъ звенья одной гигантской цѣпи. На этомъ законѣ основана вся, нынѣ признаваемая за истину, эволюціонная теорія. На ней теперь сошлись изслѣдователи какъ естественной, такъ и политической исторіи, живой и мертвой природы и всего человѣчества.

Кромѣ послѣдовательной связи историческія событія отличаются также своею періодичностью, склонностью къ повторенію и закономерностью.

Волжанинъ Аттила, подчинивъ своей власти все народы Восточной Европы, съ полумилліонной арміей двинулся на западъ и на Каталунской равнинѣ далъ сраженіе народамъ, сошедшимъ съ береговъ Атлантическаго океана и Средиземнаго моря. Эта гигантская битва, однако, не рѣшила спора народовъ востока и запада Европы. Западные союзники отступили, очистивъ путь для Аттилы къ западной столицѣ міра—Риму. Спусти много вѣковъ новый Аттила—Наполеонъ съ такой же полумилліонной арміей, составленной изъ двадцати народовъ запада, двинулся на востокъ и на поляхъ Бородинскихъ 26 августа 1812 г. далъ сраженіе народамъ востока, сошедшимъ съ береговъ Ледовитаго океана, Каспійскаго, Чернаго и Азовскаго морей, Сибири, Урала, Кавказа, Дона и Терики. Бородинская битва осталась нерѣшительной: французы, по словамъ Наполеона, оказали себя въ этой битвѣ достойными побѣждать, а русскіе признаны непобѣдимыми. Но русскіе все-таки отступили, очистивъ путь Наполеону къ восточной столицѣ Европы—Москвѣ.

Такихъ примѣровъ въ исторіи народовъ множество и въ каждомъ изъ нихъ всегда слѣдуетъ искать причинную связь.

Народы и государства не падаютъ съ неба, а подготовляются къ выступленію на историческое поприще цѣлыми вѣками и даже тысячелѣтіями. Первые звенья гигантской цѣпи историческихъ событій, вызвавшихъ завоеваніе Руси монголами, были скованы еще задолго до появленія русскаго государства на сцену всемірной исторіи.

Русскіе и вообще славяне унаслѣдовали отъ предыдущихъ событій, отъ нынѣшней родины и древнѣйшей прародины многое, что донынѣ вліяетъ на современную и дальнѣйшую исторію нашего отечества.

Древнѣйшую взаимную вражду Рима и Греціи русскіе унаслѣдовали отъ грековъ, а западные народы отъ римлянъ. Русь получила въ древнія времена стмена цивилизаціи изъ Азіи и христіанство со всеми его обрядностями изъ Греціи, между тѣмъ какъ Италия, Испанія, Франція, Англія и Германія, образовавшіяся изъ

римскихъ провинцій, благодаря долговременному и ближайшему сосѣдству Рима, наибольшей густотѣ населенія и отдаленности отъ Азій, унаслѣдовали цивилизацію и вообще науки и искусства отъ римлянъ и скорѣе другихъ создали крѣпкія государства, существующія до настоящаго времени.

Древніе договоры Руси съ греками указываютъ, что главная цѣль этихъ договоровъ состояла во взаимной военной помощи. Русскіе обязаны были посылать въ Грецію вспомогательныя войска. Въ самой Византіи почти всегда часть войскъ была изъ русскихъ; они жили у крѣпостныхъ воротъ, называвшихся русскими—*Ruli Rhusii, Melandesia*. На этихъ воротахъ, вѣроятно, и былъ русскій гербъ—щитъ Олега. Русскіе мелкіе князья, немѣвшие удѣловъ, и многіе бояре служили военачальниками—„темниками“ въ областяхъ Византіи, называвшихся „темами“.

Подъ собственнымъ именемъ русскихъ, или подъ именемъ наемниковъ варяговъ русскіе составляли личную гвардію византійскихъ императоровъ и участвовали почти во всѣхъ ихъ походахъ. Въ походѣ на Критъ въ 902 г. участвовало 700 русскихъ¹²²; въ ломбардекомъ походѣ въ 935 г.—около 415 чел.¹²³; въ 949 году въ походѣ на Критъ 584 чел. (9 кораблей)¹²⁴. На основаніи этихъ договоровъ русскій князь Святославъ съ 60 тыс. войскомъ усмирить болгаръ, возставшихъ противъ грековъ, но за то, что хотѣлъ присвоить себѣ Болгарію, былъ изгнанъ оттуда Цимисхіемъ въ 971 году.

Греки вообще боялись русскихъ князей и старались закрѣпить союзъ съ ними мирными и оборонительными договорами, дѣйствуя гдѣ подкупомъ, гдѣ хитростью, гдѣ отравой. Такъ въ 1064—1065 г.г. тмутараканскій князь Ростиславъ, владѣя крѣпостью Темрюковъ, навелъ такой страхъ на грековъ, въ особенности своею дружиною, состоящею большею частью изъ казаховъ или казаковъ—черкасовъ, что греки почли за лучшее отравить его ядомъ. Другого тмутараканскаго же князя Олега Святославича, внука Ярослава Мудраго, греки заманили въ Царь-Градъ и держали нѣкоторое время подъ арестомъ. Въ самомъ Царь-Градѣ, на Таврской площа-

¹²²) Констант. Вагранороди. Л. II. С. 44. р. 376, 377, 378.

¹²³) Царемъ Констант. и Рожаномъ подъ предводительствомъ Патрікія Косми было отправлено въ Италію семь русскихъ кораблей—*Rōz xarādia*.

¹²⁴) *Ровиха xarādia*. Констант. Вагр.

ди, подъ статуей Беллерофона была сдѣлана надпись, неизвѣстно кѣмъ составленная въ X или XI в., гласящая, что, согласно древняго пророчества, „россіяне должны овладѣть столицею имперіи Восточной“.

Эти древнѣйшія военныя связи грековъ съ русскими играли первенствующую роль въ созиданіи дорюриковскаго русскаго государства. Эти же связи указали римскимъ папамъ и Западу во время крестовыхъ походовъ, что покорить навсегда Константинополь и православную Грецію можно только послѣ покоренія Россіи, какъ вѣрной союзницы Греціи. Но эта задача была не по силамъ для собственныхъ войскъ папскихъ и для западно-европейскихъ государствъ. Папы обратились съ этой цѣлью къ восточнымъ соседямъ Россіи—азиатскимъ монголамъ.

Усиленіе папской власти на западѣ началось собственно съ половины V в., когда папа Левъ I (Велкій) въ 452 г. въ полномъ патриаршемъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ явился въ ставку Атиллы и Богомъ заклиналъ его возвратиться назадъ и не идти на Римъ. Этотъ грозный завоеватель, полухристіаннаго-полудикаря, умирился боговдохновенной рѣчью римскаго первосвященника, поцѣловалъ крестъ и возвратился съ своими полчищами на Дунай.

Съ этого времени западные государи и народы, пострадавшіе отъ нашествія Гунновъ, сами стали искать папскаго духовнаго одобренія, матеріальной помощи и ходатайства предъ варварами. Такіе папы, какъ Григорій Великій (ум. въ 604 г.), дѣйствительно показали себя ловкими дипломатами и свѣтлыми государами. Они сумѣли руководить западными государами и заставить варварскихъ предводителей уважать себя, какъ духовныхъ и свѣтскихъ предводителей всего Запада, какъ наследниковъ цивилизаціи и безсмертной славы Великой Римской Имперіи. Этому возвеличенію папъ помогло и то, что номинальные римскіе императоры жили тогда не въ Римѣ, а въ Византіи. Многіе важныя дѣла приходилось рѣшать и дѣлать, не дожидаясь, что скажетъ восточный императоръ. Первоначально папы утверждались византійскими императорами и патриархами, но въ послѣдствіи обстоятельства заставили ихъ дѣйствовать и безъ этого утвержденія, а потомъ оно оказалось, при поддержкѣ западно-европейскихъ государствъ, фактически не нужнымъ. Съ этою цѣлью папы составили и распространили сказанія о дарѣ

Константина и „Лжеисидоровскія декреталіи“, на основаніи которыхъ они утверждали, что будто бы еще Константинъ Великій и другіе императоры дали имъ свѣтскую власть въ Римской области и духовное первенство. Усиленію свѣтской власти папъ помогъ и французскій король Пипинъ Короткій въ 754 г. Онъ отнялъ у лангобардовъ и подарилъ папѣ равненскій экзархатъ, въ сѣверной Италіи. Эту власть еще болѣе усилилъ Карлъ Великій. Онъ усмирить мятежныхъ папскихъ вассаловъ, за что папа Левъ III въ 800 г. короновать его въ Римѣ, въ храмѣ св. Петра, императорскою короною. Оба эти союзника начали уже открытую борьбу съ византійскими императорами и противъ ихъ вѣрныхъ союзниковъ—дунайскихъ славянъ. Война кончилась тѣмъ, что вся Европа фактически раздѣлилась на два лагеря, на двѣ части: Карлъ Великій былъ признанъ императоромъ Италіи, Галліи, Германіи и почти всей половины западной Европы; за византійскими же императорами остались земли Балканскаго полуострова и Малой Азіи, а также греческія черноморскія колоніи.

Вскорѣ папы стали даже требовать своего главенства и надъ византійскими патріархами и вообще вмѣшиваться въ духовныя дѣла восточной имперіи. Въ церковныхъ дѣлахъ явились большія разногласія. На Константинопольскомъ соборѣ въ 867 г. патріархъ Фотій предалъ анафемѣ римскаго папу Николая I. Въ 1054 году папа Левъ IX отвѣтилъ тѣмъ же.

Такъ совершилось распаденіе вселенской паствы на два непримиримыхъ лагеря, на двѣ церкви—римско-католическую и греко-православную.

Съ этого времени все стараніе папъ было направлено къ подчиненію во что-бы то ни стало и какими бы то ни было мѣрами восточной церкви западной. Въ средствахъ папы не разбирались. Для нихъ все средства были хороши—„цѣль оправдываетъ средства“, говаривали они. Съ востока на византійскую имперію стали напирать турки и сарацены и отнимать одну область за другою. Папы относились къ этому равнодушно и если и обѣщали помощь, то только при условіи подчиненія восточной церкви западной. Единственными помощниками грекамъ въ этой борьбѣ были православные дунайскіе славяне и русскіе, охотно шедшіе на службу къ византійскимъ императорамъ.

Крестовые походы, предпринятые западно-европейскими государями для освобождения Св. Земли от власти магометанъ, подъ руководствомъ папъ, служили только къ усилению власти этихъ послѣднихъ. Походы эти не достигли прямой своей цѣли, но зато папы осуществили завѣтную свою мечту: 12 апрѣля 1204 г. римско-католическіе крестоносцы взяли и разграбили Константинополь и на развалинахъ его образовали такъ называемую „Латинскую Имперію“. Графъ Балдуинъ Фландрскій былъ избранъ первымъ римско-католическимъ императоромъ новой римской имперіи. Папы торжествовали.

Византійскіе императоры перенесли свою резиденцію въ Малую Азію, въ г. Никею. Началась ожесточенная борьба православія съ католицизмомъ, въ которой славяне и въ особенности русскіе играли первенствующую роль. Эти событія слабо освѣщены западно-европейскими историками, но за то они рельефно отмѣчаются въ исторіяхъ Греціи, Болгаріи и другихъ Балканскихъ народовъ. Изъ русскихъ князей, прославившихся въ этой борьбѣ, извѣстны: Ростиславъ (1262 г.), владѣвшій греческою землею въ Мачинѣ, на Дунаѣ; Сватославъ, его современникъ, владѣвшій другою „темою“; Иречка, охранявшій Шипкинскій проходъ съ 3 тыс. русскихъ; Федоръ Ростиславичъ, царствовавшій въ Болгаріи 1295—1322 г.; князь Иванъ (*Βάνης ὁ Ρως*), предводительствовавшій болгарскимъ войскомъ и завладѣвшій Филиппополемъ 1322—1324 г. (Кантакузинъ. Т. I. р. 107) и др.

Первый римско-католическій императоръ Византіи Балдуинъ I вскорѣ былъ взятъ въ плѣнъ болгарами и тамъ умеръ въ 1206 г.; король Фессалоникіи Бонифаций былъ убитъ болгарами же. Борьба принимала ожесточенный оборотъ. Константинопольскій католическій императоръ, французъ Балдуинъ, лично въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ объѣзжалъ дворы западно-европейскихъ государей и просилъ ихъ помочь ему противъ православныхъ. Но гдѣ отзывались неохотно, такъ какъ ясно видѣли, что отъ этого выигрываютъ только папы въ ущербъ ихъ власти. Германскій императоръ Фридрихъ II даже явно возсталъ противъ такой политики папъ, за что неоднократно былъ предаваемъ проклятію и даже отлученію отъ церкви.

Видя такой оборотъ дѣла, папы обратились за помощью къ новому могущественному повелителю почти всей Азіи—Чингисъ-

хану¹²⁵⁾. Никто болѣе не годился для разгрома какъ палестинскихъ масульманъ, такъ и православныхъ восточныхъ христіанъ, грековъ, русскихъ и болгаръ, громившихъ латинскую Византію, какъ только этотъ страшный завоеватель, слава о которомъ гремѣла по всей Азіи. Одновременно съ этимъ, для вѣрности и усиленія удара, папы стали вооружать на русскихъ шведскаго правителя престола Биргера, тевтоновъ, меченосцевъ и Литву. Папою и французскимъ королемъ Людовикомъ Святымъ были отправлены къ Чингисъ-хану тысячу посланцевъ, дипломатическихъ агентовъ, инструкторовъ и инженеровъ, а также лучшіе изъ европейскихъ полководцевъ, въ особенности изъ тамплиеровъ (рыцарей ордена).

Черезъ армянь, жившихъ въ захваченной крестоносцами Арменіи, папы вошли въ непосредственное сношеніе съ азіатскими христіанами въ завоеванномъ Чингисъ-ханомъ въ Средней Азіи Уйгурскомъ царствѣ, въ древней Бактрин и Согдіанѣ. Эти азіатскіе христіане несторіанской и керантской сектъ, противныхъ православію, въ Уйгурскомъ царствѣ занимали вліятельныя административныя должности, какъ люди ученые, грамотные, отличавшіеся книжными познаніями и обладавшіе денежными капиталами, пріобрѣтенными торговлей. Эти-то богачи-книжки и были авторами законовъ Чингисъ-хана — „Ясу“, въ которыхъ ко всемъ сектамъ христіанъ была выказана несвойственная Азіи, папамъ и тогдашней Европѣ большая благосклонность и терпимость. Въ этихъ законахъ, подъ вліяніемъ папъ, собственно іезуитовъ, было высказано дозволеніе, съ разными льготами, переходить изъ православія въ католичество, чѣмъ воспользовались въ то время многіе изъ армянь, образовавшіе послѣдствіи армяно-католическую церковь.

Для прикрытія папскаго участія въ этомъ предпріятіи и въ угоду азіатамъ, главные офинціальныя роли и мѣста даны были лучшимъ туземнымъ полководцамъ и родственникамъ Чингисъ-хана, а почти $\frac{3}{4}$ второстепенныхъ предводителей и чиновниковъ состояли преимущественно изъ азіатскихъ сектантовъ христіанъ и католиковъ¹²⁶⁾. Начальниками штабовъ, секретарями, проводниками и по-

¹²⁵⁾ „Завоеваніе Россіи монголами“. О. Суринъ (Масальскій). 1904 г. Русскій Вѣстникъ № 12

¹²⁶⁾ Изъ халекскихъ чиновниковъ-христіанъ, по русскимъ лѣтописямъ, известны *баскаки* т. е. свободные баски, изъ Бактріи, расположенной по сѣверо-западнымъ склонамъ Гиндукума и Паропамиза, потомки древнихъ арийцевъ. „Акъ“ по-татарски — бѣлый, а въ персидскомъ смыслѣ — свободный, какъвольный опитетъ въ томъ же смыслѣ часто употреблялись и у славянъ: бѣлошапецъ бѣлый царь, бѣлая земля, бѣлобогъ, Бѣлое море и др. Для обозначенія раба и закабаленности прибавлялся опитетъ черный или кара — черношапецъ, черношомецъ, кара-киргизы, Кара-Китай и др.

реводчиками были большею частью армяне, которые, имѣя издавна во многихъ городахъ Россіи и Польши торговые склады и связи, знали очень хорошо географію славянскихъ земель, пути сообщенія и ихъ слабыя стороны. Имъ также были извѣстны безсиліе и раздоры русскихъ удѣльныхъ князей, вѣчныя смуты и неурядицы. Армянскіе купцы съ доисторическихъ временъ жили въ Россіи. Особенно много армянскихъ надписей увидѣно въ столицѣ волжской Болгаріи. Папа, боясь обличеній своего брата Фридриха II, всѣчески старался замаскировать и скрыть отъ него истинное положеніе вещей и въ открытыхъ сношеніяхъ съ западно-европейскими государями всю вину за бѣдствія восточныхъ православныхъ христіанъ слагалъ на жестокость страшнаго азіатскаго завоевателя Чингисъ-хана, оставляя себя въ сторонѣ и въ тѣни, пока Фридрихъ не изблещилъ его въ этой жестокой и недостойной для главы церкви политикѣ. Объ этомъ будемъ говорить ниже.

Тимучинъ, провозглашенный впоследствии киданскими князьями, на народномъ сеймѣ 1211 г., Чингисъ-ханомъ, былъ сынъ Есукай богатыря, одного изъ японскихъ принцевъ изъ рода Кіотоуъ Борджигеновъ, изгнаннаго въ половинѣ XII в. братьями со своими приверженцами на материкъ¹²⁷⁾.

По высадкѣ на материкъ, Есукай велъ жизнь разбойника и вскоре подчинилъ своей власти нѣкоторые разрозненныя монгольскія племена, кочевавшія въ сѣверной части нынѣшняго Китая, на югъ отъ Иркутской губерніи. Сынъ его Тимучинъ пошелъ дальше и покорилъ уже почти всю Азію, съ Китайской имперіей, Тибетомъ, Бухарой, Хивой, Персіей, Арменіей и др. государствами и всю восточную часть Европы.

Наши историки Бестужевъ Рюминъ и В. Васильевъ допускаютъ, что самъ Чингисъ, именуемый въ татарскихъ хроникахъ „Буроглазымъ“, не былъ монголомъ и не говорилъ по монгольски. Имена: Тимучинъ, Чингисъ, Угедей, Мухори, Джани или Чани и др. не монгольскаго происхожденія. Быть-можетъ имена эти такіе же псевдонимы, какіе были въ обычаѣ у средне-вѣковыхъ рыцарей, папскихъ агентовъ и у нашихъ казаковъ. Возможно, что Чингисъ и его полководецъ Бата или Батый, покорившіи Россію, были та-

¹²⁷⁾ История Японии. Японія, ея исторія, правительство и внутреннее устройство. В. Диксонъ. СПб. 1871 г. стр. 9 и 30. Генеалогія татарскихъ хановъ. Абуль-гази. „Библиот. вост. историко-казакъ“, т. III, 1854 г.

кіе же монголы, какъ и захваченный въ плѣнъ Фридрихомъ II другой татарскій полководецъ, оказавшійся, по повѣркѣ, англичаниномъ и папскимъ тамплиеромъ, рыцаремъ храмовникомъ.

За участіе папы въ этомъ дѣлѣ говоритъ современникъ этихъ событій, французскій историкъ Жуанвиль, а также историки Лависсъ и Рамбо¹²⁸).

Извѣстный ученый синологъ, проф. Васильевъ, говоритъ, что подъ монголами и ихъ нашествіемъ надо понимать не особый какой-либо одинъ народъ, а цѣлую эпоху, относящуюся къ Тимучину, какъ и подъ нашествіемъ въ 1812 г. французамъ, составлявшихъ въ арміи коренканца (не француза) едва 1/4 часть.

Названія „татары“ и „орда“ также не монгольскаго и не тюрскаго происхожденія, однимъ словомъ, не азіатскаго. Самъ народъ, называемый татарами, считаетъ для себя эту кличку обидной, дна нихъ чуждой и непонятной. Названія эти ввели европейскіе инструктора, папскіе агенты. Татары—отъ латинскаго tutari (туторъ)—наблюдатели, охранители. Такъ первоначально въ войскахъ Тимучина называлось сословіе людей, занимавшихъ наблюдательныя, полицейскіе, сторожевыя посты, также сторожей при нагребленномъ имуществѣ. Потомъ такъ стали называть цѣлыя наблюдательныя корпуса и оставленные въ покоренныхъ городахъ гарнизоны. Эта стража составлялась преимущественно изъ народа тюрскаго племени. Поэтому и названіе „татары“ перешло къ народу, теперь говорящему на языкѣ, очень похожемъ на турецкій, но происходящемъ отъ смѣси говоровъ многихъ племенъ, входившихъ въ составъ наблюдательныхъ корпусовъ. Въ языкѣ этомъ много словъ древне-славянскихъ, персидскихъ, арабскихъ и др. Нѣкоторые ошибочно думаютъ, что будто бы русскіе многія слова заимствовали у татаръ. Ничуть небывало. Татарскій, вѣрнѣе—тюрскій языкъ XI, XII и XIII в.в. былъ чрезвычайно бѣденъ словами, какъ народа кочевого, не знавшего ни земледѣлія, ни торговли. Все это, а также и письменныя знаки тюрскіе народы восточной Азіи заимствовали отъ довольно культурнаго древняго народа Закаспійскаго края Уйгуровъ и Бакровъ. Распространителями же этой культуры по всему востоку съ V по XIII в. были сирійскіе несториане, монахи и купцы. Орда—отъ латинскаго ordo—строй, при-

¹²⁸) Живописная Исторія древней и новой Россіи. Рамбо, М. 1898 г. стр. 127. Всеобщая исторія. Лависсъ и Рамбо, т. II, изд. 1897 г. Стр. 879.

докъ. Не отъ азіатскаго же корня произошли французскія, русскія и нѣмецкія слова: ordre, Ordnung, ордонансъ-гаузь, орденъ, ординаторъ, одинарецъ, орда и т. п.

Туземцы и русскіе передѣляли эти иностранныя слова по своему въ „орду татаръ“. Названіе коренныхъ монголовъ Элюты, Олюты—тоже напоминаетъ французское élite — отборный, отборное войско. Такого же происхожденія турецко-татарское слово „алай“, алае,—такъ называлась часть римскихъ войскъ¹²⁹⁾.

Въ ту же эпоху къ монголамъ и туркамъ перешли отъ крестоносцевъ и европейскихъ инструкторовъ тысячи другихъ европейскихъ терминовъ, преимущественно военно-техническихъ. Такимъ же путемъ и нынѣ входятъ разные иностранные термины въ русскій, китайскій, японскій и др. языки. Римскіе легіоны, поселенные близъ Дуная, для охраны границъ, превратили туземное, болгаро-русское населеніе въ народъ, говорящій донинѣ на испорченномъ латинскомъ языкѣ. Точно также монгольскіе легіоны, поселенные въ Золотой Ордѣ, превратили туземцевъ, волжскихъ болгаръ, русскихъ, финновъ и туранскія племена—въ особый народъ, нынѣ называемый татарами, которые сами отрицаютъ это названіе. Казанскіе татары.—прямые потомки золото-ордынцевъ, считаютъ слово „татаринъ“ не только иностраннымъ, но прямо обиднымъ, насмѣшливымъ для нихъ прозвищемъ.

Многіе изъ бывшихъ подданныхъ Чингисъ-хана, потомки отдѣльныхъ отрядовъ, донинѣ, вмѣсто родового или географическаго наименованія, зовутъ себя или цифрами, или по цвѣту знаменъ, напримѣръ: найманы—восьмой, дурботы—отъ слова четыре, Тюмень—десять тысячъ, ногайцы—черное знамя, кѣкъ-тюркъ—голубые турки и т. д.

Татарамъ была дана папистами военная организація, подобная древне-римской. Войска были раздѣлены на легіоны, имѣвшіе каждый свой номеръ. Многіе монголо-татарскіе народы до сихъ поръ, какъ, напримѣръ, киргизы, калмыки и др., сохранили родовыя имена, происшедшія отъ цифры, данной тому легіону, въ составъ котораго они входили во время Чингисъ-хана.

По изслѣдованіи Ѳ. Масальскаго, татарскія упрѣвленія, слѣды которыхъ сохранились у села Болгары, Казанской губ., близъ

¹²⁹⁾ Завоеваніе Россіи монголами. Ѳ. Суринъ (Масальскій).

г. Царева, Астраханской губ., и въ другихъ мѣстахъ Поволожья, Урала и Зауралья. до береговъ Уральскаго и Каспійскаго морей, имѣютъ большое сходство съ западно европейскими бастионными, тенальными и другими системами. Найденные въ изобилии на развалинахъ укрѣпленій обломки вещей изъ бѣлаго и цвѣтнаго хрусталя, перстней, крестиковъ, бусъ, сосудовъ и др. стекляныхъ, эмалевыхъ, майоликовыхъ, металлическихъ и т. п. издѣлій поразительно напоминаютъ работу итальянцевъ, собственно венеціанцевъ и генуэзцевъ¹³⁰). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что татарскія укрѣпленія строили западные инженеры, посланные папой. Они же сооружали осадныя и стѣнобитныя машины - тараны, которыхъ до и послѣ нашествія на Русь монголы дѣлать не умѣли. Татары при осадѣ русскихъ укрѣпленныхъ городовъ стрѣляли живымъ огнемъ, т. е. имѣли огнестрѣльное оружіе, метали громадные бревна, стрѣлы, большія каменные ядра и вообще имѣли такія большія и „хитрыя“ машины, которыхъ русскія не видали и не знали. Эти и многія другія знанія и орудія войны были хорошо извѣстны папскимъ крестоносцамъ и другимъ западно-европейскимъ инструкторамъ и артиллеристамъ. Кромѣ того, у татаръ во время покоренія ими Россіи въ ходу были науки и искусства, календарь, географическія карты, живопись: они были свѣдущи въ астрономіи и удачно предсказывали солнечныя затмѣнія. При дворѣ Батюя жило христіанское духовенство и публично совершало свое богослуженіе. (Записки посла французскаго короля къ Батюю Рубруквиса и папскаго посла Плато Карпини). Съ принятіемъ черезъ сто лѣтъ послѣ покоренія Руси татарами магометанства и уходомъ католиковъ эта полудикая орда осталась прежними ничего незнающими варварами, дикарями. Западные ихъ учителя ничего имъ не оставили и ничему не научили, да они и не старались чему-либо ихъ обучить, такъ какъ имъ выгоднѣй было держать этотъ народъ во тьмѣ и невѣжествѣ, пользуясь для своихъ цѣлей лишь его силой и численностью.

Недостойно русской наукѣ донинѣ существующее утверженіе, что завоеваніе Россіи монголами было явленіе необъяснимое, безпричинное. Неужели нашихъ историковъ можетъ удовлетворить та-

¹³⁰) а) Поволожье, Приуралье и дѣшевые степи.

б) Возлеки по Казанской губ. и къ болгарскимъ развалинамъ.

в) Нѣзданъ къ волжскимъ степямъ, близъ г. Царева и Селитреннаго.

г) Исторія Кипчакской или Золотой орды, Масальскій.

кой наивный выводъ, основанный на сказаніяхъ нашихъ мало свѣдущихъ лѣтописцевъ, что это нашествіе случилось лишь „за грѣхи наши“. Пришли-де „окаянные татарове“ невѣдомо откуда и провалились невѣдомо куда. Подобные взгляды на историческія событія, навѣянные намъ нашими академиками-иностранцами, теперь насъ удовлетворить не могутъ. Нѣтъ слѣдствія безъ причины и эту причину мы должны розыскать и объяснить. Данные для объясненія этого важнаго историческаго событія всѣ налицо.

Монгольское нашествіе на Россію случилось какъ разъ въ то время, когда греки и православные славяне боролись съ латинами на Балканскомъ полуостровѣ, а мусульмане громили палестинскихъ крестоносцевъ; въ то же время шла борьба папы съ германскимъ императоромъ Фридрихомъ II, во владѣніяхъ котораго было много православныхъ славянъ. Примирившись съ Фридрихомъ, папа Горнорій III въ 1217 г. сталъ готовить пятый крестовый походъ. Планъ похода — одновременный ударъ на палестинскихъ мусульманъ, которыхъ всею душою ненавидѣли монголы. Былъ сообщенъ Чингисъ-хану. Тотъ послалъ сильный отрядъ въ Грузію и Армешію на помощь скрывшимся тамъ отъ мусульманъ крестоносцамъ и армянскому королю, французскому католику Гетуну. Но тутъ папа увѣдомилъ Чингисъ-хана, что крестовый походъ отложенъ до 1227 г., а потому одинъ изъ отрядовъ монголовъ, подъ предводительствомъ Субудая Балдура и Ченновіана, двинулся черезъ Дербентскій проходъ въ южную Россію¹³¹). Освѣдомленные объ этомъ движеніи половцы, уже къ тому времени достаточно обжившіеся въ южнорусскихъ степяхъ и породнившіеся съ русскими князьями, пригласивъ въ помощь себѣ ясовъ, встрѣтили татаръ въ Дагестанѣ и заманили ихъ въ тѣсныя ущелья. Гибель монгольскаго отряда была неизбежна, если бы подкупленные татарами половцы не измѣнили своимъ союзникамъ. Татары послали имъ богатые дары и велѣли сказать, что они имъ единоплеменники, что они де, половцы, не должны возставать на своихъ братьевъ и дружить съ аланами, которые совсѣмъ иного рода. Половцы, обольщенные ласковымъ пріятствіемъ и дарами, оставили союзниковъ и монголы, пользуясь симъ случаемъ, разбили аланъ-ясовъ. Скоро главный половецкій ханъ Юрій Кончаковичъ раскаялся въ своей оплошности и

¹³¹ Балдуръ, Басадуръ, Батыръ — по-персидски древне-славянскій: богатырь — отъ богъ (древне-персидское багъ) и тыръ, старъ — славянскій бѣлъ, по-иному называемый Стрибогъ.

хотѣлъ бѣжать въ степи, но татары убили его и съ нимъ другого хана Данила Кобяковича. Татары гнались за половцами до самаго Азовскаго моря и въ короткое время подчинили своей власти все народы отъ Дона до Кавказа: Алановъ-Ясовъ, Казаховъ-Черкасовъ, Чиговъ, Гетовъ, Абхазцевъ и др.

Греческій историкъ Никифоръ Григора (умеръ въ 1359 г.) говоритъ, что приазовскіе народы: Чиги, Геты и жившіе на сѣверо-восточной сторонѣ Чернаго моря Абхазцы и др. были покорены въ 1221 г. сыномъ Чингисъ-хана Телепугой. Другой греческій же историкъ, современникъ нашествія монголовъ (ум. 1308 г.), Георгій Пахимерь, говоритъ, что „татарскій полководецъ Нога покорилъ все жившіе на сѣверной сторонѣ Чернаго моря народы, основалъ въ тѣхъ мѣстахъ особое государство. Съ татарами перемѣшались Чиги, Геты, Россы и другіе окрестные народы: приняли отъ нихъ нравы, образъ жизни, языкъ и одежду, служили въ татарскомъ войскѣ и возвели могущество ихъ на высочайшую степень славы“¹³²).

Изъ историческихъ данныхъ не видно, чтобы приазовскіе народы оказывали упорное сопротивленіе татарамъ. Надо полагать, что они подчинились имъ добровольно, благодаря политикѣ папескихъ агентовъ и желая избавиться отъ назойливыхъ и вѣроломныхъ сосѣдей своихъ половцевъ. Эти послѣдніе почти все были истреблены татарами¹³³). Часть ихъ съ ханомъ Котяномъ, тестемъ князя Мстислава Галицкаго, убѣжала въ Кіевскую область и убѣдила русскихъ князей идти навстрѣчу татарамъ. Чѣмъ кончилась битва русскихъ князей на р. Калкѣ въ 1224 г.—всѣмъ извѣстно. Русскіе были разбиты наголову, благодаря недружному дѣйствію князей и трусости и бѣгству половцевъ. Татары ушли обратно въ Азію. Въ событіяхъ на Калкѣ намъ нужно отмѣтить одно очень важное обстоятельство, это участіе въ битвѣ союзника татаръ, воеводы бродничовъ Плоскни.

О бродникахъ и ихъ многочисленности въ Донскихъ степяхъ неоднократно говорятъ какъ русскіе, такъ и иностранные лѣтописцы. Рубрукисъ, посоль Людовика Святого, французскаго короля, къ Батю, а также посоль папы Плано Карпини, посѣтившій Батю въ 1246 г., говорятъ о многочисленныхъ остаткахъ славяно-

¹³²) Пахимерь. Т. I, р. 235, 238, 160. *Рѣзон*.

¹³³) Погодинъ. Т. V, § III. Половцы.

русскаго и алано-яскаго населенія въ придонскихъ степяхъ, жившихъ свободно и исповѣдывавшихъ христіанскую вѣру. Духовенство ихъ жило при дворѣ Батыя и свободно совершало богослуженіе въ христіанскомъ войскѣ¹³⁴⁾. Для христіанъ, жившихъ въ Золотой Ордѣ, въ 1261 году была учреждена особая епархія—Сарайская. Епископъ этой епархіи жилъ въ столицѣ Золотой Орды Сараѣ и именовался Сарскимъ и Подонскимъ и подчинялся московскому митрополиту. Епархія эта просуществовала до конца XV вѣка.

Отъ смѣшенія аланъ-ясовъ съ русскими, говоритъ Рубруквисъ, образовался „народъ особенный“; народъ этотъ извѣстенъ по русскимъ лѣтописямъ подъ именемъ „бродниковъ“. Нѣкоторые историки полагаютъ, что бродники образовались въ хазарскій періодъ изъ дружинъ, назначеніе которыхъ было охранять броды или переправы и сопровождать купеческіе караваны. Другіе производятъ „бродникъ“ отъ бронникъ, носителей брони. Но ни то, ни другое не вѣрно. Бродники, по русскимъ лѣтописямъ, были извѣстны раньше нашествія монголовъ; они не рѣдко шли въ наемные дружины къ русскимъ князьямъ въ борьбѣ ихъ за удѣлы, а иногда вмѣстѣ съ половцами нападали на русскіе укранны. Въ то время, какъ родственныя имъ казахо-черкасскія общины, отстаивая свою независимость отъ половцевъ, сгруппировались на нижней Кубани, и на Дибирѣ, бродники свободно разгуливали въ придонскихъ степяхъ и по найму служили то тѣмъ, то другимъ владѣльцамъ, въ сущности никому не подчиняясь и управляясь избранными изъ своей среды головами или воеводами (боеводами). Слѣдовательно, подъ словомъ „бродники“ русскіе лѣтописцы разумѣли „свободныхъ, вольныхъ людей“; „бродившихъ“ въ придонскихъ степяхъ и имѣвшихъ, по словамъ Рубруквиса, главный прибой на Дону у Перволоки, тамъ, гдѣ Донъ приближается съ Волгой.

Эти закаленные въ бояхъ вонны-космополиты, потерявшіеся среди чуждыхъ имъ иноплеменниковъ, все необходимое для себя добывали войной, охотой и рыбной ловлей. Неблагопріятныя условія жизни не позволяли имъ возводить дорогихъ построекъ и имѣть большіе многочисленные города: почти полукочевой образъ жизни требовалъ отъ нихъ возможно меньше удѣлять времени на подоб-

¹³⁴⁾ Рубруквисъ, стр. 74, 99, 105 и 110. Плато-Курининъ. Собраніе путешествій къ татарамъ. Языковъ. СПб. 1825 г.

ныя сооруженія: они лишь строили для защиты отъ холода и непогоды землянки и кухни изъ плетней и камыша. Зато, по свидѣтельству очевидцевъ, Рубруквиса и др., они не отказывали стоимъ женамъ и дочерямъ въ изысканныхъ нарядахъ: „жены ихъ украшали голову, подобно французенкамъ, и опушивали низъ своего платья бѣлками, выдрами (порбчной) и горностаями“. Мужчины одѣвались скромнѣе; лѣтомъ и зимой они носили высокія, черныя бараньи шапки и кафтаны. Русскія лѣтописи бродниковъ обобщаютъ съ „черными клобуками“, т. е. съ переселившимися на Днѣпръ, въ Кіевскую область, въ X—XII в.в. казаками-черкасами или бѣловѣжцами. „И скопя свою дружину поиде, поима съ собою Вячеславль полкъ весь и всѣ черные клобуки, еже зовутся Черкасы“, говоритъ Кіевская лѣтопись.

Вдумываясь глубже въ смыслъ этихъ лѣтописей временъ половецкаго владычества въ придонскихъ стѣняхъ, приходится прийти къ заключенію, что бродники этого времени были остатками народовъ хазарской монархіи, не захотѣвшіе подчиниться ни русскимъ, ни половцамъ и оставшіеся на старыхъ насиженныхъ мѣстахъ. Во времена Рубруквиса (1224—53 г.) бродники уже являются народомъ сильнымъ и многочисленнымъ, исповѣдующимъ христіанскую вѣру. Это-то вольные люди и шли на службу къ русскимъ князьямъ. Лѣтопись этого времени говоритъ, что въ дружинахъ княжескихъ были: „бродницы мнози“ и „полци бяху“.

Нѣкоторые наши историки недоумѣваютъ, почему всевода бродниковъ Плеския, стоявшій, по словамъ нашей лѣтописи, съ 30 тыс. отрядомъ на р. Калкѣ, не помогъ русскимъ князьямъ въ битвѣ съ татарами и даже явно держалъ сторону послѣднихъ, уговоривъ къ сдачѣ кіевского князя Мстислава Романовича, а потомъ связавъ его вмѣстѣ съ двумя его зятями и выдалъ татарамъ. Вопросъ рѣшается очень просто. Дѣломъ завоеванія Россіи руководили папскіе агенты, обѣщавшіе мѣстнымъ жителямъ всякія льготы, а въ особенности тѣмъ, которые имъ помогали. Кромѣ того, въ полчищахъ татаръ было много христіанъ изъ Средней Азіи, пользовавшіеся многими привилегіями и свободой вѣроисповѣданія. Русскіе же князья того времени стояли далеко не на высотѣ своего призванія: вѣчныя ссоры и войны за удѣлы, сопровождавшіяся разореніемъ и избіеніемъ мирныхъ и беззащитныхъ жителей, ко-

варство. зависть другъ къ другу и клятвопреступленія. влекшія за собой гибель цѣлыхъ областей, селъ и городовъ и другія преступленія не внушали въ свободолюбивыхъ бродникахъ довѣрія. а потому они очень неохотно шли къ этимъ князьямъ на службу и въ данномъ случаѣ не хотѣли помочь въ постигшей ихъ бѣдѣ.

Въ варварствѣ и жестокостяхъ русскіе князья удѣльнаго періода превосходили даже самихъ татаръ. Въ этомъ каждый можетъ убѣдиться, изучивши эту эпоху русской исторіи.

Черезъ 18 лѣтъ послѣ битвы на Калкѣ монголы подъ предводительствомъ хана Бату или Батгя, родственника Чингисъ-хана, изъ-за Урала двинулись на Россію. У Батгя было до 600 тыс. войска, состоявшаго изъ многихъ, болѣе чѣмъ изъ 20. народовъ Азіи. Въ 1238 г. татары взяли столицу волжскихъ болгаръ, потомъ Рязань. Суздаль, Ростовъ, Ярославль и многіе другіе города: разбили русскихъ при р. Сити, взяли Москву, Тверь и пошли на Новгородъ, куда въ тоже время шли шведы и остзейскіе крестоносцы. Не доходя ста верстъ до Новгорода, у Игнача-креста, монголы повернули на югъ.

Русскіе историки, какъ, напримѣръ, Соловьевъ и Иловайскій, не приводя никакихъ историческихъ данныхъ, это событіе объясняютъ тѣмъ, что на пути къ Новгороду татары встрѣтили болота и дебри (Иловайскій) и что приближалась весна—въ мартѣ мѣсяцѣ, а съ нею распутица и разливъ рѣкъ. Но историки эти упустили изъ вида, что въ то время къ Новгороду шли большія торговыя дороги съ Волги и что для сѣвера Россіи мартъ мѣсяцъ не такая ужъ весна. А богатства Новгорода были для татаръ заманчивы. Эти закаленные въ бояхъ воины, имѣя опытныхъ западныхъ инженеровъ, преодолѣли и не такія еще природныя препятствія, какъ рѣки Уралъ, Волга и др. Дѣло совсѣмъ не въ томъ. Новгородскія и псковскія земли, по плану войны, должны быть заняты шведами и меченосцами, которые и вторглись въ нихъ. Вотъ въ чемъ главная сила. Батгій обошелъ Смоленскъ, такъ какъ къ нему подходили папскіе союзники—литовцы. Батгій пошелъ на Кіевъ, разгромилъ его и взялъ всѣ его богатства, а потомъ въ 1241 г. перешелъ Карпаты и вторгся въ предѣлы врага папы, германскаго императора Фридриха II и его союзниковъ, дунайскихъ славянъ.

Фридрихъ искренно зывалъ ко всѣмъ западнымъ государямъ,

приглашая ихъ къ вооруженію. „Настало время, писать онъ, пробудиться отъ сна! Открыть глаза духовные и тѣлесные! Уже сѣкира лежитъ при деревѣ и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью цѣлому христіанству. Уже давно мы слышали о немъ, но считали опасность отдаленною, когда между нимъ и нами находилось столько храбрыхъ народовъ и князей. Но теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабовъ, пришла очередь стать оплотомъ христіанству противъ свирѣпаго непріятеля“.

Раздѣленіе народовъ Запада на два лагеря, папскій и Фридриха II, помѣшало всеобщему вооруженію. Одни лишь славяне, потерявъ кровъ, свободу и отчасти православную вѣру, встрѣтили монголовъ, защищая отъ нихъ европейскую цивилизацію.

Въ 1241 г. у Лигница, въ бою съ татарами палъ герцогъ Генрихъ, Венгерскій король, союзникъ Фридриха, разбитый при рѣкѣ Соловой, убѣжалъ въ Австрію. Приближеніе славянскихъ войскъ подъ предводительствомъ чешскаго короля Вячеслава заставило Батыя круто повернуть на югъ. На этомъ пути, у г. Ольмюца, чехи разбили монголовъ. Батый обошелъ г. Вѣну, такъ какъ тамъ жилъ папскій прелатъ. Онъ дошелъ до Удино, до границъ своихъ союзниковъ—папы и венеціанцевъ, разоряя славянскія земли. Оттуда онъ пошелъ громить придунайскихъ православныхъ славянъ, чтобы отвлечь ихъ отъ войны съ католиками, захватившими Византію. Но тутъ получилъ онъ извѣстіе о смерти хана Октая и поспѣшилъ обратно въ Золотую Орду. Замѣчательна во всей этой эпопее личность Фридриха II-го. Этотъ просвѣщенный императоръ католикъ не признавалъ папу наместникомъ Христа и всячески старался вредить ему и подрывать его свѣтскую власть. Папа много разъ проклиналъ его за это, отлучалъ отъ церкви, но тотъ не унывалъ и открыто обвинялъ его въ призывѣ монголовъ. Взятый имъ въ плѣнъ одинъ изъ татарскихъ полководцевъ, оказавшійся англійскимъ рыцаремъ храмовникомъ, былъ отосланъ имъ папѣ при бранномъ письмѣ, въ которомъ Фридрихъ обзывалъ папу ивергомъ рода человѣческаго. Фридриху очень хорошо были известны всѣ планы папы о походѣ на Русь, такъ какъ еще въ 1230 г. онъ вмѣстѣ съ нимъ и гротмейстеромъ тевтонскаго ордена Германомъ фонъ-Зальцемъ въ Санъ-Джермино и Ананьи обсужда-

ли этотъ вопросъ. Согласно этому плану, польскій мазовецкій князь пріютилъ въ своихъ владѣннхъ папское войско, названное для отвода глазъ „орденомъ тевтонскихъ рыцарей чернаго креста“. Въ 1237 г. по повелѣнію папы тевтонскій и ливонскій орденъ соединились подъ общимъ начальствомъ. Фридрихъ также вооружился какъ бы для похода на Русь, но на самомъ дѣлѣ двинулся въ Италію, будто бы для усмиренія мятежниковъ. За это папа проклялъ его, говоря: „Предаю сатанѣ его тѣло на погибель, дабы спасти, если удастся, его душу“... На это, не новое для него проклятіе, Фридрихъ отвѣтилъ: „Все это басни лже-намѣстника Христава! Самого его (папу) ждутъ черти въ аду!“

На соборѣ въ Римѣ въ 1241 г. папа объявилъ Фридриха низложеннымъ и отрѣшеннымъ отъ церкви и престола. Фридрихъ, разгромивъ войска папы и отразивъ монголовъ, заставилъ новаго папу Иннокентія IV бѣжать въ Ліонъ. Борьба эта продолжалась до самой смерти Фридриха, послѣдовавшей въ 1250 г. Эти отношенія папы и императора выясняютъ причины, по которымъ монгольскія войска, покоривши Русь, дрались потомъ и съ нѣмцами, и съ ихъ союзниками, но доходили только до границъ папскихъ владѣній и обонли Вѣну, гдѣ жители даже не оказали никакого безпокойства.

Главная цѣль папъ во всемъ этомъ предпріятіи отчасти была достигнута. Большая часть дунайскихъ славянъ подъ этимъ давленіемъ перешла въ католичество. Въ 1252 г., черезъ семь лѣтъ по окончаніи завоеванія Руси монголами, литовскій князь Миндовъ перешелъ также въ католичество и сдѣлался врагомъ православія и Россіи. Онъ постепенно завосвалъ, вмѣстѣ съ Польшею, подвластныя монголамъ русскія земли—Кіевъ, Смоленскъ, всю Западную Русь отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Эти земли монголы дозволили имъ брать почти безъ боя, за что Литва оставалась союзницей Золотой Орды до ея послѣдняго издыханія.

Новгородъ и другіе русскіе города также покорились татарамъ, такъ какъ поддержки имъ ждать было не отъ кого. Жанъ Жуанвиль, одинъ изъ правдивѣйшихъ французскихъ историковъ того времени (1224—1238 г.), принимавшій участіе въ пятомъ крестовомъ походѣ Людовика IX, откровенно говоритъ, что самъ Магнуханъ въ присутствіи французскаго посланника говорилъ одному русскому князю: „если Русь взбунтуется то мы пошлемъ за фран-

цузскимъ королемъ, чтобы стереть васъ съ лица земли“. Эта угроза побудила многихъ русскихъ князей отдаться во власть татарамъ¹³⁵⁾.

Рубрукъ, посланникъ французскаго короля къ Батыю, уловившись съ нимъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, въ 1253 г. черезъ донскія степи подъ охраною ханскихъ войскъ проѣхалъ въ Дербентъ, потомъ черезъ Шемаху, Тифлисъ, Арменію и затѣмъ Малую Азію на островъ Кипръ, гдѣ и соединился съ крестоносцами, шедшими въ Палестину подъ начальствомъ Людовика IX Святого.

Окончивши завосваніе Россіи и оставивши наблюдательный корпусъ на Волгѣ, монголы забрали въ ряды своего войска болѣе 250 тыс. русскихъ, годныхъ къ военной службѣ, и подъ начальствомъ четвертаго сына Чингисъ-хана (по другимъ историкамъ — внука) Гулагу двинулись на Иранъ, завоевали Персію и въ 1258 г. разграбили Багдадъ, а позднѣе захватили и всю Сирію. Около того же времени союзникъ ихъ Людовикъ IX Святой пытался отнять у масульманъ Іерусалимъ. Но масульмане разбили христіанъ, взяли въ плѣнъ Людовика и отпустили его только за большой выкупъ.

Пріемники Гулагу продолжали оживленныя сношенія съ папами, французами и другими европейскими союзниками, о чемъ свидѣтельствуютъ многія письма хановъ Аргуна, Гассана и другихъ, сохранившіяся въ Ватиканскомъ архивѣ. Въ этихъ письмахъ коварные ханы, нуждаясь для своихъ личныхъ цѣлей въ помощи папы, давали лишь обѣщанія принять католичество, но на самомъ дѣлѣ только обманывали ихъ.

Историкъ Куглеръ говоритъ: „папа Николай IV съ глубокимъ горемъ принялъ извѣстіе о новомъ несчастіи, постигшемъ Святую Землю. „Послѣдняя надежда возлагалась на многія посольства иранскихъ монголовъ“, которыя въ это время (1289 г.) призывали въ Римѣ, во Франціи и Англіи христіанъ на общую войну противъ султана Килавуна (турка-масульманина)“¹³⁶⁾.

Дружба папъ съ монголами выразилась и въ г. Пекинѣ. Тамъ съ 1307 г. до паденія монгольской династіи существовала римско-католическая миссія во главѣ съ архіепископомъ Іоанномъ. Этотъ миссіонеръ, прожившій въ Китаѣ около 20 лѣтъ, далъ поводъ къ легендѣ объ „архіепископѣ Іоаннѣ“, будто бы имѣвшемъ большое значеніе при дворѣ хана и большое число прихожанъ.

Изъ приведенныхъ историческихъ данныхъ ясно видно, что въ

¹³⁵⁾ Живописная Исторія древней и новой Россіи, А. Рамбо. Москва, 1898 г., стр. 127.

¹³⁶⁾ Исторія Крестовыхъ походовъ. Куглеръ. СПб. изд. 1895 г. стр. 429, 440.

покореніи Руси монголами папы и ихъ западные союзники играли главную роль, каковое обстоятельство нашими историками совсѣмъ упущено изъ вида.

Теперь обратимся къ событіямъ, сопровождавшимъ занятіе монголами южно-русскихъ и главное придонскихъ степей.

Въ этотъ періодъ времени близъ устьевъ Дона процвѣтала торговый и многолюдный городъ Тана или Азовъ. Значеніе Таны простиралось далеко на востокъ въ степи, гдѣ венеціанцы имѣли особья факторіи и укрѣпленныя складочныя для товаровъ мѣста, какъ, напримѣръ, при устьяхъ р. Сала, близъ нынѣшней Семикаракорской станицы. Планъ этого укрѣпленія, снятый мною въ 1905 г. съ натуры и нынѣ хранящійся въ Донскомъ музеѣ, ясно говоритъ, что крѣпость эту строили итальянскіе инженерны въ XII или XIII в.

Изъ историческихъ данныхъ не видно, чтобы Батый, по возвращеніи изъ-за Карпаты, громилъ Тану, какъ другіе, встрѣчавшіеся на его пути города. Это и понятно, такъ какъ Таной владѣли союзники папы венеціанцы. Напретивъ того, другіе города, непожелавшіе добровольно подчиняться татарамъ, были ими разгромлены и богатства ихъ разграблены.

Посолъ папы Иннокентія IV къ Батыю, образованный монахъ францисканскаго ордена Іоаннъ Пляно-Карпини, бывшій въ Золотой Ордѣ въ 1246 г., картинно, но безъ всякаго сожалѣнія къ мѣстнымъ жителямъ, описываетъ взятіе татарами гор. Орна, расположеннаго въ низовьяхъ Дона. Городъ этотъ, по словамъ Карпини, былъ богатъ и многолюденъ: онъ имѣлъ хорошую гавань для стоянки кораблей и велъ обширную торговлю со многими народами. Населеніе Орна состояло изъ аланъ-христіанъ, хазаръ, россіянъ и сарацинъ (масульманъ), имѣвшихъ тамъ торговныя заведенія и склады товаровъ. Городъ былъ обнесенъ крѣпкими стѣнами: черезъ него протекала рѣка, вѣроятно одинъ изъ рукавовъ Дона. Татары не могли взять городъ приступомъ, такъ какъ жители его отчаянно защищались, тогда они запрудили ниже его рѣку и потопили весь народъ.

О какомъ городѣ говорятъ Карпини,—не трудно догадаться,—это старый казачій городъ Черкасскъ, черезъ который дѣйствительно протекала рѣка, рукавъ Дона—Протока. Запрудивъ эту рѣку при помощи итальянскихъ инженеровъ, Батый дѣйствительно могъ взять этотъ городъ подтопомъ.

Черкасскъ—древнее насиженное гнѣздо казачества и предковъ ихъ аланъ-азовъ. Въ немъ и теперь, не смотря на многіе пожары XVII и XVIII в.в., уцѣлѣло болѣе десяти домовъ, построенныхъ въ XV и XVI в.в. Дома эти своеобразной архитектуры въ одинъ и два этажа, съ подвалами; построены изъ хорошо выжженного кирпича, со сводчатыми потолками. Двери, какъ внутреннія, изъ комнаты въ комнату, такъ и наружныя, а также и ставни сдѣланы изъ толстаго кованнаго листового желѣза. У нѣкоторыхъ домовъ изъ чердака сдѣланы ходы въ подвальное помѣщеніе. Стѣны толсты и крѣпки. Подобные дома можно разгромить только современной артиллеріей, но по тому времени они были неприступны.

У казака Старочеркасской станицы Петра Ефремовича Жученкова и теперь хранится актъ, въ видѣ купчей крѣпости, на татарскомъ и русскомъ языкахъ, о покупкѣ запорожцемъ Жученко въ 1517 г. дома, нынѣ сохранившагося въ прекрасномъ видѣ, у одного татарскаго князька. Домъ и документы эти перешли Жученкову отъ предковъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что если купля-продажа домовъ въ городкѣ, а въ то время станъ Черкасовъ, совершалась въ 1517 г., то дома эти построены были гораздо раньше и быть можетъ до нашествія Батые. Во всякомъ случаѣ ихъ строили не татары, у которыхъ приобрѣлъ одинъ изъ нихъ казакъ Жученко. Покупка казакомъ Жученко названнаго дома относится ко времени занятія этой мѣстности казаками Черкасами. О чемъ будемъ говорить ниже. Теперь же укажемъ на другіе придонскіе города, существовавшіе въ татарскій періодъ.

Герберштейнъ въ своихъ „Запискахъ о Московитскихъ дѣлахъ“, составленныхъ имъ въ 1517—1526 г.г., говоритъ (стр. 106) о торговомъ городѣ Ахасѣ, расположенномъ на берегу р. Дона въ 4-хъ дняхъ пути отъ Азова и на одинъ день пути выше устья р. С. Донца. Въ указанной мѣстности дѣйствительно есть обширное городище, расположенное на островѣ между старымъ и новымъ Дономъ, въ юртѣ нынѣшней Золотовской станицы. Развалины каменной стѣны съ башнями тянулся по берегу Дона болѣе полуверсты. Вокругъ разбросано много кургановъ съ битымъ кирпичемъ квадратной формы и черепицей.

Ахасъ, вѣрнѣе Акасъ, отъ акъ—бѣлый, по-татарски, и асъ, отъ народа *аланъ-азовъ*. Хазары бѣловежцы также по-Нестору называли себя азами и ясами; слѣдовательно, Ахасъ или Акасъ былъ бѣлый или свободный аланскій городъ, какъ и Орнъ и Азовъ.

Городъ этотъ просуществовалъ до начала XVI в., иначе Герберштейнъ о немъ бы и не упоминалъ. Онъ, по всей вѣроятности, былъ разрушенъ уже татарами магометами во время нашествія Тамерлана.

Золотовское городище еще не изслѣдовано археологами. Раскопка кургановъ на этомъ мѣстѣ дала бы цѣнный для исторіи Дона матеріалъ и пролила бы свѣтъ на жизнь нашихъ предковъ. Донскихъ казаковъ.

Планъ мѣстности, съ показаніемъ Золотовскаго городища, мною переданъ въ 1905 г. въ Донской музей.

Изъ всего вышесказаннаго намъ теперь приходится сдѣлать одинъ очень важный въ историческомъ отношеніи выводъ и рѣшить разъ навсегда вопросъ: осталось ли на берегахъ Дона, нижняго Днѣпра, Кубани и Азовскаго моря христіанское туземное, населеніе и въ какомъ количествѣ при занятіи южно-русскихъ степенъ монголами въ первой половинѣ XIII в.?

Приведенныя выше историческія данныя ясно говорятъ, что населеніе это осталось и въ большемъ количествѣ; что оно, при вѣротерпимости идолопоклонниковъ татаръ, руководимыхъ западными христіанами католиками, агентами папы, свободно исповѣдывало свою древнюю православную вѣру и священники ихъ открыто совершали при полкахъ христіанское богослуженіе, даже въ ханской ставкѣ; что населеніе это было славяно-русское, алано-азы, названныя Рубруквисомъ „народомъ особеннымъ“; что на Кубани и Днѣпрѣ, на службѣ у русскихъ великихъ князей, народъ этотъ назывался черными клобуками, т. е. черными шапками, или казаками (казаками)-Черкасами, а на Дону бродниками, т. е. вольными людьми; что, наконецъ, эти вольные люди, по русскимъ лѣтописямъ, ходили на службу къ русскимъ удѣльнымъ князьямъ, а иные служили татарскимъ ханамъ, составляя ихъ охрану, сопровождали баскаковъ (ханскихъ чиновниковъ), а въ войскахъ составляли передовую конницу¹³⁷⁾.

Греческіе историки, современники монгольскаго владычества, положительно утверждаютъ, что вошедшіе въ составъ татарской монархіи Чиги, Геты, Россы и другіе пріазовскіе народы, т. е. Аланы-азы, Казахи или Казаки-Черкасы, принявъ отъ татаръ нравы, обычаи, языкъ и одѣяніе, служили въ ихъ войскахъ и возвели могущество ихъ на высочайшую степень славы. Дѣйствительно, нравы, обычаи и образъ жизни, а также и одѣяніе нашихъ древ-

¹³⁷⁾ Объ этомъ, помимо греческихъ, говорятъ и русскіе историки XVIII в. Татищевъ и Болтавъ.

нихъ казаковъ мало чѣмъ отличались отъ татарскихъ. Татарскій языкъ также былъ въ большомъ употребленіи у нашихъ казаковъ. даже еще въ началѣ XVIII вѣка. какъ о томъ говоритъ ученый инженеръ гидротехникъ де-Романо. рывшій каналы въ Черкасскѣ и въ гирлахъ Дона въ 1801—1802 г.г. Но не смотря на это, казаки оставили во всей неприкосновенности свою древнюю православную греческую вѣру, а также свой типъ, свои антропологическія черты, въ большинствѣ несходныя ни съ великоросскими, ни съ татарскими, т. е. свои казачьи, „народа особеннаго“, какъ говоритъ Рубруквиусъ. Нельзя отрицать, чтобы и полудикое населеніе монархіи Чингисъ-Хана не замѣтвало что-нибудь изъ быта черкаскаго и аланскаго казачества, а также изъ ихъ языка. Пренебреженіе множества славяно-русскихъ корней въ языкѣ татаръ ясно говоритъ объ этомъ.

Одежда нашихъ древнихъ казаковъ и казачекъ также не вполне сходна съ татарской. Это скорѣе одѣяніе самобытное, южно-славянское, отчасти замѣтованное у древнихъ парфалъ; объ этомъ говорилъ еще Тацитъ: „Сарматы и Парфяне носили широкія одежды“

По закону Чингисъ-хана „Чжу“, выработанному, какъ это было говорено выше, культурными средне-азиатскими христіанами несторианской секты, а не дикими монголами.—волосы должны быть сбиты, а на макушкѣ оставлена одна только косичка. Высокопоставленнымъ личностямъ дозволялось носить бороду, а остальные должны сбривать ее, оставляя одни усы. Но вѣдь это обычай не татарскій, а древнихъ Гетовъ (см. гл. VI) и Массаетовъ, т. е. народа, извѣстнаго еще въ XIV в. до Р. X. и наводившаго страхъ на Египетъ, Сирію и Персію, а потомъ упоминаемаго въ VI в. до Р. X. греческимъ историкомъ Прокопіемъ. Массагеты—Великіе-Сакки-Геты, составлявшіе въ полчищахъ волжанина Атилы передовую конницу, также брили голову, оставляя сверху одну косичку, и бороды, оставляя усы. Роспись болгарскихъ князей и Лиутпрандъ говорятъ о существованіи этого обычая у дунайскихъ болгаръ. По описанію греч. ист. Льва Діакона, русскій великій князь Святославъ также брилъ бороду и голову, оставляя одинъ чубъ, т. е. подражалъ гетскому или черкасскому казачеству, составлявшему въ его войскѣ передовую конницу. Это были бѣловежцы *Асъ-сакки* или *казаки*.

Слѣдовательно, обычай брить бороды и головы, оставляя усы и чубъ, не татарскій, такъ какъ существовалъ раньше у Гетовъ болѣе чѣмъ за 2 тыс. лѣтъ до появленія татаръ на историческое поприще.

Оглавленіе.

Древняя Исторія казачества.

Часть I-я.

	Стр.
Вмѣсто предисловія. (Какъ нужно писать исторію)	III—VIII.
Глава I. Вгльядъ историковъ на происхожденіе казаковъ	1— 11
II. Краткій обзоръ современныхъ народовъ Кавказа	11— 25
III. Черкесія и ея прошлое	25— 36
IV. Кто были скиѣи—сарматы?	36— 56
V. Черкасія, Чигія, Аланія и Казакія	57— 70
VI. Геты—Руссы	70—112
VII. Амазонки	113—120
VIII. Гунны и Хазары	121—130
IX. Христіанство въ Приазовьѣ и древне-русская письменность	130—141
X. Хазары-бѣловѣжцы и переселеніе ихъ на Днѣпръ	141—162
XI. Татарское нашествіе	162—184

Главнѣйшія опечатки.

Стран.	Напечат.	Строка.	Читать.
IV.	безпристрастенъ	1-я сверху	—безпристрастенъ.
IV.	культурваго	16-я „	—культурнаго.
VIII.	о комъ	4-я снизу	—о томъ.
24.	(хадлеи)	24-я сверху	—(халдеи).
54.	Сага Едда Скорре	22-я сверху	—Сага Едда Снорре.
81.	<i>Cela mollitise</i>	7-я снизу	— <i>Cela mollitice</i> .
103.	дединенное мѣсто	1-я снизу	—уединенное мѣсто.

Оглавленіе.

Древняя Исторія казачества.

	Стр.
Вмѣсто предисловія. (Какъ нужно писать исторію)	III—VIII.
Вглядъ историковъ на происхожденіе казаковъ	1— 11
Краткій обзоръ современныхъ народовъ Кавказа	11— 25
Черкесія и ея прошлое	25— 36
Кто были скифы—сарматы?	36— 56
Черкасія, Чигія, Аланія и Казакія	57— 70
Геты—Руссы	70—112
Амазонки	113—120
Гунны и Хазары	121—130
Христіанство въ Приазовьѣ и древне-русская письменность	130—141
Хазары-бѣловѣжцы и переселеніе ихъ на Днѣпръ	141—162
Татарское нашествіе	162—184